

Дж. Д. БЕРНАЛ • НАУКА И ОБЩЕСТВО

Дж. Д. Бернал

НАУКА
И
ОБЩЕСТВО

Дж. Д. БЕРНАЛІ

НАУКА И ОБЩЕСТВО

Сборник статей и выступлений

Перевод с английского

*Министерство Культуры СССР
Главиздат*

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва, 1953

Д ж . Д . Б Е Р Н А Л

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя выдающегося английского ученого и прогрессивного общественного деятеля Джона Десмонда Бernalа хорошо известно советским людям. Оно стоит в одном ряду с именами Ф. Жолио-Кюри, Го Мо-жо, У. Дюбуа и других мужественных и благородных защитников мира.

Дж. Бernal является членом Лондонского королевского общества, профессором физики Кембриджского университета и директором биомолекулярной исследовательской лаборатории. Бernal — крупный специалист в области биохимии и кристаллографии. Им созданы научные труды о структуре металлов, гормонов, витаминов, белков, вирусов и т. д.

Вместе с тем Дж. Бernal является активным общественным деятелем. В годы второй мировой войны Бernal был одним из тех передовых английских ученых, которые стремились направить средства науки и техники на дело разгрома немецко-фашистских агрессоров и тем самым содействовали победе свободолюбивых народов над гитлеровской Германией. В послевоенные годы проф. Бernal стал одним из организаторов и активных участников движения сторонников мира в Англии и во всем мире. Он был избран членом Бюро Всемирного Совета Мира и членом Английского комитета защиты мира, а также является членом Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами».

В своих книгах «Общественная роль науки» (1939) и «Свобода необходимости» (1949), а также в многочисленных статьях и выступлениях Бernal стремится осмыслить место и задачи науки в развитии общества. Он выступает неутомимым поборником передовой науки, популяризирует великие достижения науки в Советском Союзе, показывает вырождение науки в странах капитала и призывает ученых к активной борьбе за преобразование общества, за то, чтобы наука была поставлена на службу человечеству.

Положение науки в капиталистических странах, проблемы общественного назначения работы ученого не случайно привлекли внимание Бернала. Современная реакционная буржуазия заводит науку в капиталистическом мире в тупик. Наука в странах империалистического, антидемократического лагеря служит делу обеспечения максимальных прибылей монополистическому капиталу, преступной, антинародной политике подготовки новой войны, гонки вооружений, милитаризации и фашизации всех сторон общественной жизни. Если в период «свободной конкуренции» буржуазия была заинтересована в прогрессе техники, в развитии науки, то в период общего кризиса капитализма развитие науки и техники ограничивается и зачастую подавляется буржуазным строем. Наука в современном капиталистическом обществе стоит на службе у монополий, которые ради своих корыстных интересов, ради наживы тормозят внедрение научных достижений в производство и заставляют науку служить преступным целям войны.

«Всем известны факты, — писал И. В. Сталин, — из истории и практики капитализма, демонстрирующие бурное развитие техники при капитализме, когда капиталисты выступают как знаменосцы передовой техники, как революционеры в области развития техники производства. Но известны также факты другого рода, демонстрирующие приостановку развития техники при капитализме, когда капиталисты выступают как реакционеры в области развития новой техники и переходят нередко на ручной труд.

Чем объяснить это вопиющее противоречие? Его можно объяснить лишь основным экономическим законом современного капитализма, то есть необходимостью получения максимальных прибылей. Капитализм стоит за новую технику, когда она сулит ему наибольшие прибыли. Капитализм стоит против новой техники и за переход на ручной труд, когда новая техника не сулит больше наибольших прибылей»¹.

Крупнейшее научное достижение XX в. — открытие атомной энергии — поставлено империалистами на

¹ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 39—40.

службу войне. Новейшие изобретения в области самолетостроения и реактивных двигателей, радиолокации и бактериологии в странах империализма используются не в интересах прогресса, не в интересах улучшения условий жизни человека, но ради захвата чужих территорий и порабощения других народов, в целях получения сверхприбылей и колониального грабежа. Это не может не возмутить всякого честного человека, всякого передового ученого. Прогрессивные ученые все яснее начинают понимать, что капиталистический строй уже неспособен обеспечить дальнейший прогресс общества, всестороннее развитие науки и культуры.

Развитие современных производительных сил общества, все более приобретающих общественный характер, требует координации различных отраслей индустрии, а это в условиях капиталистической конкуренции и анархии производства невозможно. Современная наука требует широкого размаха научно-исследовательских работ, тесного сотрудничества ученых смежных отраслей знания и прежде всего тесной связи науки с производством. Прогрессивные ученые всего мира видят, что такое развитие науки стало возможным лишь в социалистическом обществе, где нет анархии производства и кризисов, где развитие науки и техники не знает никаких преград, ибо основным экономическим законом социализма является закон максимального удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники.

Современная реакционная буржуазия не только тормозит развитие науки, ограничивая применение ее достижений. Она оказывает на науку пагубное влияние и в идеологическом отношении, стремясь духовно растлить ученых путем насаждения различных идеалистических и агностических теорий, которые сбивают с толку научных работников, приводят их к неверным обобщениям и реакционным мифам. Для передовых ученых в капиталистических странах все более очевидной становится несовместимость развития науки с капиталистическим строем, с реакционным буржуазным мировоззрением. Вот почему они начинают отвергать идеализм и переходят на позиции един-

ственно научной философии — диалектического материализма. К числу таких передовых ученых принадлежит и проф. Бернал, со взглядами которого советский читатель может ознакомиться по произведениям, вошедшим в настоящий сборник.

Сборник статей Дж. Бернала разбит на три части: в первой собраны работы, касающиеся вопросов взаимоотношения марксизма и естествознания, вторая включает в себе статьи, посвященные положению науки при капитализме и социализме, третья состоит из выступлений по общественно-политическим вопросам, главным образом по вопросам борьбы за мир, против подготовки новой мировой войны.

Как и другие передовые ученые современности, Бернал приходит к выводу, что весь ход развития естественных и гуманитарных наук делает марксизм единственно приемлемым для людей науки мировоззрением.

Высоко оценивая роль материалистической теории и диалектического метода марксизма, Бернал показывает, что марксизм не стоит в стороне от столбовой дороги мировой цивилизации, а является единственным наследником всех ее достижений. Бернал отмечает в своих работах, что марксизм связан с лучшими традициями науки, традициями Ньютона и Вольтера, А. Смита и Д. Рикардо, и вместе с тем подчеркивает отличие марксизма от всех предшествовавших философских систем.

Выступая в защиту марксистской философии, Бернал разоблачает клеветнические утверждения врагов марксизма, будто материализм ограничивается лишь удовлетворением «грубых» потребностей в пище, одежде, жилище, деньгах и т. п. и якобы игнорирует более высокие «духовные» ценности. Он убедительно раскрывает всю лживость попыток буржуазии принизить марксизм посредством его отождествления с гегелевской идеалистической философией. Бернал показывает отличие марксизма как от идеалистической диалектики Гегеля, так и от домарксовского материализма — французского материализма XVIII в. и материализма Фейербаха. В своих работах «Столетие марксизма», «Маркс и наука» Бернал подчеркивает, что марксизм с самого начала стоит на

позициях материализма, что в отличие от прежнего материализма он рассматривает природу и общество не абстрактно и созерцательно, а конкретно и практически, как находящиеся в процессе изменения и развития. В подтверждение этих мыслей он приводит убедительные выдержки из важнейших произведений классиков марксизма, излагает историю создания марксизма.

Бернал не только защищает марксизм от нападок идеологов буржуазии, но вместе с тем разоблачает лженаучные «теории» различных направлений буржуазной философии. Прежде всего Бернал развенчивает «академическую философию», то есть идеалистическую философию, официально принятую в академиях, университетах и институтах капиталистического мира. Он показывает, что эта философия запуталась в дебрях абстракций и мистицизма и окончательно пришла в упадок. Бернал подвергает критике и другие реакционные идеалистические системы современных буржуазных философов: субъективно-идеалистическую школу логического позитивизма, основанную Б. Расселом, новую разновидность позитивизма — «систему» Карнапа, неомальтузианство и прочие измышления реакционной буржуазной философии и социологии.

В результате критического анализа всех этих буржуазных философских течений Бернал приходит к верному выводу: «Все они проповедуют мысль, что положение человечества не может быть улучшено путем сознательного, разумного сотрудничества. Они требуют меньше знаний и больше веры; они единодушны в своих нападках на страны, где люди собственными силами стремятся создать цивилизацию на научной основе. Они пытаются умалить значение того учения, которое ведет людей к этой цели, — значение философской системы диалектического материализма» (стр. 11 *). Буржуазная философия, как отмечает Бернал, все больше вырождается в прямую апологию капиталистического рабства, фашизма и войны. Идеологи империалистической буржуазии поднимают на щит самые реакционные, антинародные теории, чуждые науке, враждебные всякому разумному познанию.

* Здесь и далее в предисловии в скобках даются ссылки на страницы настоящего сборника.

Критикуя современную буржуазную идеологию, Бернал убедительно показывает, что единственно научной философией современности является философия диалектического материализма. Диалектический материализм, как верно отмечает Бернал, является стратегией научного исследования; он позволяет предвидеть ход явлений природы и общества, дает возможность увидеть пути развития общества и познать его законы. Диалектика проявляется не только в гуманитарных, но и во всех естественных науках — в физике, математике, химии, биологии. Новейшие достижения во всех областях науки подтверждают жизненность диалектического материализма, его правоту. Но это не значит, что марксизм поглощает конкретные науки о природе и обществе или подменяет их. Марксизм является единственно плодотворным методом всех наук, он раскрывает взаимную связь между науками, устанавливая их органическое единство с жизнью общества, с потребностями его развития. Благодаря марксизму наука может освободиться от той метафизической односторонности и ограниченности, которые на всем протяжении ее истории сковывали развитие научной мысли. Вскрывая подлинные источники развития науки — жизненные потребности общества и прежде всего нужды материального производства, — марксизм тем самым дает науке возможность стать важным фактором социальных преобразований.

Передовой ученый и борец против реакции, Бернал видит, что марксизм не только служит ценнейшим руководящим методом научного исследования, но и является передовым научным мировоззрением, указывающим человечеству выход из того тупика, в который заводит общество капитализм. Во время второй мировой войны марксизм продемонстрировал свое огромное превосходство и величайшие преимущества перед всеми видами буржуазной идеологии. «Еще большую потребность, — писал Бернал в 1948 г. в статье «Столетие марксизма», — мы испытываем в нем в переживаемые нами тяжелые времена. Диалектический материализм нужен нам, чтобы бороться с тем искусственным разделением мира, к которому стремится реакция. Только марксизм может показать, что знамя западной «цивилизации», поднятое сейчас во имя

истребительной войны, является все тем же старым капиталистическим знаменем со свастикой, под которым Гитлер и Геббельс пытались объединить обманутые народы для «крестового похода» против большевизма» (стр. 52).

Выступая против ревизионистов, Бернал в трудах «Столетие марксизма», «Маркс и наука» подчеркивает, что действительными марксистами являются лишь те люди, которые сами принимают непосредственное участие в политической борьбе рабочего класса. Такими людьми в свое время были Маркс и Энгельс. Такими людьми в нашу эпоху явились Ленин и Сталин.

В статье, посвященной памяти Ленина, Дж. Бернал характеризует великого вождя русского и международного рабочего класса как гениального ученого, обладавшего даром предвидения и внесшего неопределимый вклад в развитие всех наук — не только социальных, но и естественных, — как ученого, чьи мудрые указания о взаимоотношениях науки и общества, о будущем человечества являются руководящими идеями и для политической деятельности и для научно-исследовательской работы в наше время. «...Ленин до сих пор жив, — пишет Бернал, — он принадлежит не только Советскому Союзу, но и всему человечеству. Ленин — вдохновляющий пример для нас; мы живем и боремся под непосредственным воздействием его идей» (стр. 107).

В статье «Творец новой цивилизации», опубликованной в «Правде» 16 марта 1953 г., Бернал показывает также выдающуюся роль в истории человечества великого вождя советского народа, продолжателя дела Ленина — И. В. Сталина. В этой статье Бернал пишет, что, несмотря на клевету и замалчивание дела Сталина, народы всего мира всегда видели в нем вождя и обращались к нему за помощью в минуту грозной опасности. Своими указаниями о возможности мирного сосуществования социализма и капитализма, а также планами преобразования природы Сталин показал народам путь к мирной и счастливой жизни. «События всегда подтверждали его правоту, — продолжает Бернал. — Вот почему не только народы Советского Союза, но и народы всего мира проникались к нему все большим и большим доверием. Это доверие к Сталину таково, что и его уход от нас не оставляет нас

беспомощными. Сталинские решения были основаны не на мистической интуиции, а на теории и практике марксизма. Об этом ярко свидетельствует вся его жизнь».

Бернал показывает, что Ленин и Сталин сумели поднять марксизм на новую ступень, обогатить его опытом истории и достижениями естественных наук; он подчеркивает то огромное значение, которое имеют труды Ленина и Сталина для современной борьбы за счастье человечества, за успешное развитие науки.

Работы Дж. Бернала свидетельствуют о том, что этот выдающийся английский ученый порывает с традиционным буржуазным мировоззрением в науке и смело идет к диалектическому материализму. Как передовой ученый, он ощущает естественную потребность в применении наиболее эффективного и подлинно научного метода познания, каким является материалистическая диалектика, для решения специальных вопросов науки. Как прогрессивный общественный деятель, он видит, что только марксизм способен дать правильное понимание и решение стоящих перед современным обществом исторических задач.

В трудах Бернала советский читатель встретится с отдельными устаревшими положениями, иногда — с неудачными формулировками. Так, в некоторых случаях Бернал, ссылаясь на отдельные положения марксизма, не учитывает их уточнение и дальнейшее развитие в трудах Ленина и Сталина. Это относится, в частности, к изложению и классификации основных черт марксистской диалектики.

Иногда не совсем удачны примеры, которыми автор иллюстрирует те или другие положения марксизма. Так, в подтверждение диалектического закона перехода количества в качество Бернал ссылается на пример роста городов, который якобы сам по себе приводит к новому качеству — выделению государственной власти, делению на классы и т. д. (см. стр. 25). Автор допускает некоторые неточности также и в отношении истории возникновения и развития марксизма (например, на стр. 57), в оценке менделизма-морганизма (стр. 43). Но эти отдельные неточности отнюдь не умаляют достоинств трудов Бернала, публикуемых в настоящем сборнике.

Важное значение имеют труды Бернала о роли науки в жизни общества, помещенные во второй части сборника.

Наука, как указывал Маркс, является «продуктом общего исторического развития в его абстрактном итоге», результатом практической и познавательной деятельности людей на всем протяжении истории общества. Постоянным живительным источником развития науки, движущей силой ее прогресса являются потребности общества и прежде всего потребности материального производства. Непрерывное совершенствование технической базы общества создает новые возможности для раскрытия тайн природы, для дальнейшего развития науки.

Во всех своих работах, и особенно в книгах «Общественная роль науки», «Свобода необходимости», в статьях «Наука против войны», «Наука на службе человечества», «Судьбы науки» и др., Бернал развивает идею о связи науки с нуждами и потребностями общества, и прежде всего с потребностями развития техники. Наука, по мнению Бернала, должна, во-первых, изобрести средства для удовлетворения постоянно растущих материальных потребностей людей, во-вторых, дать людям основы мировоззрения и, в-третьих, вселить в людей веру в возможность познания еще непознанного. Тесная связь с практикой является обязательным условием успешного развития науки; даже одаренные личности могли потерпеть и терпели неудачи, если они отрывались от практики. Наука без техники вернулась бы к чистой схоластике. Техника без науки превратилась бы в ремесло.

Бернал видит, что в условиях капитализма невозможно нормальное и плодотворное развитие науки. Поэтому основным и ведущим мотивом в работах Бернала, посвященных вопросам положения науки в современном обществе, является обличение современного капитализма как строя, несовместимого с прогрессом науки. Развитие науки при капитализме, как показывает Дж. Бернал, противоречиво. С одной стороны, развитие материального производства при капитализме порождает новые технические потребности и ведет к новым научным открытиям, изобретениям и усовершенствованиям; с другой — капиталистическое общество не только не совершенствуется в результате этих достижений науки, но идет к своей

гибели, ограничивая и уродуя науку, тормозя ее прогресс. Противоречивое развитие капитализма нашло свое отражение в противоречивом развитии науки при капитализме.

«Наука за столетие сделала гигантский шаг вперед, — пишет Бернал в брошюре «Маркс и наука». — В 1950 г. наше познание мира и умение управлять силами органической и неорганической природы неизмеримо выросли по сравнению с 1850 г. Но было бы нелепо утверждать, что благодаря всему этому каждый человек теперь не так сильно желает свободы и улучшения условий своей жизни. Налицо еще бóльшая разница между тем, что делается для блага человечества, и тем, что могло бы быть сделано при помощи науки. Как ученому, так и простому человеку наука теперь представляется не многообещающей и полезной силой, а чем-то таким, что волей-неволей используется в бессмысленных или разрушительных целях» (стр. 94—95).

При существующих в мире капитализма экономических условиях, доказывает Бернал, трудно, а подчас невозможно добиться практического применения тех изобретений, в которых общество ощущает потребность. Большим препятствием в развитии техники, а следовательно, и науки является капиталистическая конкуренция. Что же касается монополий, то они еще больше тормозят технический прогресс, чем это было в условиях свободной конкуренции. Конкуренция между капиталистическими монополиями мешает тому взаимодействию между различными областями применения научных достижений, которое обеспечивает наиболее плодотворные результаты.

Бернал показывает, что капитализм обрекает науку на одностороннее и уродливое развитие, что деятели науки при капитализме состоят на службе монополий и подчиняются их корыстным интересам. Правящие классы стремятся ограничить научное исследование лишь такими техническими усовершенствованиями, из которых они могут немедленно извлечь наибольшую прибыль. Монополисты не развивают ряда отраслей науки потому, что применение новых конструкций машин и технологических процессов, разрабатываемых наукой, представляется им невыгодным.

Бернал гневно говорит о том, что применение научных открытий в условиях капитализма ведет к безработице и кризисам, что наука не только не является средством ликвидации нищеты, но еще больше усиливает ее, что оружие, созданное с помощью науки, усилило угрозу войны, создав средства массового уничтожения людей. Вместе с тем Бернал показывает, что и та ограниченная «свобода научного исследования», которая имела место на первой стадии развития капитализма, когда буржуазия позволяла еще себе либеральничать, в условиях современного капитализма почти совершенно исчезла.

Развенчивая иллюзии буржуазных ученых о «свободе научного исследования» и «свободе мысли» в условиях капитализма, Бернал показывает, что в США, Англии и других буржуазных странах людям, придерживающимся иных убеждений, чем взгляды правящих кругов, невозможно не только свободно вести научные исследования, но и получить какую-либо работу. Это хорошо проиллюстрировано им на примерах судебного преследования в США проф. У. Дюбуа — за выступления против расизма, Струйка из Массачузетского технологического института — якобы за «организацию заговора, направленного на свержение правительства», выразившуюся в том, что он рассказывал в своих лекциях о марксизме. Доктор Шпитцер был уволен только потому, что выступил в научном журнале с предложением изучить теорию акад. Лысенко. Во Франции проф. Жолио-Кюри за участие в движении сторонников мира был снят с поста верховного комиссара по производству атомной энергии и т. п. Можно было бы добавить к этому и тот факт, что сам Дж. Бернал подвергался преследованиям со стороны правящих кругов за свои выступления в защиту мира и правдивые слова о Советском Союзе.

Рисуя тяжелую и безрадостную картину положения ученых и науки при капитализме, Дж. Бернал далек от какого-либо пессимизма и уныния. Он критикует распространившиеся в среде людей науки капиталистического мира теории о «переизбытке науки», о нецелесообразности разветвления научных исследований и расширения подготовки научных кадров, об «оскудении» научной мысли и т. п. Бернал доказывает, что «наука терпит неудачи не

из-за недостатка способностей у людей, а из-за неудовлетворительной общественной организации использования этих способностей»¹. С особенной силой он обрушивается на мальтузианские теории о перенаселении земли, о бесперспективности грядущего развития человеческого общества. В своих статьях «Наука на службе человечества» и «Судьбы науки», в рецензии «Отречение от науки» он разоблачает мальтузианцев, и особенно Б. Рассела, А. В. Хилла и Ч. Дарвина (внука великого ученого), проповедующих ограничение науки и приостановку прогресса техники, показывая те неограниченные возможности, которые таит в себе наука, свободная от пут капитализма.

Бернал критикует также взгляды некоторых ученых старой школы, которые хотя и выражают недовольство положением науки при капитализме, но делают отсюда неверный вывод, пытаясь вернуться к прошлому, к пройденным этапам в развитии науки, когда различные области науки были разобщены и каждый ученый вел свои исследования обособленно, на свой страх и риск. Он справедливо считает недостойными попытки некоторых ученых уйти от животрепещущих вопросов современности и таким образом снять с себя ответственность за использование науки капиталистами и буржуазными политиками в реакционных агрессивных целях.

Дж. Бернал призывает всех работников умственного труда, и прежде всего ученых, к борьбе против антинародного, преступного использования науки. Он понимает, что люди науки могут рассчитывать на подлинный успех своей деятельности лишь в том случае, если они отдают все свои силы и знания служению народу, если они не ставят себя над народом и не отрываются от него. Ученый, говорит Бернал, — слуга, а не господин народа.

Дж. Бернал показывает, что, в противоположность положению при капитализме, наука в СССР и странах народной демократии стала активной участницей сознательного преобразования природы и общественной жизни, что является величайшим стимулом прогресса самой науки. В связи с этим Бернал подвергает критике неверные пред-

¹ «Science and Society», Vol. XIII, № 3, Summer 1949.

ставления о положении науки в стране социализма, встречающиеся у той части ученых, которые попадают «на удочку» буржуазных политиканов и верят в их лживые измышления о том, будто социалистический строй лишает ученых свободы научного исследования, подавляет их творческую индивидуальность и т. д. На примере СССР и стран народной демократии он показывает, что активное участие ученых в плановом социалистическом строительстве отнюдь не лишает их творческой индивидуальности, а, наоборот, преобразует и окрыляет их научную деятельность. Если в условиях капитализма ученые не могут следовать своим склонностям и способностям, то в СССР и странах народной демократии сама возможность осуществления на практике открытий, сделанных учеными, вдохновляет их на максимальное применение своих способностей. Труд в условиях социализма, говорит Бернал, перестает быть «работой» в старом смысле слова, то есть тяжелой, изнурительной, неосмысленной, безрадостной работой на эксплуататоров.

Он резко критикует как реакционные буржуазные измышления о социализме, так и фантастические утопии некоторых писателей, например Э. Фостера («Машина остановилась»), М. Мориса («Вести ниоткуда») и Г. Уэллса («Когда спящий проснется» и др.), которые изображают общество будущего как некую «сверхорганизацию», где люди якобы освободятся от всяких забот, трудностей и усилий и будут жить в условиях, регулируемых с момента рождения до самой смерти. Построенное в Советском Союзе социалистическое общество опровергает эти утопии некоторых буржуазных социологов и романистов.

Разоблачая бредовые реакционные теории неомальтузианцев о необходимости сокращения народонаселения якобы во избежание нищеты и голодной смерти миллионов людей, Дж. Бернал на примере СССР показывает, что там, где общественный строй и плановое развитие производства на базе высшей техники гарантируют людям обеспеченное и светлое будущее, рождение детей, значительный рост народонаселения, сочетающийся с неуклонным подъемом благосостояния всего народа, приветствуется обществом и государством.

Бернал опровергает лживые измышления буржуазных идеологов о том, будто социализм означает разрушение вековых культурных ценностей, созданных человечеством, отказ от культурного наследства; он разоблачает фактами из жизни СССР реакционные «теории» о неспособности ранее отстававших в своем культурном и экономическом развитии народов создать самостоятельную и высокоразвитую цивилизацию.

Пример Советского Союза и стран народной демократии ярко демонстрирует, что создаваемый человеком новый мир не только обеспечивает людей средствами существования, но и приносит радостную, полнокровную жизнь, что является неистощимым источником народного энтузиазма и всеобщего интереса к построению и широкому распространению новой, подлинно народной культуры.

Вдохновляющий пример Советского Союза свидетельствует также об огромных и неограниченных возможностях развития науки и ее применения на практике. Еще в своей книге «Общественная роль науки» Бернал показал, что использование науки в Советском Союзе является образцом ее сознательного применения. Задача, которую поставили перед собой ученые — познать природу и овладеть ею, — является выражением коренных задач человеческого общества, и ее осуществление стало возможно именно в условиях социализма.

Бернал понимает, что законом развития науки является свобода критики и борьба мнений. В статье «Место и задачи науки» он пишет: «Споры в науке, как показывает история науки, являются существенным признаком ее здорового развития. Критическое отношение к теоретическим положениям, даже хорошо обоснованным, — единственно верный путь избежать застоя, который порождали скрытые ограничения мышления в прошлом»¹.

Развитие науки в СССР, как отмечает Дж. Бернал, основано на свободе научной критики и свободном обсуждении проблем науки, на борьбе против рутины и догматизма. Ярким образцом творческого развития науки путем свободного обсуждения спорных положений Дж. Бернал считает проходившие в Советском Союзе дискуссии по физиологии, биологии, языкознанию и другим наукам,

¹ «Science and Society», Vol. XIII, № 3, Summer 1949.

опровергающие лживые утверждения буржуазных клеветников о якобы «авторитарном мышлении» при социализме и т. п.

Высоко оценивая достижения советской науки, особенно достижения физики, мичуринской биологии, биохимии и других отраслей знания, Бернал говорит о советских ученых: «Это самые энергичные люди из всех, с кем мне приходилось встречаться... Они не сомневаются в своем будущем и в будущем народа, которому служат. Советские ученые на практике показали, как можно воспользоваться наукой для решения конкретных задач» (из речи на митинге в Лондоне 30 сентября 1949 г.).

Логически обоснованным выводом из анализа современного положения науки в странах капитализма и странах социализма, сделанного Берналом, является его горячий призыв к работникам науки капиталистического мира отказаться от позиций «нейтральности» и созерцательности в современной борьбе между силами реакции и силами прогресса. Бернал призывает всех людей включиться в борьбу против империалистической реакции, отстаивать науку против обскурантизма и мракобесия господствующих верхов капиталистического мира, стать активными участниками движения сторонников мира.

Сборник завершается выступлениями Бернала в защиту мира, против опасности войны.

Усилившаяся после второй мировой войны реакционность буржуазии, продолжающаяся гонка вооружений и подготовка новой мировой войны побуждают всех прогрессивных людей встать на защиту мира, преградить путь войне. Дж. Бернал, стоящий в первых рядах борцов за мир, выступает с рядом речей и статей, призывающих к миру, разоблачающих агрессивную политику американско-английского империализма.

Дж. Бернал видит, что в условиях послевоенного периода сложился реакционный империалистический лагерь, возглавляемый США. В своих речах на конгрессах сторонников мира и статьях «Наука против войны», «За разоружение» и др. он показывает, что возглавляемый США агрессивный блок вынашивает преступные планы установления мирового владычества американского импе-

риализма, готовит третью мировую войну, направленную против СССР и стран народной демократии, совершает чудовищные злодеяния против народов Кореи, Вьетнама и других стран, борющихся за свою свободу и независимость.

Дж. Бернал показывает далее, что в противовес этой антинародной политике возникло, растет и ширится могучее движение сторонников мира. Усилилось и приобрело необычайный размах национально-освободительное движение народов колониальных и зависимых стран. Народы освобожденных от фашистской тирании стран, имеющие опыт героической борьбы за свободу и национальную независимость, не хотят подпасть под пяту американских империалистов.

В свете этих событий, свидетельствующих о росте сил мира и демократии, становится очевидной неизбежность краха жалких космополитических «теориек» об установлении под эгидой США «всемирного государства», которое якобы «призвано» поглотить национальные государства, ассимилировать их национальные культуры и языки, лишить народы их государственной самостоятельности и национальной независимости. Правда, пользуясь предательской антинациональной политикой буржуазных правительств ряда маршаллизованных стран, американские империалисты подчинили себе экономику и политику этих государств. Однако агрессивная политика и космополитическая идеология американских империалистов не имеет никакой поддержки у народов и встречает все более растущий отпор со стороны народов самой Америки, не говоря уже о Франции и Италии. Преодолевая «заградительный огонь» милитаристской пропаганды, народы учатся понимать агрессивные замыслы американских миллиардеров, что ведет к более действенному сопротивлению трудящихся милитаристской политике империалистических сил, готовящих новую мировую войну.

Движение сторонников мира, активным деятелем которого является Дж. Бернал, «не преследует цели ликвидации капитализма, так как оно является не социалистическим, а демократическим движением сотен миллионов людей. Сторонники мира выдвигают такие требования и предложения, которые должны способствовать сохране-

нию мира, предотвращению новой войны. Достижение этой цели явилось бы в современных исторических условиях огромной победой дела демократии и мира»¹.

В своих статьях и выступлениях Бернал приводит многочисленные примеры, свидетельствующие о том, что империалисты широко эксплуатируют науку в интересах бешеной гонки вооружений, заставляют людей науки отказываться от научных исследований в мирных целях, создают тайные, засекреченные институты и лаборатории для создания еще более разрушительных средств массового уничтожения людей. Он показывает, что современный капитализм, отказываясь от использования науки в мирных целях, ныне при помощи науки готовит новое вооружение, чтобы направить его против миролюбивых народов. Атомные и водородные бомбы, радиоактивные отравляющие вещества, бактериологическое оружие, химическое вооружение — все эти средства массового уничтожения и истребления людей капитализм создает и всячески совершенствует руками ученых.

В своем письме «Предостережение ученого» Бернал указывает, что в мире капитализма «ученые с особенной горечью убеждаются в том, что их работа по увеличению человеческих знаний и использованию этих знаний на благо человечества прекращается. В то же время применение этих знаний для создания новых ужасных средств разрушения быстро возрастает»². Поэтому, указывает Бернал, английские ученые, как и ученые других капиталистических стран, должны понять, что при наличии Атлантического пакта нет среднего пути между сотрудничеством в подготовке войны и сопротивлением ей. Ученые не могут оставаться пассивными. Вместе со всем народом они должны требовать мира и заставить поджигателей войны отказаться от мысли развязать войну.

Борьба за мир становится первоочередным делом ученых и всех честных людей нашего времени, ибо, как справедливо указывает в статье «Путь к миру» Бернал, «если мы потерпим неудачу в этом главном вопросе, то наша

¹ Г. Маленков, Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 25.

² «Daily Worker» от 22 июля 1950 г.

борьба за образование, здравоохранение, улучшение благосостояния человечества окончится поражением»¹.

Называя использование науки в агрессивных, разрушительных целях «самоубийственным извращением науки», Бернал справедливо выражает надежду на то, что уроки второй мировой войны не пропадут даром для человечества, что простые люди мира и вместе с ними передовые ученые должны помешать гнусным замыслам поджигателей новой войны. «Теперь стало невозможным, как это было в начале XX в., — пишет Бернал в статье «Наука против войны», — осуществлять империалистическую эксплуатацию при небольшом сопротивлении или даже безо всякого сопротивления со стороны ее жертв» (стр. 142).

Чтобы предотвратить ужасы новой войны, не допустить применения атомного оружия, необходимо, говорит Бернал, неустанно разоблачать лживую расистскую идеологию, которой империалистические реакционеры пытаются отравить сознание населения США и западноевропейских стран.

Трудящиеся всего мира видят, что на пути осуществления агрессивных планов империализма стоит могучий лагерь социализма, мира и демократии во главе с Советским Союзом. Дж. Бернал в своих выступлениях постоянно говорит английскому народу и другим народам капиталистических стран правду о мирной политике Советского Союза. Отвечая антисоветским клеветникам, Бернал в своем открытом письме, опубликованном в газете «Ньюстейтсмен энд нэйшн», заявляет, что Советский Союз нуждается в мире потому, что он развертывает невероятными темпами строительство здания действительной цивилизации, что он развивает жилищное строительство, сельское хозяйство, отрасли промышленности, производящие средства потребления. «Советский Союз, — продолжает Бернал, — стал независимым творческим центром промышленного развития, которым Англия давно перестала быть ввиду зависимости ее от США»². СССР стал могучим центром культуры, являющейся культурой всего

¹ «Labour Monthly», Vol. XXXIII, № 1.

² «The New Statesmen and Nation» от 3 сентября 1949 г.

народа, а не замкнутой касты интеллигентов; все свои усилия Советский Союз направляет на коренное улучшение жизни народа; он чужд каким-либо агрессивным планам, пишет Бернал.

В своих трудах Бернал с признательностью говорит о решающем вкладе советских народов в дело разгрома гитлеровской Германии и милитаристской Японии.

Весьма важной задачей передовых ученых и всех честных людей, которую выдвигает в своих выступлениях Дж. Бернал и за осуществление которой он сам горячо борется, является разоблачение буржуазных и правосоциалистических «теорий» о фатальной неизбежности третьей мировой войны, а также устранение панического страха перед атомным оружием, вызываемого лживой американской пропагандой.

В своих выступлениях Бернал обращает внимание сторонников мира на рост преступной милитаристской пропаганды, подчеркивая, что дух милитаризма, который издавна связан с реакцией в политике и в идеологии, будет торжествовать до тех пор, пока существует капитализм. Священным долгом передовых ученых и всех простых людей является поэтому разоблачение милитаристской идеологии, пропитывающей всю духовную жизнь капиталистических стран, в том числе и науку. Особенно важно показать народам, что, несмотря на все военные приготовления и гонку вооружений, правительства не могут вести войну без поддержки своих народов, а последние, по мере того как события будут просвещать их относительно подлинных целей этих правительств, будут оказывать все более и более эффективное сопротивление агрессивной политике своих правительств.

Какими бы ужасами ни грозила человечеству подготавливаемая империалистами новая мировая война, как бы ни отравлял империализм своим тлетворным дыханием науку, заставляя ее служить разрушительным целям, у капиталистов и их правосоциалистических пособников, подчеркивает Бернал, нет будущего. «Они утверждают, — заявил Бернал в своей речи на Всесоюзной конференции сторонников мира в Москве (1949 г.), — что обречена цивилизация, тогда как обречен только капитализм» (стр. 232).

Об этом, пишет Бернал в своей работе «Наука против войны», свидетельствует такой факт, как быстрое истощение естественных богатств США и других капиталистических стран в результате хищнического хозяйничания американских империалистов, наживающихся на гонке вооружений. Об этом свидетельствует также все более растущая диспропорция между покупательной способностью широких масс населения и ростом промышленного производства, проявляющаяся в нарастающих опустошительных экономических кризисах. Об этом свидетельствует развал мировой империалистической системы хозяйства и создание нового мирового рынка стран социализма и народной демократии, который закрыт для эксплуатации его американскими монополистами. Об этом говорит и рост сопротивления империализму в колониальных и зависимых странах.

Отсюда вытекает полная оптимизма уверенность передовых людей, мысли которых выражает Дж. Бернал, в крахе авантюристических агрессивных планов американского империализма, в способности передовых сил общества обеспечить подлинный прогресс человечества.

В своей статье «Наука на службе человечества» Бернал пишет: «...сейчас многие фаталистически относятся к грядущему человечества, уделом которого они считают лишь войны, разрушения и нищету. Этому фатализму противостоит совершенно ясная цель и подлинная решимость народов всего мира бороться за ее достижение, а не довольствоваться существующим положением вещей» (стр. 195).

И то, что такая цель — прочный мир, народная демократия, социализм — твердо определена свободолюбивыми народами и сотни миллионов людей мужественно борются за ее осуществление, наполняет сердца всех настоящих друзей и защитников трудящегося человечества, таких, как Бернал, подлинной радостью и уверенностью в победе сил прогресса над силами реакции.

Статьи и выступления Бернала, публикуемые в настоящем сборнике, являются неоспоримым доказательством силы и жизненности движения простых людей различных стран за мир и демократию, к которому при-

соединяются лучшие представители современной культуры.

Работы Бернала говорят об огромной притягательной силе Советского Союза, который становится для всего прогрессивного человечества, в том числе и для передовых ученых стран капитализма, светочем культуры, оплотом мира и свободы народов, знаменосцем нового, социалистического мира.

Труды Бернала являются ярким примером, показывающим, что все новые и новые передовые представители мировой науки убеждаются в истинности и неодолимости марксизма, все решительнее порывают со старыми взглядами и становятся на позиции единственно научного мировоззрения — марксизма-ленинизма.

•

М. Иовчук,

член-корреспондент Академии
наук СССР.

МАРКСИЗМ И НАУКА

СТОЛЕТИЕ МАРКСИЗМА ¹

ФИЛОСОФИЯ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

В Библии много пророчеств. Некоторые из них с самого начала составлялись как пророчества. Другие лишь впоследствии стали рассматриваться как пророчества. Теперь же мы знаем, что все эти «пророчества» на самом деле были записаны лишь после тех событий, которые они якобы предвосхищали. Действительное пророчество — редкое явление, но оно все же существует. В наши дни сбываются предсказания, сделанные сто лет назад, и это является одной из причин того, что в настоящее время Маркса признают все больше и больше. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс впервые дали совершенно невиданный до тех пор анализ общества, предсказав крах капитализма тогда, когда капитализм даже не был полностью развит.

Маркс принадлежит нашей эпохе, так как он предвидел ее. Он умел предсказывать, ибо он не только наблюдал современный ему мир, но и анализировал его, боролся за его изменение. Его предсказания сбылись не только потому, что они были хорошо продуманы и основаны на правильной теории, но и потому, что вся жизнь и деятельность Маркса являлись лучшим примером того, как эту теорию надо претворять в жизнь. Маркс был первым великим философом, который делал так же хорошо, как и говорил (перефразировка известной английской пословицы «Better to do well, then to say well». — «Лучше хорошо сделать, чем хорошо сказать». — *Ред.*).

Оглядываясь назад, мы видим, что философия Маркса — диалектический материализм — это особый,

¹ Статья из сборника J. D. Bernal, *The Freedom of Necessity*, London, 1949, стр. 388—428.

высший этап в развитии великой истории познания и освоения мира человеком. Однако из-за того, что Маркс, несмотря на свое академическое образование, работал вне круга почтенных академиков, его работы не только не были оценены по достоинству, но даже не были замечены ученым миром того времени. И это несмотря на то, что его труды наложили отпечаток на всю современную историю. Только теперь мы видим, что философы конца XIX и начала XX в. топтались на месте, что главное направление человеческой мысли следует по пути, впервые указанному Марксом. В последние годы академическая философия, подорванная кризисами и войнами, которых она не могла ни предвидеть, ни объяснить, была не в состоянии вести за собой растерявшееся человечество. Она потерпела такой же катастрофический крах, как и традиционная политическая экономия. В то же время не только философия, но и важнейшие направления внутреннего развития естественных и гуманитарных наук, развитие истории и самого человека свидетельствуют о том, что марксизм — это единственно приемлемое мировоззрение.

Несмотря на это, нужно признать, что еще очень редко встречается серьезное понимание марксизма — не простая констатация факта его существования, а глубокое знание его основ, характеризующееся умением применять марксизм в конкретных условиях и развивать его в зависимости от изменений в мире. Марксизм в целом и его мировоззрение — диалектический материализм — в частности все еще недостаточно известны. Это отчасти объясняется небеспристрастной враждебностью, которая не допускала проникновения марксизма в традиционные центры науки и, безусловно, препятствовала большинству выдающихся умов того времени ознакомиться с ним. Например, лорд Кейнс, критиковавший марксизм как «скучную доктрину», всегда отказывался изучить его.

Однако не это главная причина недостаточного распространения учения диалектического материализма. Сами марксисты неодобрительно, и часто не без причины, относились к большинству попыток изложить их философию на языке одной из философских школ. В течение ста лет марксизм существовал в капиталистическом мире, который казался прочным. В этом мире жизненные интересы интел-

лигенции требовали, повидимому, поддержки капиталистического строя. Следовательно, всегда имелась тенденция отойти от текстов Маркса и Энгельса и прибегнуть к их пересмотру, к такому их толкованию, которое под видом более приемлемой интерпретации тезисов Маркса путем нового понимания некоторых «догм» и «готовых фраз» в конце концов всегда исключает главные характерные черты его учения — классовую борьбу и теорию революции, — делая из марксизма нечто такое, что более приемлемо для буржуазии с политической и экономической точки зрения. Поэтому подлинные марксисты всегда подозрительно относились ко всякой переформулировке идей классиков марксизма, боясь, что это может явиться началом ревизии и выхолащивания его положений.

Только там, где теоретическое понимание сочетается с успешным политическим действием, как, например, при подготовке и проведении русской революции, марксизм мог быть и был успешно развит в великих и новых классических произведениях Ленина и Сталина. Именно теперь, когда не только Советский Союз, но и весь мир был потрясен войной и социальными преобразованиями, учение Маркса и его метод должны быть изучены наиболее широким кругом людей и наиболее интенсивно применяться ими. Изучение произведений Маркса в свете современного политического положения, изучение их влияния на мысли людей в настоящее время является первым шагом на пути как к более широкому распространению принципов марксизма, так и к наиболее полному применению этих принципов.

БАНКРОТСТВО ФИЛОСОФИИ

Тускло горит «светоч философии» в наше время. Нигде, кроме Советского Союза, нет хоть сколько-нибудь достойной внимания системы мышления, такой, которая завоевала бы широкое признание и явилась бы стимулом для активных действий. Вместо этого мы видим целый ряд изысканных, но абсолютно беспочвенных философских теорий, преподносимых в университетах; вместо этого мы видим возрождение мертвой религиозной догмы, а также большого количества нерациональных и даже антирацио-

нальных верований — от совершенно безвредных астрологии и спиритуализма до человеконенавистнической нацистской расовой теории, о которой, к несчастью, мы не хотели и слышать в прошлом. Причина этого интеллектуального банкротства становится теперь ясной даже и немарксистам. Развитие философии XIX в. шло рука об руку с развитием капитализма. Но философы, уверенные в прогрессивном и свободном развитии общества, теперь вынуждены отказаться от своих взглядов, ибо предсказанный ими мирный конституционный прогресс и рост благополучия слишком явно противоречат тяжелым и трагическим событиям последних лет. Академическая философия вынуждена сейчас, как и в дни Римской империи, перейти к абстрактному пустословию или к мистицизму.

Но если эти философские школы не дают ни стимула, ни ключа для разрешения затруднений настоящего времени, то они предоставляют возможность действовать другим силам. Церковь, открыто выступающая в настоящее время в роли оплота реакции, делает серьезные попытки добиться интеллектуального превосходства путем возрождения отживших философских учений средневековья. В свое время эти учения являлись средством примирения пробуждающегося разума с догмами, существовавшими в течение столетий. Теперь они неспособны даже на это и могут лишь притуплять человеческую мысль, вселяя чувство умственного бессилия, связанное с простым послушанием духовным отцам. Это возвращение к прошлому имеет место и вне церкви, особенно в литературных кругах, где широко распространен философский пессимизм, вроде экзистенциализма, или теории абсолютного цинизма, который ни в чем не видит добра и ни на что не возлагает надежд.

Постепенное увядание официальной философии в течение последних двадцати лет заслуживает подробного и детального изучения. То, что она деградирует, не вызывает никаких сомнений. Изучение состояния современной мысли обнаруживает лишь жалкие остатки того, что когда-то было мощной системой убеждений. Война, из-за которой фактически были закрыты гуманитарные факультеты университетов — по необходимости в неоккупированных странах и по принуждению в оккупированных, — окончательно

подорвала даже тот незначительный интерес к официальной философии, который так или иначе к ней проявлялся. В оккупированных странах близкое соприкосновение с действительностью в условиях Соппротивления или «сотрудничества» заставило людей относиться к философии с бóльшей серьезностью. Но это привело их не к официальной философии, а скорее, с одной стороны, к марксизму и, с другой, — к мистицизму и экзистенциализму. Лишь Англия и Соединенные Штаты были в известной степени предохранены от этого процесса, но и там не была удовлетворена потребность в философии измученных войной людей. Это произошло главным образом потому, что представители официальных философских теорий, среди которых можно различить два основных течения — логическое и позитивистское, — давно перестали интересоваться вопросами, действительно затрагивающими людей, и продолжали даже гордиться своей отрешенностью от этих вопросов.

Логика

Та логика, которая берет свое начало от Бертрана Рассела, все еще развивается — в меньшей мере в Кембридже, несколько больше в консервативных американских колледжах. К удовлетворению своих сторонников, она преуспела только в доказательстве того, что философия занимается лишь точностью выражения: «Понимать то, что я понимаю то, что я понимаю» («In being clear about being clear about being clear») по выражению профессора Мура. Сам Бертран Рассел в своей книге «Очерк философии» («Outline of philosophy») жалуется на то, что взгляды простого человека на мир безапелляционны, расплывчаты и внутренне противоречивы, и утверждает, что философия должна сделать их критическими, точными и логичными. Этот процесс превратил философию во что-то вроде высшей грамматики, во что-то настолько чистое и точное, что сторонники этого течения со вздохом пришли к заключению: все то, что сложнее предложения, состоящего из трех слов, выше человеческого понимания. Выбрасывая из философии все, кроме чисто формальных элементов, они, конечно, с самого начала мешали ей оказывать какое-либо влияние на человеческие дела и убеждения, но им не удалось

достичь даже тех скромных целей, которые они ставили перед собой, — содействовать выяснению основ научных знаний с тем, чтобы проверить существующие теории и раскрыть будущее. Насколько мне известно, логическая школа философии за все время своего существования не сделала ни одного даже самого незначительного открытия. Ее собственное самоотречение обрекло ее на полную бесплодность. Как говорит Виттгенштейн, формулируя последний тезис своей знаменитой книги: «Где нельзя говорить, там надо молчать»¹.

Позитивизм

Другим течением современной академической философии, которое появилось в Вене и, кажется, наиболее прочно обосновалось в Соединенных Штатах, является неопозитивизм. Вначале более тесно связанные с наукой, чем традиционная философия, неопозитивисты сделали попытку провести различие между тем, что может быть сформулировано способом, поддающимся проверке, и тем, что является просто пустословием. В то время полагали, что все дело в выборе правильного языка, и поиски языка, который мог бы правильно выразить смысл, были одной из главных забот позитивистов. Но эти поиски привели лишь к бесконечным парадоксам. В то время как последователи логической школы «мудро» избегали употребления каких бы то ни было слов и прибегали к малопонятному и пустому символизму, позитивисты стремились составить словарь из надежных и реальных слов, с помощью которых можно было бы давать более исчерпывающие определения. Но договориться о таком «протокольном» языке оказалось невозможным и поэтому важнейший вопрос о том, относить ли вещи к реальному миру или к комплексам ощущений, не мог быть разрешен позитивистской терминологией. Первый ответ вел к материалистической точке зрения, а следовательно, при современных условиях — к диалектическому материализму. Второй неизбежно приводил к солипсизму и мистицизму, как это установлено Лениным в критике позитивизма Маха. Главная слабость

¹ Wittgenstein, Tractatus Logico-Philosophicus, Kegan Paul, 1933.

позитивистов, которая относится и к логицистам, — это умышленное отмежевание от какого-либо контакта с социальной и экономической действительностью. Называя «метафизическим» и подлежащим лишь эмоциональному суждению все то, что не может быть выражено языком естественных наук, они совершенно отмежевались от решающих событий современности.

Философия «здравомыслящих»

Однако в Англии, а также в значительной степени в Соединенных Штатах академическая философия не имела успеха, и огромное большинство мыслящих англичани и американцев на вопрос относительно их философских взглядов, по всей вероятности, ответили бы, что никаких философских взглядов у них нет и что они никогда не ощущали потребности в них. Это, конечно, не означало, как давно уже указывал Энгельс, что у них действительно не было никаких философских взглядов. Они просто не сознавали наличия у себя этих взглядов, придерживаясь и действуя исходя из отживших и обычно несостоятельных философских течений, называя их «здравым смыслом». Эта популярная философия опирается на дуализм. Ее приверженцы считали (хотя они с трудом могли это сформулировать), что мир делится на две части: материальную, в которой строго соблюдаются законы природы, — или, по крайней мере, настолько строго, насколько это требуется для практики инженеров и химиков, — и нематериальную, состоящую из традиций и духовных ценностей, а также — по желанию — из богов, духов или религиозных чувств. Границы между этими двумя мирами не были точно определены. Никогда не было, например, уверенности в том, относилась ли политическая экономия к материальному миру и подчинялась ли она строгим законам природы или же она была воплощением психологии преуспевающих дельцов.

Значительным преимуществом этой антифилософской философии, или, как ее можно назвать, фобософии, то есть боязни абстрактных знаний, являлось то, что она давала возможность воспринимать мир именно таким, каким вы его нашли, и приспособляться к нему с целью получения

наибольшей для себя выгоды. Познаваемая сторона мира давала вам именно то, что необходимо для разрешения практических задач; о политических и религиозных вопросах не было необходимости спорить; как агностицизм, так и религия были приемлемы постольку, поскольку они не вмешивались в дела людей.

Главной слабостью этой точки зрения была ее неспособность иметь дело с изменяющимися условиями. Это делает ее последователей, как бы они ни были подготовлены в научном, деловом и политическом отношении, совершенно беспомощными в разрешении проблем, связанных с громадными экономическими и политическими переменами в мире, породившими мировую войну, делает их неспособными справиться с трудностями войны тогда, когда они наступили. По самой своей природе такая философия не может создать чего-либо нового. Ученый еще может использовать ее для получения отдельных частных результатов, но при ее помощи невозможно увидеть, что наука создана для общества. В руках деловых людей эта философия может служить лишь интересам фирмы, и то до тех пор, пока сама фирма не будет сметена кризисом, причины которого находятся за пределами понимания этих людей. В области политики эта философия прежде естественно приводила к политике Умиротворения фашизма; в настоящее время она превратилась в доктрину: что угодно — только не коммунизм.

Антирационализм

Банкротство академической философии умирающего капитализма широко открыло двери магии, мистицизму и суеверию, то есть прямой противоположности всякой философии. Антирациональные взгляды, появившиеся уже перед первой мировой войной, наиболее быстро распространились в период между войнами и всюду давали пищу для идеологии фашизма в ее клерикальной и языческой формах. От отказа думать вообще о социальных проблемах всего один шаг до того, чтобы рассматривать их с мистической точки зрения, на языке души, крови и расы, до того, чтобы заявить, что путем упорного мышления и прямого экспериментирования нельзя прийти ни к какому ре-

шению, что его следует искать в мистических упражнениях и в безумных выкриках посланных небом вождей. Интеллектуальное вырождение никогда еще не заходило так далеко, как во времена гитлеровской реакции. Все прежние чепухи такого рода можно было оправдать тем, что в древности ничего лучшего не было известно, тогда как мистика позднего периода явилась естественным традиционным продуктом социального и экономического заката. Новый мистицизм является поэтому искусственным, нарочито выпестованным немногими для того, чтобы отвлечь внимание большинства от понимания социальных несправедливостей и превратить это большинство в покорное орудие реакции с теми трагическими и ужасными последствиями, свидетелями которых мы только что были.

Ни официальное образование, ни официальная философия не могли дать надежных средств борьбы против таких тенденций. Будучи интеллектуально бессильными, не отличаясь интеллектуальной честностью, официальные хранители культуры оказались не в состоянии принять вызов более явной бесчестности. Гитлер первый заявил, что нужна большая ложь, чтобы люди в нее поверили. Немецкий фашизм потерпел военное поражение, но идеи и чувства, которые он проповедовал, все еще живы и действительны. Нечего и думать, что об искоренении фашизма будут заботиться те, кто увидит, что теперь зло не имеет будущего, хотя в прошлом фашизм и угрожал их интересам. Опасность в настоящее время состоит в том, что антирационализм, вышедший за границы Германии, охватывает всю так называемую западную цивилизацию. Это течение принимает разнообразные формы — от агрессивного клерикализма и атомного милитаризма до мягких, но опасных пессимистических теорий. Все они имеют между собой нечто общее. Все они проповедают мысль, что положение человечества не может быть улучшено путем сознательного, разумного сотрудничества. Они требуют меньше шансов и больше веры; они единодушны в своих нападениях на страны, где люди собственными силами стремятся создать цивилизацию на научной основе. Они пытаются умалять значение того учения, которое ведет людей к этой цели, — значение философской системы диалектического материализма.

ХАРАКТЕР ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Ныне, в период интеллектуального упадка, философия Маркса стоит твердо и нерушимо. Благодаря своему происхождению и характеру она неуязвима для разрушительных сил, против которых не устояли другие философские системы. Причина этого в том, что она разумна, научна и всеобъемлюща; она является учением об изменениях, учением, предназначенным для времени, богатого изменениями; это — философия действия, а не созерцания, надежды, а не отчаяния; и, наконец, самое главное, это — философия рабочего класса.

Рациональность

Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин продолжили традицию рационального, а не мистического подхода ко всем общечеловеческим проблемам; это традиция лучших греческих философов и основателей современной науки. Тщательный анализ, утверждение, что каждое явление имеет свою причину, доверие к результатам опыта — все это вошло в марксизм и составило его прочное научное ядро. В нем нет места никаким уступкам интуитивистским и спиритуалистическим тенденциям. Великолепный анализ спиритуализма, данный Энгельсом в «Диалектике природы», и ленинский трезвый и серьезный подход к вопросам религии показывают, что марксизм был и остается свободным от опасностей эмоционального, слепого традиционного мышления.

Широта взглядов

Это не значит, будто марксисты ограничивают философские исследования предметами и явлениями природы, что было ошибкой старых материалистов. Напротив, сущность марксизма в том, что, беря за основу материальный мир, он строится на учете всего человеческого опыта — как прошлого, так и настоящего. Марксизм имеет дело с обществом и его производственными отношениями, с экономическими и юридическими формами, которые выросли из этих отношений, и с идеологией в целом — наукой,

искусством и религией, составляющими надстройку, в основе которой лежит производственная и экономическая жизнь общества¹.

Объединяя все эти стороны жизни общества в одно целое и постоянно пересматривая взаимоотношения внутри общества в зависимости от изменений, которым оно подвергается (сегодня наиболее очевидно, чем вчера), марксизм явился настолько исчерпывающим учением, что ни одна другая философия не идет с ним ни в какое сравнение.

Философия изменений

Эпохи бурных социальных сдвигов всегда порождали великие философские или религиозные системы. Индия времен Будды, Китай эпохи Конфуция, греческие города до Сократа и Сирия времен первого века переживали период перехода от одного общественного строя к другому. Подобным же периодом было великое XVII столетие, век Декарта и Ньютона, который является началом триумфального шествия капитализма. Однако до Маркса крупнейшие создатели философских и религиозных систем могли построить лишь идеальные философские системы, предназначенные для «идеальной», неподвижной цивилизации. Они видели бедствия своего времени и стремились избежать их, призывая вернуться к лучшим социальным

¹ Впервые об этом было сказано в «Манифесте Коммунистической партии»: «Но не спорьте с нами, оценивая при этом отмену буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных представлений о свободе, образовании, праве и т. д. Ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности, точно так же как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса.

Ваше пристрастное представление, заставляющее вас превращать свои производственные отношения и отношение собственности из отношений исторических, преходящих в процессе развития производства, в вечные законы природы и разума, вы разделяете со всеми господствовавшими прежде и погибшими классами. Когда заходит речь о буржуазной собственности, вы не смеее более понять того, что кажется вам понятным в отношении собственности античной или феодальной» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 24).

традициям прошлых времен. Но даже в XVII в. философы больше перекраивали старое, чем создавали новое, чаще теоретизировали, чем делали открытия.

Философия Маркса впервые научно объяснила изменчивость человеческих отношений и то, что эти изменения проявляются в революциях. Марксизм не предлагает возвратиться к некоему идеальному прошлому, но требует, чтобы люди поняли необходимость построения и дальнейшего развития новых общественных форм. Марксизм отличается от неопределенно прогрессивного либерализма XIX в. глубоким анализом действительности, который показал, что наличие прогресса — вне всяких сомнений. Марксизм показывает необходимость взаимодействия экономических и социальных сил, действующих через посредство сознательно направленных человеческих волей.

Философия действия

В этом отношении диалектический материализм также представляет собой новое явление. Вспомним знаменитые слова Маркса: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹.

Марксизм впервые в истории показал неразрывность мысли и действия. Прежние философы мечтали о философах-правителях, но сами никогда не стремились к действию. Религиозные же фанатики действовали, но они не отличались глубиной мысли. Союз мысли и действия впервые был осуществлен философами-эмпириками, основывавшимися на данных современной им науки, но их деятельность была ограничена исследованием одной лишь природы, или, как это сказано в проекте устава Королевского Общества, «не вмешиваясь в богословие, метафизику, этику, политику, грамматику, риторику или логику»².

Марксистский анализ в соответствии с современной психологией показывает, что чистая мысль — это своего рода неосуществленное действие. Но философы, эконо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 385.

² Manuscript volume of Hoolke's papers dated 1663.

мисты и социологи делают вид, будто не замечают этого, так как некоторые их мысли могут быть неугодными их патронам и хозяевам. Маркс своей жизнью и своими трудами показал, что правильная социальная теория подразумевает положительную и сознательную деятельность сторонников этой теории. Диалектический материализм — это философия действия, но не корыстного или откровенно мистического действия фашизма, а тщательно взвешенного, глубоко продуманного и своевременного действия сторонников научного социализма.

Философия предвидения

Сочетание знания и действия делает философию Маркса по преимуществу философией предвидения. Это не мистическая вера: она не основана на убеждении, что желаемое будет достигнуто благодаря фатальному следованию цепи причин, как это часто ошибочно приписывалось марксистам. Предвидение основано на опыте — опыте более чем ста лет жестокой, иногда приводившей к поражению, но чем дальше, тем более успешной борьбы. Маркс дал людям новое понимание связей социальных сил. Благодаря этому люди научились использовать эти силы и узнали, что нельзя действовать вразрез с ними. Это убедило людей в том, что, действуя совместно, они переживут критический и переломный период перехода от капитализма к социализму.

Философия рабочего класса

Марксизм — это прежде всего и главным образом философия той части общества, которая сейчас только и может быть инициатором и проводником единственно положительных, обнадеживающих и конструктивных преобразований. Марксизм — это философия рабочего класса. Вначале он был учением рабочего класса, выкованным в рабочем движении¹. Рост мирового значения марксизма совпадает с ростом значения организованного рабочего

¹ Это не значит, что рабочий класс был создателем этой философии (см. В. И. Ленин, Что делать?, Соч., т. 5).

класса. Источником этого процесса Маркс и Энгельс считали громадное развитие механизации и применение последних научных достижений в индустрии. Они видели, что сама экономика капитализма породила кризисы.

«Каким путем преодолевает буржуазия кризисы? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил, с другой стороны, путем завоевания новых рынков и более основательной эксплуатации старых. Чем же, следовательно? Тем, что она подготавливает более всесторонние и более сокрушительные кризисы и уменьшает средства противодействия им.

Оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии.

Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, — современных рабочих, *пролетариев*.

В той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т. е. капитал, развивается и пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее лишь до тех пор, пока их труд увеличивает капитал»¹.

Полное торжество пролетариата началось вместе с успешной революцией и построением социализма в Советском Союзе и было закреплено героической борьбой Советского Союза, который спас Европу и мир от фашизма. Марксизм — философия рабочего класса, но это не значит, что только рабочие могут быть марксистами. Тот, кто принимает это учение и проводит его в жизнь — что одно и то же, — тот тем самым включается в рабочее движение. Но и в другом, более широком смысле слова, марксизм не ограничивается классовыми рамками; его конечная цель — создание бесклассового общества. И на примере Советского Союза мы уже видим, что диалектический материализм — это философия всего народа, а не какой-либо одной его части. Диалектический материализм вдохновляет и объединяет массы, дает им возможность понять события и является более мощным оружием во время войны и мира, чем все, что может

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 14—15.

изобрести физика. Как философия рабочего класса марксизм является философией народа, философией будущего.

СОДЕРЖАНИЕ И МЕТОД ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Те характерные черты марксизма, которые мы кратко рассмотрели — рациональность и широта охвата, подчеркивание значения изменения и действительности, а также связь его с современной борьбой, — являются лишь наиболее общим выражением философии диалектического материализма. Но диалектический материализм имеет, кроме того, свое внутреннее содержание и собственный метод, причем каждый из них заслуживает самого внимательного изучения, хотя они и не могут быть безболезненно отделены друг от друга, а, наоборот, должны быть показаны как одно неразрывное целое. Ленин говорил: «в каком сочинении Маркс не излагал своего материалистического понимания истории?»¹ Содержание марксизма, источник основных его убеждений берет начало в великой либеральной традиции XVII и XVIII вв., традиции научного исследования и сопротивления религиозному и философскому догматизму, которая связана с именами Ньютона и Вольтера, а также в учениях Кенэ, Адама Смита и Давида Рикардо — первых экономистов французской, шотландской и английской школ. На этой почве Маркс мог бы стать либералом; и то, что он стал не либералом, а чем-то несравненно более великим, произошло по двум причинам: с одной стороны, благодаря влиянию исторической и философской школы Гегеля, не позволившей ему принять созданное либеральной традицией убеждение о неподвижности мира, в котором естественный порядок вещей был якобы нарушен испорченным духовенством и королями, и с другой — благодаря непосредственному участию Маркса в революционной борьбе сороковых годов, которая показала ему, что либерально-экономические теории скрывали жестокость и разрушительные тенденции раннего капитализма. Но вместе с тем Маркс не мог при-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 126.

нять и точку зрения Гегеля, что «все действительное разумно, а все разумное действительно», так как за системой Гегеля Маркс разглядел искусственную и ограниченную классовую точку зрения правоверных гегельянцев с их восхвалением буржуазно-юнкерского прусского государства.

Объективный мир

Содержанием марксизма является точное и действенное познание объективного мира в его целостности; точное — ибо марксизм с самого начала признает, что тщательная разработка и глубина учения гораздо важнее его размеров. Хотя марксизм никогда не пренебрегал естественными науками, он все же считает их более простыми, объясняющими отдельные стороны непрерывно усложняющейся жизни органического мира и человеческого общества. Физика и социология, каждая по-своему, изучают единый реальный мир, находящийся в движении и изменении. Единство мира выражается в тесной и необходимой связи между объективным и субъективным, между живым и неживым, между человеческой природой и обществом. В этих вопросах другие философы, и особенно философы-естественники, впадали в дуализм и отрывали мысль от материи, явление — от сущности; марксизм же утверждает, что такой отрыв есть не что иное, как бегство от проблем, за разрешение которых нужно решительно приняться. Единство мира само по себе не было, как казалось философам-монистам, просто новой догмой, подгонкой данных опыта под готовый шаблон. Напротив, единство мира с точки зрения марксизма крайне сложно; оно охватывает всю сумму связей, делающих мир единым во времени и пространстве. Каждая часть вселенной — это и результат всего того, что произошло прежде, и источник того, что произойдет в будущем. Марксизм считает, что единство мира не исключает и различий между вещами и процессами, которые его образуют; эти различия сами являются частью единого процесса дифференциации. Существование само по себе предполагает изменения. Однако марксистская точка зрения точно так же далека и от плюрализма. Вселенная — это не просто хаос, находящийся в процессе движения и изменения; в ней суще-

ствует строгий порядок смены явлений природы. Одни явления происходят из других и включают в себя то, что им предшествовало.

Диалектические изменения вселенной постепенно привели к образованию существенных различий в порядках сложности ее отдельных частей — звезд, животных, достижений человеческого общества и т. д. Задолго до Дарвина Маркс уже твердо стоял на эволюционной точке зрения, так как в его глазах мир был процессом, а не простой суммой вещей. Но Маркс не довольствовался констатацией факта эволюции — он всюду стремился находить важнейшие причины изменения и появления нового. Он нашел эти причины как раз там, где изменения были наиболее очевидны, — в социальных и экономических условиях своего времени.

Законы изменений

Создавая свое учение, Маркс действительно воспользовался гегелевской диалектикой, но он наполнил ее новым содержанием, почерпнутым им из анализа развития капитализма. Поэтому именно Маркс, а не Гегель стал подлинным новатором в философии. Действительной причиной изменений является то, что всякий процесс реального мира не может так или иначе не изменяться, что он неизбежно вызывает связанный с ним контрпроцесс, который, объединившись с начальным процессом, создает нечто новое, то есть переходит на следующую ступень развития. В этом суть теории диалектического материализма. Хотя данное положение первоначально было выведено из наблюдений за общественной жизнью, однако это не значит, что оно менее справедливо и для стоящих ниже биологической и физической ступеней развития; но в этих областях проследить необходимый ход диалектического развития значительно труднее. Только современные теории органического и космического развития подтверждают это положение диалектики (о чем см. ниже).

Из этого основного положения вытекают и другие; но если у Гегеля они были пустыми абстракциями, то Маркс дал им богатое и конкретное содержание. Это — единство и взаимопроникновение противоположностей, отрицание отрицания, переход количества в качество. Эти положения

ценны тем, что они помогают нам охватить как все многообразие отдельных явлений, так и то общее, что есть в различающихся по своим свойствам реальных процессах. Эти положения являются законами, присущими самой природе, но законами особого рода, отличающимися от тех, с которыми мы встречаемся в физике, так как они касаются изменения, а не сохранения и относятся к области вероятных, а не достоверных событий¹. Законы диалектики несовместимы с прежним объяснением явлений природы, которого придерживались все естественные науки, считавшие аксиомой стройность и порядок в природе и не имевшие дела с изменениями в этом порядке. К тому же эти изменения в области, затрагиваемой физикой и химией, до недавнего времени были недоступны для человеческого опыта. По той же причине и общественные явления, в которых нет той стройности, какая наблюдалась в естественных явлениях, находились вне поля зрения науки и являлись предметом лишь для расплывчатых общих рассуждений или эмоциональных построений истории, философии и этики.

Сосредоточивая свое внимание на изменении и механизме изменений, Маркс создал и разрушал. С одной стороны, в области политики Маркс показал, что, только познав процесс изменения и появления нового, рабочий класс может научиться понимать свои исторические задачи и ясно представлять, что нужно делать. С другой стороны, в религии и философии Маркс разрушил самые основы догматизма и авторитарности. Марксизм показал людям,

¹ Физика в последнее время показала, что многие из открытых ею вечных законов, как, например, закон Бойля, в действительности обусловлены случайным взаимодействием множества частиц, то есть это статистические законы; но статистические законы отличаются от законов диалектических изменений тем, что ввиду огромного количества взаимодействующих частиц общий внешний результат их взаимодействия можно всегда предвидеть — вероятности почти всегда равны единице. Только в том случае, когда число элементов очень мало или когда система находится в особо неустойчивом состоянии, как, например, при так называемых критических состояниях, могут произойти непредсказываемые изменения. Поэтому тогда, когда подобная система подвергается такому воздействию случайных изменений, что она уже не может возвратиться в свое прежнее состояние, — в ней устанавливается какое-то *новое* равновесие.

что такое свобода, так как он показал им, как и чем они связаны. Мир, порядок в котором устанавливается богом, а изменения являются делом провидения или происходят из-за стремления к еще более туманной всеобщей цели, — это мир, где знание установлено раз навсегда и авторитеты незыблемы. Если бог создал мир, бог сохранил его и изменил, значит мы должны быть послушны ему и его заместителям на земле: духовенству, правителям и имущим.

Теперь мы знаем, что такое представление о мире было порождено самими людьми, служило определенным целям, росло и изменялось вместе с изменениями общества. Оно отражало несправедливое разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых — разделение, которое Маркс впервые увидел и объяснил. Вечные ценности, существование которых всегда доказывалось ради поддержки реакции, считаются «вечными» по той же самой причине. В «Манифесте Коммунистической партии» сказано по этому поводу:

«История всех доныне существовавших обществ двигалась в классовых противоположностях, которые в разные эпохи складывались различно.

Но какие бы формы они ни принимали, эксплуатация одной части общества другою является фактом, общим всем минувшим столетиям. Неудивительно поэтому, что общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных общих формах, в таких формах, — формах сознания, — которые вполне исчезнут лишь с окончательным исчезновением противоположности классов»¹.

Но одного только ниспровержения традиционных взглядов на мир лишь на том основании, что они не истинны, или потому, что оправдывают тиранию, как это делали либералы-рационалисты XVIII в., было совершенно недостаточно. Люди нуждаются в разумной или, во всяком случае, более или менее правдоподобной картине того мира, в котором они живут, и они не откажутся от старых представлений, как бы они ни противоречили разуму, если

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 27.

новая система не сможет разумно разрешить или доказать бессмысленность тех вопросов, на которые прежний догматизм уже имел готовые ответы. Таким новым мировоззрением был марксизм. Маркс не мог дать ответа, годного для всех случаев жизни, да он и не ставил перед собой цели показать особенности *каждой* ступени эволюции, *всякого* общественного преобразования. Зато он указал на противоречия и их борьбу, которые вели к изменениям в мире, на то, как эти противоречия и борьба, в свою очередь, выростали из борьбы и противоречий более раннего периода. Маркс показал, где нужно искать ответ и как в этих поисках можно приобрести более глубокое понимание прошлого и более эффективный контроль над будущим.

Диалектика и «здравый смысл»

Диалектика представляет собой именно ту часть марксизма, которая вызывает наибольшие трудности при ее усвоении научными кругами, особенно в тех странах, где распространены традиции английского эмпиризма. В этих странах на диалектику смотрят, как на что-то ненужное и отвратительное. Со времен Бэкона английская мысль следовала так называемой практической и антифилософской традиции. Это выражалось в том, что «здравый смысл» и «внимание к деталям» отвлекали английскую мысль от спекулятивности и философских обобщений. В действительности она была глубоко дуалистической: пронизательная и практичная по отношению к природе, рыхлая и сентиментальная в области социологических и метафизических теорий. Единство противоположностей или отрицание отрицания, гегелевская триада тезиса, антитезиса и синтеза — все это казалось ей совершенно ненужным интеллектуальным багажом. Даже социалисты часто выражали желание «освободить» марксизм от бремени диалектики. Но эти диалектические категории полны глубокого содержания и действенны. Они служат, так сказать, указателями или способами подхода к конкретной действительности, способами выявления в ней таких элементов, которые остались бы непонятыми или необъяснимыми. Историки XIX в. смогли ярко обрисовать жизнь того периода, но из-за отсутствия правильного метода подхода

к явлениям они никогда не могли серьезно осмыслить значение описываемых ими событий.

Маркс не только изложил законы диалектики, присущие всей вселенной — а он умел излагать не хуже других, — главная заслуга его в том, что он *объяснил* их. Его объяснение законов развития природы и общества не только выдержало испытание временем, но и дало нам ключ к анализу современных проблем. Для Маркса диалектические противоположности никогда не были просто словесными фигурами или абстракциями, как для гегельянцев. Он считал, что эти противоположности отражают самую реальную действительность, подлинную борьбу одного с другим — борьбу капиталистов с наемными рабочими, феодалов с купцами. Энгельс в «Происхождении семьи» и в «Марке» показал применимость этих идей к более ранним ступеням развития человечества, когда шла борьба между земельной знатью и родом, а еще раньше — между отдельными хищниками и группами поддерживавших друг друга людей.

В этой картине развития, где каждая господствующая форма борется против породившей ее формы, можно заметить правило смены индивида группой и группы индивидом. Кроме того, в различные периоды индивиды — первобытный человек, варвар, дворянин или капиталист — не одинаковы. На каждой ступени развития личность выступает в новой форме, включающей формирующее влияние нового коллектива. И каждый раз — как нечто высшее, как отрицание отрицания. То, что движение идет по восходящей линии, не случайно. Это происходит потому, что в каждом новом превращении сохраняются результаты предыдущего этапа развития. Наши общественные обычаи включают в себя все основные элементы обычаев предшествующих обществ, точно так же как наши тела унаследовали органические эволюционные превращения, которые предшествовали социальным превращениям.

Диалектика в природе

Для органической и неорганической природы, стоящих ниже социальной сферы, характерны другие виды борьбы и превращений. Маркс в своих печатных трудах не касался

этих областей, однако его письма свидетельствуют о том, что он живо интересовался данным вопросом. Энгельс же в «Диалектике природы» указал на некоторые наиболее замечательные факты из этой области, такие, как происхождение солнечной системы и происхождение жизни на Земле. Именно благодаря Марксу и Энгельсу мы представляем себе всю бесконечную историю вселенной в виде ряда переходов от одной ступени развития к другой. Эти ступени располагаются в порядке иерархии, в порядке возрастающей сложности, причем каждая из них включает в себя всю сложность организации предшествующих этапов, добавляя к ней специфику своего, более высокого уровня организации. Например, химические законы не теряют своего значения для всех высших ступеней, так как химические превращения продолжают и в живых телах. Человек является животным, для которого не теряют своей силы биологические законы.

Маркс не первый увидел, что простейшие стадии всегда предшествовали по времени более сложным, что иерархия сложности всегда последовательна в эволюционном процессе. Однако Маркс видел больше и дальше своих предшественников и даже многих своих последователей. Он увидел, что при переходе от одной ступени к другой всегда появляется что-то новое. В химии есть нечто новое по сравнению с физикой, в биологии — по сравнению с химией. В чем же заключается это нечто новое? Сама форма вопроса порождает обманчивый ответ. Первобытных людей удовлетворял, например, такой ответ: человек отличается от глины духом, «дыханием жизни». От этого взгляда не отличается по существу и взгляд современного академического философа, приписывающего образование новых форм энтелехии, первопричине. По Марксу же, различие — это не «вещь», не новое вещество, и даже не вновь возникающая система явлений. Различие присуще самой вещи, оно возникает из самого разнообразия и сложности более раннего ее состояния. Даже при простом увеличении количества какого-нибудь вещества это вещество рано или поздно превращается во что-то другое. Достаточное количество песчинок образует дюну¹, накапливание клеток —

¹ Могут возразить, что утверждение, будто определенное количество песчинок превращается в нечто иное, например в дюну, носит

животное; количество неизбежно переходит в качество. Точно так же усиленный ритуальный обмен между первобытными поселениями превратился в систему торговли, которая, в свою очередь, вызвала рост городов. Город представляет собой большой поселок, но это не просто большая деревня, а уже нечто совершенно иное. Благодаря огромным размерам города часть средств существования может быть выделена на содержание людей, работа которых не приносит непосредственной экономической выгоды: золотых дел мастеров, артистов, поэтов и философов; для ведения своих дел город порождает также новую, высшую организацию, которая никогда не могла возникнуть в селении: рынки, банки и магистратуру — короче, все, что мы в узком смысле этого слова называем цивилизацией¹.

чисто словесный характер, ибо определенное количество песчинок мы называем дюной условно, так же как определенное количество единиц — тысячей или миллионом. Но такого рода возражение естественно для людей, воспитанных на абстрактном мышлении. Если количество песчинок мы будем увеличивать чисто абстрактно, то мы не получим ничего, кроме большего количества песка. Но если мы будем складывать песчинки в действительности, то обнаружим, что первые же несколько песчинок начинают ложиться друг на друга; их взаимоотношения перестают быть только умозрительными и становятся физическими, и гряда песка, крайне чувствительная к своей опоре и силам тяготения, приобретает определенную форму с собственными законами. Добавляя все новые и новые песчинки, мы вызываем взаимодействие их с ветром: первоначальная форма кучки песка изменяется, становится дюной с новыми законами; она растет, появляется острый гребень, разделяющий подветренную и наветренную стороны, она движется, она образует вместе с другими дюнами системы дюн и песчаные пустыни. На это могут возразить, что в действительности мы говорим совсем не о песчинках как таковых, а говорим о них в связи с их основанием, воздействием сил тяготения и ветра. Однако все эти факторы существуют постоянно; причиной различия является только количество песка. Все переходы количества в качество предполагают сложные взаимоотношения внутренней и внешней среды. Например, в количественно ограниченной группе предметов любого рода одни предметы будут находиться внутри, другие — снаружи; благодаря этому внешние предметы будут находиться в иных условиях, чем внутренние; они подвергнутся изменениям, и образуется кора и оболочка с особыми свойствами.

¹ Следует подчеркнуть, что отделение умственного труда от физического, появление государства и прочие явления о которых здесь говорится, объясняются прежде всего появлением частной собственности, делением общества на антагонистические классы.— *Прим. ред.*

Конечно, представление об истории человечества, как о ряде изменений установленного строя, само по себе существует издавна. Миф о золотом, серебряном, бронзовом и железном веках, вероятнее всего, зарождается как раз в один из этих периодов наиболее крупных изменений общества. К этому взгляду Маркс добавил исключительную широту обобщений и гораздо более тщательный анализ критических переходов, разделяющих разные периоды жизни общества. Кроме того, марксистское мировоззрение ограждает нас от возможности дальнейшего смещения этих стадий, показывает специфику и новизну каждой из них. Тем самым марксизм делает абсолютно неприемлемым как старый наивный взгляд на природу, переносивший на нее понятия, применимые только к человеку и обществу (взгляд, называемый антропоморфизмом, который все еще существует в наших религиях), так и более современные теории, пытающиеся объяснить человеческую деятельность непосредственно биологическими и физическими процессами. Это — приписываемая Дарвину ересь «биологизма», нашедшая столь страшное выражение в нацистских лагерях смерти. Марксист ясно видит, что характерно для каждой ступени эволюционного процесса и какая терминология уместна для ее описания.

Все основные положения марксизма — единство противоположностей, отрицание отрицания, переход количества в качество — взаимосвязаны и взаимозависимы. Все они, как показывают вышеприведенные примеры, дополняют друг друга и вместе с тем составляют одну сложную, но теперь вполне доступную для понимания схему изменений. Обладание такой схемой — больше того, использование и проверка ее на опыте своей жизни само по себе является новым шагом в развитии человека. Создание диалектического материализма — это, по существу, шаг на пути к сознательному планированию, к бесклассовому человеческому обществу.

Революционные изменения

Другой важнейшей стороной марксизма, также непосредственно не вытекающей из философии Гегеля, является положение об остроте конфликтов и превращений,

благодаря которым в реальном мире возникает новое. Маркс не отвергал постепенных изменений, но он видел, что они ведут к таким критическим положениям, где изменения уже не могут быть постепенными и должен произойти взрыв. Такими взрывами в области общественных явлений Маркс считал экономические и политические революции.

Например, в XVI и в начале XVII в. растущая английская буржуазия повсюду рассылала своих «искателей приключений» и постепенно накапливала их доходы, но конфликт с породившим этот процесс старым общественным строем не мог разрешиться постепенно — он принял форму гражданской войны и революции.

Причина неизбежной прерывности процесса развития заключается в том, что всякое состояние, порядок мира должны быть единым целым, должны объединять экономику, общественные организации, идеи и чувства. Ни одну сторону общественного строя нельзя изменить, не затрагивая остальных; строй в целом нельзя согнуть, его можно только сломать. Маркс видел, что общественное развитие идет путем неизбежного возникновения новых общественных систем внутри старых, а не путем постепенных переходов от одной системы к другой. Эти новые системы вначале существуют как часть старых, создавая свою внутреннюю структуру путем построения новой идеологии. Новое никогда не существует независимо от старого; находясь в противоречии, они постоянно воздействуют друг на друга, но старое не превращается в новое — скорее, новое разрушает и устраняет старое.

Внезапные переходы не ограничиваются областью человеческих отношений; вся эволюция органического мира, всякое появление новых доминирующих классов — скажем, появление млекопитающих, а еще раньше деление на твердые, жидкие и газообразные тела, — являются примерами внезапных скачков, узловых точек, разделяющих различные части вселенной как по времени их возникновения, так и по степени их сложности. Диалектический материализм, подчеркивая большое значение и всеобъемлющий характер взаимодействия, равным образом настаивает и на различиях, на внезапных изменениях.

Материализм

Философия Гегеля была философией противоречий и превращений. Маркс не просто облек отвлеченные понятия гегелевской философии в форму конкретных примеров из жизни природы и общества — он коренным образом преобразовал гегелевскую философию. Марксизм с самого начала стоит на позициях материализма, а это не допускает никаких словесных уверток в отношении природы, реальной материи. Материализм — это такая точка зрения в философии, которая признает за первичное окружающий нас мир, тот мир, который мы знаем и в котором живем. С точки зрения материализма, наши мысли и чувства должны быть выведены именно из этого мира. Эта точка зрения отвергает туманные «доказательства» идеализма, согласно которым мир является мечтой и иллюзией. Идеализм логически приводит к чисто субъективистскому миру солипсиста, для которого даже все остальные люди представляются созданием его фантазии. Маркс не пытается, подобно Гегелю, путем логических построений вывести мир из одной идеи. Наоборот, исходя из признания объективного существования мира, он раскрывает то, как этот мир действует и как действуют на него. Раскрывая эти действия мира с помощью науки, мы узнаем, что животный мир существовал до человека, что неорганический мир существовал до появления жизни на земле. Но как до Маркса, так и после него, некоторые немарксисты до сих пор считают, что мысли и чувства человека сами по себе являются результатом биологических и в своей основе материальных процессов, что «в начале было дело», а не «слово».

Материалистическая диалектика отличается как от старого материализма, так и от идеалистической диалектики Гегеля. Прежний материализм находился под сильным воздействием первых достижений естественных наук, устанавливавших незыблемые и вечные законы. Это, пожалуй, наиболее ясно видно и доведено почти до абсурда в сочинениях Лапласа, который заявлял, что если мы знаем в определенный момент скорость и направление движения каждой частицы вселенной, то мы можем определить не только их движение в прошлом, но и их движение в буду-

щем — вплоть до бесконечности. Современная квантовая механика показала, что не только умозрительно, но и физически невозможно определить движение всех частиц в любой данный момент времени; однако еще задолго до открытий современной физики эту точку зрения прежнего материализма раскритиковал Маркс на том основании, что вселенная представляет собой не просто сумму движущихся частиц, что более сложные явления имеют свою собственную количественную характеристику и свои собственные законы и что в мире постоянно возникают новые сложные явления и новые законы. Материализм Маркса не является механистическим детерминизмом. Марксизм — это постоянное переосмысление детерминизма с неограниченными, в деталях непредвиденными возможностями.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ МЫСЛЬ

Диалектический материализм впервые предстал перед научными и так называемыми интеллигентскими кругами за пределами Советского Союза более двадцати лет тому назад. Но даже экономическая сторона учения марксизма, будучи хорошо известной, всегда игнорировалась и отвергалась как экономистами академической школы, так и «разрешенным» властями рабочим движением. Большинство философских, теоретических сторон марксизма было изучено лишь небольшой горсткой людей и получило широкое признание только в результате успешного применения марксизма в Советском Союзе. И до сих пор диалектический материализм не освещается у нас ни в одном курсе философии ни одного английского университета¹. Изучение марксистской теории в университетах было и поныне остается неофициальным и предпринимаемым по собственному почину каждым интересующимся, подобно чтению греческих заветов в первой четверти XVI в. или изучению наук в XVII в.

¹ Правда, как-то очень давно в Лондонской экономической школе читался курс лекций о марксизме. Но их читали тщательно отобранные видные антимарксисты, в то время как для тех, кто действительно хотел разъяснить содержание взглядов Маркса, Энгельса и Ленина, вход в аудиторию был закрыт.

Тем не менее официальный академический мир в последнее время вынужден был признать существование марксизма. Это наиболее важное событие на философском фронте вызвало ожесточенное противодействие. Хотя теоретическая борьба с марксизмом и вызвана неправильными о нем представлениями, ее никак нельзя считать случайной: она обусловлена желанием — сознательным или бессознательным — опровергнуть политические и экономические взгляды марксизма.

Не удивительно, что два основных возражения против диалектического материализма противоречат друг другу. Первое из них утверждает, будто марксизм не является настоящей философией, а представляет собой просто расплывчатое собрание афоризмов, а потому он, мол, недоказуем и бездоказателен; второе изображает марксизм жесткой и догматической системой, претендующей раз и навсегда установить законы вселенной, объяснить прошлое и предсказать будущее. И какие бы предрассудки ни лежали в основе этих возражений, они заслуживают самого пристального внимания, так как они выражают не просто мнение немарксистов или антимарксистов, но также до известной степени отражают ошибки как в изложении, так иногда и в понимании взглядов, которых придерживаются сами марксисты.

Диалектика и наука

Первое возражение по существу сводится к тому, что марксизм якобы ненаучен, но в то же время само это возражение основано на неправильном понимании смысла и задач науки. Узкое определение задач науки, ограничение поля ее деятельности более или менее измеримыми физическими величинами, подверженными циклическим изменениям и подчиняющимися «вечным законам», приводит к исключению из сферы науки не только марксизма, но и вообще всех общественных наук: истории, политической экономии и политики, иначе говоря отрицает всякое изучение человеческого общества. Марксизм же вовсе не ограничивается подобным узким определением науки. Маркс придерживался мысли, наглядно доказанной впоследствии Лениным и Сталиным, что успешное предсказание и успешные действия возможны не только в области физи-

ческих или биологических наук. Правда, было бы нелепо полагать, что те же самые приемы аргументации, которые применяются в первой и до некоторой степени во второй из этих областей, могут быть применены к гораздо более сложным, общественным явлениям. Диалектический материализм является таким способом мышления, который лучше всего подходит для изучения явлений социальной жизни. Он сам вырос из наблюдений в этой области и служит базой для успешных действий в ней.

Это не означает, что диалектический материализм является просто философской основой общественных наук, чем-то таким, что стоит в стороне от естествознания. Так же как человеческое общество включает в себя всю биологическую характеристику индивидов, составляющих это общество, а в каждом человеке, в свою очередь, психологические процессы основаны на физических и химических законах, так и диалектический материализм не стоит вне естествознания, а включает его. Сами естественные науки можно рассматривать с двух сторон: по отношению к материальному миру естествознание представляет собой совокупность аналитического и синтетического методов изучения органического и неорганического мира; но в то же время оно является продуктом человеческого общества, созданным деятельностью отдельных личностей и подверженным воздействию экономических и политических изменений общества. Наука, какой мы ее знаем сегодня, — вовсе не отвлеченный продукт умственной деятельности людей, а неотъемлемая часть — произведенная и производящая — достижений техники капитализма. Капитализм сделал науку возможной; наука делает капитализм излишним.

Именно этот социальный аспект естествознания является составной частью более широкого диалектико-материалистического синтеза. Диалектический материализм связан с естествознанием постольку, поскольку он выясняет происхождение выводов естествознания, как это сделал, например, Энгельс в «Диалектике природы» по отношению к науке XIX столетия. Но вместе с тем диалектический материализм вводит естествознание в сферу деятельности людей, указывая на то, как наука должна быть организована и как она связана с экономическими и

социальными силами. Впервые это было осуществлено в Советском Союзе, примеру которого затем, в силу обстоятельств, последовали все нации, участвовавшие в последней войне, включая и сверхиндивидуалистических американцев.

Характерной слабостью естественных наук, развивавшихся в конце XIX и в самом начале XX в., то есть в эпоху загнивания капитализма, была их неспособность слиться с общественными движениями этого времени. И именно потому, что интеллигенция почувствовала опасность своего превращения в простого раба и нахлебника капитализма, она стремилась уйти от мира или, на худой конец, претендовала на это; она искала убежища в абстракциях и сверхспециализации, она гордилась своей «беспристрастностью», чистотой своих теорий и даже самой неспособностью к практической деятельности. Это было очень удобной позицией для тех интеллигентов, которые безропотно продолжали служить промышленным заправилам и даже извлекали из этого выгоду, помогая им. Это было очень удобно также и для самих промышленных заправил.

Диалектический материализм предлагает нечто совершенно противоположное этому. Не вторгаясь в область научного наблюдения и эксперимента, он в то же время очень далек от расплывчатости и неточности в определении общего направления интеллектуальных усилий. Марксист хорошо знает, что и как нужно делать, тогда как «истинный» интеллигент, однажды лишившись своей оболочки, предохранявшей его от окружающей действительности, теряет ориентировку и становится легкой добычей самых ненаучных и мистических нелепостей.

Характер марксистского предвидения

Существует и иного рода критика марксизма. Она заключается в том, что марксизму приписывается утверждение, будто им все познано и все предсказано, а это, по существу, есть возвращение к телеологическим системам, в которых явления определяются скорее теми целями, к которым они стремятся, чем предшествующими событиями. Такого рода «критика» есть не что иное, как реакция на банкротство интеллигенции в современном капита-

листическом обществе. Теперь, когда естествознание в состоянии предсказывать отдельные явления и когда оно непосредственно вовлечено в производственную практику, основанную на экспериментах, общественные науки все больше и больше удаляются в сферу абстрактных учений. Современный историк заявляет, что никакой исторической теории нет и что его задачи ограничиваются возможно более точным описанием фактов. Экономист отмежевывается от таких актуальных событий в современном финансовом мире, как бумы и кризисы, и развивает теорию какой-то идеальной экономики, которая, дескать, установилась бы, если бы не несправедливость трестов и тред-юнионов. Философ раз и навсегда отбрасывает всякие попытки найти истину и занимается лишь вопросом точности языка. Их всех пугает конкретная действенность марксизма с его анализом истории и современной экономики, анализом кризисов и войн, с его стремлением даже формы идеологии обусловить развитием экономики. Эти «чистые» интеллигенты предпочли бы скорее отказаться от всяких знаний, чем обладать такими знаниями, которые призывают к действию.

Такова подоплека наступления на марксизм как якобы на догматическую, предвзятую схему.

Уже в «Манифесте Коммунистической партии» будущее человеческого общества было предсказано следующим образом: «Прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков»¹.

А в более обобщенной форме Маркс писал в «Капитале»: «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 20.

Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»¹.

Действительно, в своем тяжком изгнании в Лондоне Маркс, конечно, имел не одну возможность надеяться на успех той революции, которая окончилась неудачей на его глазах в 1848 г. и героическое падение которой он должен был снова наблюдать в 1871 г. Но следует различать, как это делал Маркс, предвидение исхода определенных конкретных событий и предвидение общего хода развития человеческого общества. Победа такой революции, как революция 1917 г., была достаточно очевидной. Эта победа впервые открыла дорогу для создания новой, предсказанной Марксом эпохи в истории человечества. С другой стороны, при поражении революции все противоречия, порожденные капитализмом, остаются неразрешенными и даже обостряются, а поэтому поражение революции никогда не может быть окончательным, а служит лишь прелюдией дальнейшей борьбы. Ленин хорошо знал это и продемонстрировал свое знание, руководя как неудавшейся революцией 1905 г., так и победоносной революцией 1917 г. В каждом отдельном случае успех не может быть гарантирован; однако воздерживаться от выступления можно только тогда, когда ясно, что успех совершенно невозможен или выступление преждевременно. Своевременно нанести удар или во-время воздержаться от выступления — значит понимать диалектику данного положения.

В этом вопросе также часто встречается непонимание сущности марксизма. Способность понять ситуацию, умение действовать сообразно с ней не может быть исторически определена каким-либо раз и навсегда установленным образом; все зависит от способностей реально существующих людей, действующих в определенной обстановке, имеющих свою индивидуальность, характер, свои достоинства и недостатки. Судьба всех важнейших вопросов зависит именно от конкретных людей. Всякий, кто действительно знает марксизм, — а такое знание приобретает не столько из книг, сколько в практической политической деятельности, — отлично понимает это. Но не менее ясно и то, что человек формируется под влиянием

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 766.

условий, в которых он живет, и что великие люди, революционные вожди, наиболее полно и наиболее сознательно выражают те общественные силы, которые приводят в движение широкие массы их последователей. Революционные вожди не стоят отдельно от народа или над ним; их сила исходит из народа. И это относится не только к одному или двум великим вождям. Революционная эпоха налагает в той или другой степени индивидуальную ответственность на сотни, тысячи и миллионы мужчин, женщин и детей. События последних лет показывают, что миф о том, будто марксизм имеет дело лишь с неотвратимым движением масс, абсолютно несостоятелен. Во время войны как в Советском Союзе, так и в движении Сопротивления в других странах, человек поднялся во весь рост и мог действовать по собственной инициативе и в то же время в полном согласии с общим планом, причем его действия далеко превзошли все прежние суждения о способностях человека.

Диалектический материализм действительно предвидит будущее, и сила его предвидения значительно превосходит простую отвлеченную точность анализа. Диалектический материализм исследует условия общественной жизни, в которых люди являются столько же объектами, как и субъектами. Знание марксизма, сознательность движения в обществе сами по себе являются наиболее могущественными силами, ведущими к достижению предсказанной цели именно потому, что они осознаны, сознательно направляемы. Единство марксизма в действии есть органическое единство, и сама эта «органичность» является выражением тогда еще не претворенного в жизнь сознательного и планомерного сотрудничества людей.

Сто лет прошло с тех пор, как Маркс впервые в общих чертах изложил свой метод, и шестьдесят лет со времени его смерти. За эти шестьдесят лет уже начало осуществляться то, о чем он писал. В настоящее время свершаются великие общественные преобразования, наступление которых предсказано Марксом. Современная обстановка в мире коренным образом отличается от периода, когда капитализм еще повсеместно распространялся и казался прочным. И тем не менее Маркс настолько ясно представлял себе направление общественного развития, что его

идеи и методы претерпели за это время неизмеримо меньше изменений, чем ходячие идеи наших «интеллектуальных» кругов. Действительно, различные писатели сороковых и шестидесятых годов прошлого столетия вызывают сейчас к себе разве лишь чисто академический интерес, тогда как учение Маркса является ключом к пониманию не только настоящего, но в еще большей степени будущего¹. Сто лет назад Марксу было очевидно то, что казалось крайне парадоксальным его современникам; и все же ход событий заставил всех признать многие положения, казавшиеся прежде совершенно нереальными. Кто, кроме марксистов, мог бы тогда подумать, что экономическая устойчивость, политическая свобода и мир вовсе

¹ Примером предсказания, сбывшегося в наше время, может служить мысль, высказанная Марксом и Энгельсом в предисловии к русскому переводу «Манифеста Коммунистической партии», опубликованному в 1882 г. В последней главе «Манифеста», писали они, «недостает как раз России и Соединенных Штатов. Это было время, когда Россия являлась последним большим резервом всей европейской реакции и когда эмиграция в Соединенные Штаты поглощала избыточные силы европейского пролетариата. Обе эти страны снабжали Европу сырьем и служили в то же время рынком для сбыта ее промышленных изделий. Обе они, следовательно, являлись тогда так или иначе оплотом существующего в Европе порядка.

До какой степени изменилось это теперь! Именно европейская иммиграция способствовала колоссальному развитию земледелия в Северной Америке, которое своей конкуренцией колеблет крупное и мелкое европейское землевладение в самых его основаниях. Она дала, кроме того, Соединенным Штатам возможность взяться за эксплуатацию их богатых источников промышленного развития в таких размерах и с такой энергией, которые в короткое время должны положить конец промышленной монополии Западной Европы и особенно Англии. Оба эти обстоятельства в свою очередь воздействуют в революционном смысле и на Америку. Мелкая и средняя земельная собственность фермеров, основа всего ее политического строя, побеждается мало-помалу конкуренцией громадных ферм; в то же время в промышленных округах впервые развивается многочисленный пролетариат и баснословная концентрация капиталов.

Перейдем к России! В период революции 1848—1849 гг. не только европейские монархи, но и европейские буржуа находили в русском вмешательстве единственное спасение против пролетариата, который только что начал пробуждаться. Царя провозгласили главою европейской реакции. Теперь он — содержащийся в Гатчине военнопленный революции, и Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 3).

не были теми благами, которыми человечество со временем будет пользоваться все в большей и большей степени в ожидании наступления времен, когда, по выражению Теннисона,

Умолкнет грохот барабана и будут свернуты знамена
В парламенте Человека, во Всемирной федерации.

(«Локсли Холл»)

МАРКСИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ В НАУКЕ

То, что справедливо для экономики и политики, в равной мере справедливо и для философии и науки. Представления современной науки, способы ее построения, ее взаимоотношения с экономическими и политическими факторами все больше и больше приближают современную науку к марксизму. Особого внимания заслуживает тот факт, что это сближение происходит стихийно, или, точнее, возникает в результате самого роста наших знаний, роста нашего господства над силами природы, а также благодаря взаимодействию между этими растущими знаниями и изменениями в политике и экономике. Конечно, если бы марксизм быстрее проник в научные круги, то этот же результат был бы получен в еще более определенной форме и с меньшей затратой сил; но как бы то ни было это обстоятельство является еще одним замечательным подтверждением правильности марксистской теории. В настоящее время становится общепризнанным, что наука неизбежно должна отражать социальный и экономический дух времени как в выборе своих объектов исследования вселенной, так и в способе выражения своих открытий. Нетрудно, например, усмотреть в отправных идеях «Происхождения видов» Дарвина ясное отражение принципа свободной конкуренции XIX в. Действительно, Дарвин всегда считал, что своей формулировкой идеи выживания наиболее приспособленных он обязан Мальтусу. В то время, однако, это сходство было использовано как раз в обратном направлении, и выводы, сделанные на основе предполагаемой борьбы за существование в природе, использовались для оправдания наиболее антиобщественных черт раннего капитализма; эта тенденция, наиболее

карикатурным представителем которой навсегда останется Герберт Спенсер, впоследствии стала основой расовой теории немецкого фашизма.

За последние шестьдесят лет, и в особенности с 1895 г., наука пережила по крайней мере такую же значительную революцию, как революция науки в середине XVII в., связанная с именами Галилея и Ньютона, и революция науки в конце XVIII в., связанная с именами Лавуазье и Дальтона. После 1895 г. теория атомного строения материи получила конкретное обоснование, была разработана квантовая механика и теория относительности, химия стала частью физики, прогресс биохимии и генетики свел большую часть биологии к химии и математике. В большинстве случаев открытия последних пятидесяти лет подвели нас гораздо ближе к возможности практического применения наших знаний о неорганической и органической природе, чем все прежние научные открытия вместе взятые.

Атомный век

Эта великая революция в области знания уже достигла своего высшего выражения в изготовлении и использовании атомной бомбы. Взрыв атомной бомбы над Хиросимой продемонстрировал одновременно и новую огромную власть над силами природы — власть, которую наука дала человечеству, — и полную, преступную неспособность старого мира использовать ее для чего-нибудь иного, кроме ужаса и разрушения. Использование атомной энергии вместе со всеми другими достижениями современной науки представляет собой шаг вперед в освоении человеком природы, шаг гораздо больший, внезапный и революционный, чем любой другой в истории земли, — больший, чем использование огня или чем переход к земледелию. Использование атомной энергии наглядно показывает, что предел возможностям человека следует искать не в природе, а исключительно в общественном строе.

Однако в самой науке, как ни парадоксально, этот возросший объем знаний, эти новые поддающиеся проверке связи, которые были установлены, вовсе не открыли более правильную и последовательную картину мира, а, наоборот, разрушили и сломали ту научную систему, кото-

рую заложил Ньютон и к которой ученые XIX в., как им казалось, добавляли лишь последние штрихи. Новые успехи науки привели к острой критике и пересмотру самих основ науки, критике, которая сейчас еще в полном разгаре.

Если мы исследуем природу этого пересмотра идей, то обнаружим, что пересматриваются по преимуществу те представления, которые имеют в своей основе философский характер. Они затрагивают не практические достижения науки, а самые ее теоретические основы. Вся эта ревизия и критика идет, повидимому, по пути отрицания того, что в XIX в. назвали бы здравым смыслом, а именно материалистической точки зрения в науке. Теперь такого рода критика, вполне естественно, привела к тому, что многие люди — и среди них даже ряд выдающихся ученых — отреклись от всего и очертя голову ударились в мистицизм и суеверие¹. Их философия — хотя они и не признают таковой — в своей основе дуалистична. Весь мир они делят на два: мир реальный, в котором миллионы атомов прочно связаны силами, подчиняющимися законам Ньютона, и мир воображаемый, мир религии и морали, который или не подчиняется никаким законам, или заимствует их из Библии.

Единство науки

Современные достижения науки сделали такую позицию ученых несостоятельной. Не весь реальный мир может быть познан с помощью нашего непосредственного чувственного опыта. Мы знаем, как ведет себя стол или бильярдный шар, потому что они соизмеримы с нами. Но когда мы попытаемся представить себе, что атомы и туманности ведут себя таким же образом, а это нам не удастся, то мы утверждаем, что вселенная непознаваема. Расширяя пределы нашего знания, наука показала, что величины разного порядка и разной сложности подчинены только своим, им свойственным законам. Законы нашего здравого смысла являются законами лишь для небольшой

¹ См. James Jeans, *The Mysterious Universe* (книга английского астронома Джеймса Джинса «Таинственная вселенная». — *Ред.*).

части вселенной, хотя эта часть имела и имеет для нас наибольшее значение.

В то же время учение о человеке — антропология, история, политическая экономия и больше всего, пожалуй, психология — показали, что человеческий, духовный мир управляется не произвольно неизменной человеческой природой или божественными установлениями, а своими собственными, гораздо более сложными законами развития и поведения. Эти два мира — мир человека и мир природы — в действительности существуют не в отрыве друг от друга, а в неразрывной связи между собой. Так, например, поведение животных, с одной стороны, прекрасно иллюстрирует физико-химические нервные реакции, а с другой — оно адекватно эмоциям и разумной деятельности человека. В этом смысле единство науки, развитие современного познания в целом идет в направлении, впервые указанном Марксом. Современным научным работникам становится все труднее и труднее придерживаться дуалистического мировоззрения. Они видят, что успех разрабатываемой ими науки зависит от понимания научной работы во всех других ее областях и от тесного сотрудничества ученых. Они начинают понимать, что исторические и социальные учения предохранят их от предрассудков в их собственной работе и укажут пути к плодотворному научному исследованию.

Диалектика в физике

Другие стороны диалектического материализма также все больше проявляются в самом развитии естественных наук. Величайшая и наиболее серьезная брешь во взглядах, основанных на «здоровом смысле», была пробита современной физикой. Картина мира, даваемая современной физикой, полна противоположностей и противоречий и служит ярким примером крушения старой логики. Наилучшим примером является вопрос о природе излучения. На протяжении многих лет шли споры о том, состоит ли свет из частиц (корпускул) или он имеет волновую природу; теперь мы знаем, что не только свет, но также электроны и атомы являются и волнами и частицами, или, вернее, представляют собой нечто такое, что может быть

волной и элементарной частицей одновременно. Различие между этими представлениями состоит в том, что частица — это нечто, находящееся где-то в данное время, а волна — нечто, происходящее в определенном пространстве в течение некоторого времени. Это различие кажется достаточно простым для «здорового смысла», но мы знаем, что мы никогда не можем достаточно точно определить местонахождение частицы, тогда как, напротив, местонахождение волны может быть определено вполне точно. Перед нами случай полного взаимопроникновения противоположностей.

Другим наглядным примером торжества диалектики в физике служит то, что мы теперь называем согласованными физическими явлениями, в которых такой процесс, как плавление твердого тела, представляется уже свойством не отдельных атомов, а свойством целой группы атомов ввиду воздействия их друг на друга. Сначала приходит в движение один атом. Его движение начинает передаваться соседним атомам; последние также приходят в движение; силы, удерживавшие первый атом, начинают уменьшаться, и, наконец, когда это движение в достаточной степени усилится, — распадается, или, как говорят, «плавится», и вся система атомов. Это явление замечательно тем, что нам совершенно безразлично, с какого атома начать рассмотрение. Характер процесса плавления зависит от общей схемы расположения атомов, а не от какой-либо отдельной ее части. Процесс является общим для всей системы как таковой. Согласованные явления служат наглядным примером как природы тех свойств, которые возникают при соединении большого числа элементарных частиц, так и тех критических изменений качества, которые происходят в результате медленных количественных изменений. Именно такие физические явления и дают нам возможность объяснять и воспринимать диалектические взгляды теперь гораздо легче, чем пятьдесят лет тому назад.

Исторический характер физики

Самым поразительным, пожалуй, является то, что современная физика принимает исторический характер. Законы физики, в отличие от законов биологических или за-

конов общественных, обычно считались неизменными, а их материальная основа, физические элементы, — постоянными; они явились воплощением идеалов Платона. Однако с открытием радиоактивности пятьдесят лет тому назад мы уже могли убедиться, как сама физика постепенно превращалась в точно такую же относительную и эволюционирующую науку, какой Дарвин за сорок лет до этого сделал биологию. В течение же последних нескольких лет изучение атомного ядра, космических лучей и тел объединилось в одно величественное целое, которое рассматривает природу физического мира как результат великих и поистине исторических превращений вселенной, происходивших хотя и миллиарды лет тому назад, но тем не менее действительно имевших место. Относительное изобилие или недостаток тех или иных элементов, имеющих на земле, определяет характеристики чрезвычайно концентрированной, плотной и раскаленной вселенной, в которой они образовались еще до появления звезд и галактик. Последние, в свою очередь, были образованы при взрыве, который, разбросав их, приостановил все дальнейшие, кроме незначительных, изменения в атомах, или, как мы говорим, заморозил их в состоянии равновесия, и в то же время создал ту расширяющуюся вселенную, в которой мы живем¹. В дополнение к этим внезапным превращениям одного состояния в другое, в корне отличное от первого, современная космогония открыла еще два, три или больше следующих друг за другом этапов диалектических превращений, восполняющих первоначальный набросок,

¹ Автор в данном случае излагает теорию образования вселенной, близкую к той «теории», которой придерживаются некоторые астрономы-идеалисты Запада (Леметр, де Ситтер, Эддингтон). Эти астрономы пользуются фактом наблюдаемого удаления от нас окрестных галактик, чтобы сделать идеалистический вывод о том, что вселенная якобы сотворена и конечна.

Хотя причина удаления от нашей Галактики других галактик еще не установлена, однако наиболее вероятным пока является предположение о том, что наша Галактика и окрестные галактики расположены в такой части Метагалактики, которая в настоящий момент расширяется. С точки зрения астрономов-материалистов такое расширение окружающей нас части Метагалактики, представляя выдающийся научный интерес, является лишь эпизодом в бесконечном развитии явлений бесконечной вселенной. — *Прим. ред.*

сделанный Марксом и Энгельсом. По мере продвижения науки вперед мы своими собственными усилиями можем открыть и другие стадии, предшествовавшие этим уже открытым стадиям эволюции вселенной. Успехи современной физики показывают, что законы не являются абсолютными и вечными истинами, за исключением тех случаев, когда они являются тавтологичными, иллюстрирующими нашу неспособность найти два разных способа выражения одной и той же мысли. Законы физики являются относительными и развивающимися не только потому, что мы их открываем, но и потому, что они отражают происходящую в действительности историческую эволюцию материального мира.

Диалектика в биологии

Подобные же тенденции действуют и в современной биологии. Объяснить взаимодействие химических и нервных процессов в поведении организмов было очень трудно как с точки зрения старомодного материализма, так и с точки зрения постулирования их поведения энтелехиями и «целостностями», которые выглядели слишком анимистичными и магическими, чтобы удовлетворять требованиям ученого-практика, хотя к ним и апеллировали их более религиозные наставники (senior). И здесь опять-таки диалектический подход рассеял кажущееся противоречие между поведением организма и действием установленных процессов, вооружил многообещающим методом исследования и указал на соответствующие ему способы экспериментирования.

Особенно успешно диалектический метод применяется в области генетики. С тех пор как Морган нашел в хромосомной теории подтверждение закона Менделя, выявилась тенденция каждое свойство организма неизменно объяснять прямой связью с его генной структурой, преувеличивая роль наследственности над влиянием окружающей среды. Это было высшим достижением примитивного материализма в области биологии¹. Однако

¹ Статья написана до биологической дискуссии, проходившей в СССР в конце 1948 г., которая окончательно выявила идеалистический характер теорий Менделя и Моргана. Позднее автор изменил свою позицию в вопросах генетики. — *Прим. ред.*

исследования последних лет показали, что действительность гораздо более сложна. В настоящее время установлено, что гены являются лишь одним из целого ряда факторов, который в сочетании с другими химическими и физическими процессами, происходящими в организме, направляет его развитие лишь по одному из многих проторенных путей. Взаимодействие же между влиянием хромосом и влиянием окружающей среды на каждой стадии развития организмов вызывает последовательное взаимодействие других генов с новыми факторами влияния окружающей среды на организм на последующей стадии и т. д.; таким образом, нормальное развитие каждого отдельного организма является диалектическим процессом.

Процесс, имеющий место в развитии организма, обусловливает и характер его поведения, а также его реакцию на внешнее раздражение. Труды Павлова и его учеников ясно показали, что в основе нормального поведения птиц и животных лежит сложный механизм торможения и возбуждения. Это, в свою очередь, соответствует нашим знаниям о процессе воспитания и образования людей и характеру взаимоотношений между личностью и обществом, которое ее формирует и которому она помогает преобразовываться.

Теперь мы все больше и больше убеждаемся в том, что биология находится накануне великих открытий и обобщений, подобных тем, какие произошли в физике, и что эти обобщения по своему характеру будут глубоко диалектическими и историческими. Последние исследования в области биохимии и биофизики обнаружили необыкновенную сложность и в то же время полную тождественность процессов, лежащих в основе всевозможных проявлений жизни, — от простейшей клетки до клетки дуба или человеческого организма: те же аминокислоты, те же ферменты, та же структура белков клеточного ядра в сочетании со строением простейших белков. Современные научные исследования все более и более подтверждают положение Энгельса о том, что «жизнь — это способ существования белковых тел». Далее. То, что общие химические свойства жизни точно такие же как и свойства элементов, указывает на общность их исторического про-

исхождения. Теперь уже не вызывает сомнения, что образованию тканей и органов, характерных для большинства современных живых организмов, предшествовала какая-то фаза химической эволюции. Здесь налицо полное и диалектическое единство между изучением как строения самих организмов, так и их происхождения. История жизни организмов отражается в их нынешнем химическом составе. Их молекулы, воспроизводившиеся большей частью без изменения в течение миллиардов лет или более, в настоящее время являются остатками прошлого. Изучение проявлений жизни и происхождения жизни слилось теперь в одно неразрывное целое.

Диалектика в общественных науках

Корни марксизма — в общественных науках, и нужно отметить, что не только теоретические взгляды Маркса и Энгельса, а еще в большей степени действительные результаты общественного развития, предсказанные основоположниками марксизма, оказали огромное влияние и произвели коренной переворот в наших знаниях. В самом деле, теперь мы все больше и больше осознаем, что вне марксизма нет социальной науки. Прежние экономические теории потерпели крах вместе с исчезновением системы свободной конкуренции, которую они считали естественным порядком вещей и которая, как показал Маркс, была лишь временной и преходящей ступенью развития. Антропология, археология и история в настоящее время имеют тенденцию слиться в единую науку о социальном развитии человечества — науку, в которой экономический детерминизм все более и более признается руководящим принципом. Даже психология стремится уйти от того сугубо индивидуалистического характера, который был ей навязан практической необходимостью иметь дело с психическими недомоганиями богатых бездельников. В общем процессе формирования отдельного индивида влияние социальных факторов, влияние общества становится ключом к пониманию человеческого мышления. Здесь снова подтверждается основополагающее марксистское положение об историческом происхождении и развитии всех ныне существующих форм. И даже сами наши интеллектуальные

и эмоциональные реакции свидетельствуют о своем определенном историческом прошлом и переданы нам не посредством какой-то таинственной «групповой души», а обычным механизмом культурной преемственности — через посредство воздействия семьи, школы и работы, то есть способом, вполне понятным и поддающимся контролю.

Значение марксизма для научно-исследовательской работы

Все приведенные нами примеры могут служить наглядным подтверждением того, что современный ученый в своей работе почти неизбежно прибегает к диалектике, хотя он, может быть, и не сознает этого и даже, больше того, отвергает всякую мысль о влиянии на него марксизма. Однако убежденный противник марксизма может, конечно, возразить, что наше рассуждение несостоятельно, так как большая часть научных открытий современности сделана не марксистами и даже не теми, кто находился под влиянием марксизма. Это бесспорно, но это вместе с тем показывает, что человеческая мысль при одинаковых общественных условиях неизбежно приходит к одинаковому выводу. То, что не марксист вполне может прийти к марксизму, можно считать еще одним доказательством плодотворности марксистской теории, но в любом случае невозможно доказать, что к тому же заключению легко и скоро можно прийти без сознательного применения марксистских принципов.

Современные ученые уже не могут игнорировать марксизм и отказываться пользоваться такими методами мышления, которые, при полном освоении и применении их на практике, приведут к еще более полному познанию и освоению мира и, таким образом, будут способствовать разрешению физических и социальных проблем. До настоящего времени вне Советского Союза лишь небольшая горстка ученых более или менее знала марксизм, причем даже эти немногие ученые начали понимать глубину марксистских идей только перед самой войной. И все же эти немногие ученые-марксисты, такие, как Жолио-Кюри, Холдейн или Гордон Чайлд, уже сумели добиться выдающихся успехов в своих областях знания,

Однако именно в Советском Союзе мы можем видеть первые результаты применения диалектического материализма в науке. Проводимая там научная работа выполняется при помощи тех же приборов и тех же методов анализа и индукции, которые применялись в прошлом и применяются теперь в других странах. Диалектический материализм не подменяет собой строгого научного метода; он применяется в науке для указания путей к новым открытиям и служит для изыскания способов использования этих открытий. Другими словами, диалектический материализм больше относится к стратегии, чем к тактике научного прогресса. Это отнюдь не значит, что диалектический материализм якобы не имеет ничего общего с деталями научной работы, но здесь его влияние косвенно. Истинный марксист может видеть более ясно и потому избегать предвзятых мнений и традиционных взглядов, мешающих людям видеть вещи даже у себя под носом.

Планирование науки

Марксизм не является и не стремится быть универсальным методом, позволяющим сделать открытие по любому частному вопросу. Индивидуальные качества человека, такие, как точность, честность и сила воображения, теперь так же нужны, как и всегда. Диалектический материализм наиболее применим при выборе области знания и выборе направления работы в этой области, при установлении связи с научными работниками в своей или смежной отраслях знания. Диалектический материализм является в действительности философией планируемого прогресса науки, который должен заменить собой прежнее развитие науки, когда ею занималось много ученых, каждый из которых шел своим путем и помогал другим, сознательно — увеличивая сумму научных знаний, и бессознательно — следуя тенденциям, диктуемым общественными условиями. Это не значит, что наиболее выдающиеся ученые никогда не планировали своих работ. Некоторые из них, как, например, Пастер, даже объединяли вокруг себя ряд работников и делили между ними различные области работы. Но такие индивидуальные попытки были редки и непродолжительны.

Наука в целом видела и периоды подъема и периоды упадка. В отдельных отраслях знаний достижения науки претерпевают особенно большие колебания. Решающим фактором в развитии той или иной отрасли знания было соотношение между тем, что открыто, и тем, что применимо на практике. Исследования в определенных отраслях знания направляются социальными и экономическими потребностями, причем эти исследования имеют, в свою очередь, экономические и социальные последствия, нередко проявляющиеся через огромный промежуток времени. Иногда между первым научным импульсом и полностью осуществившимся конечным практическим результатом его может пройти от ста до ста пятидесяти лет. Так, возникновение крупной химической промышленности в XVII и в начале XVIII в. вызвало живой интерес к химии. Этот интерес возрастал вплоть до XIX в., но в химической промышленности его результат сказался только с развитием научно организованной химической промышленности, в особенности промышленности красителей в конце XIX столетия. До тех пор пока Советский Союз не доказал, что такой случайный процесс не необходим, этот процесс рассматривался подобно выживанию наиболее приспособленных, или подобно свободной конкуренции, — как неумолимый закон природы, как что-то такое, что нельзя трогать во избежание порчи его хрупкого механизма. Мы знаем по собственному опыту военного времени, что эти огромные промежуточные периоды могут быть сокращены просто правильной организацией и планированием науки, путем сочетания научно-исследовательской работы с производством, благодаря чему проблемы, вставшие перед производством, могут быть переданы для разрешения научным работникам, которые снова передают их в промышленность. Однако научно-исследовательскую работу можно планировать только в соответствии с определенной системой спроса; установить же это соответствие возможно лишь путем социального анализа. Только в том случае, если мы будем исходить из социального анализа, мы можем определить роль науки и то, как она сможет выполнить эту роль. Именно в этом более широком смысле диалектический материализм указывает путь для продвижения науки вперед.

Наука в Советском Союзе

Истинное значение диалектического материализма выявляется не только и даже не главным образом в анализе прошлого и настоящего науки — оно обнаруживается, скорее, в предвидении будущего науки. Для науки будущего социально направленное планирование абсолютно необходимо; такое планирование мы уже видим в Советском Союзе. Только благодаря сознательному применению марксистской теории стало возможным на узком фундаменте науки времен царизма построить громадный, цельный и жизнеспособный организм современной советской науки. В течение одного поколения страна с неграмотным населением превратилась в страну ученых, и это проявилось как в мирное, так и в военное время. Дело заключается не в том, чтобы иметь небольшую группу высокоталантливых ученых и расширять границы знания от случая к случаю, а в том, чтобы установить единую практику подхода ко всем проблемам промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения и методологии как к научным вопросам, разрешаемым на основе проверенного опыта и статистических данных.

Разносторонние планы Академии наук СССР, достигшие кульминационного пункта в великом послевоенном пятилетнем плане 1946 г., показывают то, как наука связана с потребностями страны. План составлен самими учеными, изучающими нужды различных наук и объединяющими их в одно целое, тесно связанное с промышленностью, сельским хозяйством и медициной¹, причем сделано это в полном соответствии с законами диалектики. Плодотворная деятельность советской науки уже теперь ясно видна в Советском Союзе, но это только первые ее плоды. В Советском Союзе теперь достигнуто такое положение, что весь народ этой страны постоянно изучает новый диалектический способ разрешения материальных и социальных проблем — способ, благодаря которому советский народ, несмотря на произведенные в его стране

¹ The Soviet Journal (published by the Society for Cultural Relations with the U.S.S.R.), Autumn 1947.

огромные разрушения, имеет не только желание, но и реальные возможности для достижения новых знаний и новых успехов.

Организация науки в Советском Союзе поставлена так, что она не связывает, а освобождает человека; что, используя все больше и больше людей, она достигает все бóльших результатов; что она открывает и использует естественные богатства и, главное, учит нас использовать самую мощную силу из всех естественных богатств — способности человека и его ум. Каждый мужчина, каждая женщина любой национальности и культурного уровня способны содействовать — в большей или меньшей степени — прогрессу человеческой культуры.

Начало того, что мы наблюдали в течение тридцати лет борьбы и побед в Советском Союзе, мы видим теперь и в остальном мире. Со времени освобождения Европы от фашистов и частичного, но еще не определившегося освобождения колониальных стран всюду наблюдается новое стремление использовать планомерно организованную науку как скорейший и самый эффективный, самый надежный способ повышения жизненного уровня и достижения цивилизации, свободной от неустойчивости корыстного хищничества капитализма. Всюду, даже в самих капиталистических странах, крепнет желание направить науку на разрешение проблемы удовлетворения потребностей людей. Реакционные силы, естественно, противятся этому, прикрываясь, как и в других случаях, лозунгом «свободы». Но свобода анархического капитализма иллюзорна и саморазрушительна; это — свобода эксплуатации, а не созидания. Великое освободительное движение XVIII в. оказалось напрасным из-за неумения понять это.

МАРКСИЗМ И СВОБОДА

Свобода, присущая нашей стадии развития, является свободой сотрудничества, а не конкуренции. Люди могут стать свободными лишь благодаря правильному представлению о пределах своих возможностей, а не посредством их игнорирования, то есть благодаря признанию необходимости совместной работы вместо «непреклонного индивидуализма» («rugged individualism»), который уже не отве-

чает требованиям нашего века. Марксизм как раз и является тем учением, которое поможет направить наши совместные усилия в нужное русло. Марксизм — это не какая-то жесткая оболочка, устанавливающая раз и навсегда как непреложный закон форму будущего прогресса интеллектуальных и практических достижений человечества; он скорее является как бы лесами, которые будут сняты, как только они выполнят свое назначение. Но это время еще на наступило, и многое еще предстоит сделать, прежде чем оно настанет ¹.

Сейчас же марксизм — это растущая философия; это единственная жизнеспособная философия, находящаяся в расцвете своих сил. По отношению к естественным наукам перед ним стоят не менее серьезные задачи, чем в области экономики или политики. В настоящее время уже недостаточно владеть обрывками знаний о неорганическом и органическом мире и даже обладать испытанным методом, вроде классического метода науки, годного для решения лишь определенного типа проблем. Все наши знания должны быть объединены и усвоены тем человеческим обществом, в котором они выросли и преобразованию которого они служат. Перед вооруженными марксистской теорией физиками, биологами и историками в настоящее время и в будущем стоит обширная и многообразная программа исследований и объяснений.

Прежняя дуалистическая концепция, пронизывавшая все развитие науки со времен Возрождения, должна быть разбита, и притом разбита в двояком смысле. Прежде всего необходимо вскрыть и проанализировать субъективные и социальные элементы, которые вносятся человеком в естествознание, и вместе с тем также выяснить посредством научного анализа многие социальные термины и положения, заимствованные нами из далекого прошлого и бессознательно измененные.

¹ В интересах точности следует добавить, что поскольку диалектический материализм является и мировоззрением и методом, пронизывающим все науки о природе и обществе и обогащающимся данными этих наук в ходе их развития, он будет существовать и развиваться до тех пор, пока будут существовать и развиваться общество и наука. — *Прим. ред.*

Переоценка ценностей должна сопровождаться обобщением знаний. Люди инстинктивно чувствуют, что в таких понятиях, как правда, мужество и любовь к родине, содержится нечто реальное и значительное. Но поскольку эти понятия по традиции связаны с религией и националистическими легендами, то люди скорее окажутся во власти этих легенд, чем отрекутся от ценностей, которые те якобы объясняют, а в действительности лишь повторяют в других, более торжественных выражениях. Дело марксизма — придать социальным ценностям их истинное содержание и дать им обоснование, единственно приемлемое в наш разумный и сознательный век. Теория и практика в этом вопросе должны идти рука об руку. Только создав новый мир, свободный от неравенства и эксплуатации, которые обратили традиционные ценности в самое грубое лицемерие, можно достигнуть превращения этих ценностей в новые искренние стремления человечества.

Но этого нельзя откладывать на далекое будущее — надо действовать здесь и теперь же. Сама война потребовала предприимчивости и понимания в каждой сфере деятельности — на фронте не меньше, чем на заводах и полях. Старые методы работы и прежний образ мыслей были отброшены, как исключительно неэффективные и слишком медленные; в эти немногие годы произошло больше изменений, чем за полвека мирного развития капитализма. Именно в это время под влиянием неотложных задач, выдвинутых войной и движением Сопротивления, диалектический материализм продемонстрировал все свои величайшие преимущества. Еще большую потребность мы испытываем в нем в переживаемые нами тяжелые времена. Диалектический материализм нужен нам, чтобы бороться с тем искусственным разделением мира, к которому стремится реакция. Только марксизм может показать, что знамя западной «цивилизации», поднятое сейчас во имя истребительной войны, является все тем же старым капиталистическим знаменем со свастикой, под которым Гитлер и Геббельс пытались объединить обманутые народы для «крестового похода» против большевизма. Существует только одна цивилизация, наследниками которой являемся мы все; эта цивилизация претерпевает в настоящее время преобразование, предсказанное Марксом и

Энгельсом сто лет назад. Прежнее господство буржуазии над обществом уходит в прошлое, и силы реакции, пытаясь сохранить это господство, снова угрожают войной в качестве последнего средства спасения своего безнадёжного дела. Огромные силы, которые предоставляет нам современная наука и которые сейчас, более чем когда-либо, способны обеспечить каждому человеку условия для хорошей жизни, сознательно сдерживаются реакцией и втайне используются для военных приготовлений. Но реакционные силы могут рассчитывать на успех лишь в том случае, если народы всего мира не разберутся в создавшемся положении.

Именно с помощью марксизма оказывается возможным разобраться в любом создавшемся положении в свете огромных исторических движений и, таким образом, добиться того, чтобы разрешение этих проблем стало неотъемлемой частью общего движения вперед. Ибо значение марксизма состоит не столько в разрешении отдельных проблем, сколько в выявлении того, какие из них нужно разрешить и в какой последовательности. Марксизм — не абстрактная система, в рамки которой должно быть втиснуто будущее, а живой и гибкий метод, посредством которого мы сами можем определить это будущее.

МАРКС И НАУКА ¹

ВВЕДЕНИЕ

Не так давно мне довелось сопровождать одного выдающегося поэта, жителя западноафриканского побережья, на Хайгейтское кладбище к могиле Маркса. И вот когда мы в одиночестве стояли у неприхотливого памятника, я раздумывал о том, насколько известен и каким почетом пользуется покоящийся под ним человек во всех уголках земного шара. Мне пришла в голову мысль о том, какое влияние оказало его мировоззрение на все сферы человеческой мысли — на естествознание в такой же мере, как на экономику и на политику, хотя последние были главным объектом его внимания.

Совершенно излишне говорить о том, сделал ли Маркс вклад в науку, — он сам был ученым. Начав с исследований и разработки самой трудной науки — о человеческом обществе в процессе его исторического развития, — он пришел к переосмысливанию целого ряда наук. Маркс мог бы остаться лишь журналистом, историком или экономистом, если бы его удовлетворил анализ и рассмотрение только этих областей человеческого знания. Но его идеи всегда находили выражение в политической деятельности. Это сочетание теории и практики дало ему возможность использовать всю силу своего ума для того, чтобы изменить методы мысли и действия, называемые нами общественными и естественными науками.

Что сделал Маркс для современной ему науки и как скажется его работа на развитии науки в будущем — такова тема данной статьи. Маркс выявил общественный характер основ науки, а следовательно, и необходимость

¹ J. D. Bernal, *Marx and Science*, Lawrence and Wishart, London, 1952.

науки для общества. Добиться этого можно было лишь при условии знания всех наук, и особенно при наличии глубокого знания истории и философии.

Теперь нам трудно оценить все величие этого подвига, ибо в наши дни основные марксистские идеи стали достоянием даже самых злостных врагов марксизма. Известно, что Маркс открыл основную движущую силу исторического развития человеческого общества и показал, что ее следует искать не в отвлеченных идеях или мистической интуиции, а в самом процессе, при помощи которого люди добывают себе средства к существованию, — в процессе производства, при помощи которого они изготавливают пищу, одежду и кров. Производство, будучи общественным с самого начала, ставит людей в общественные производственные отношения, ведущие к появлению классовых противоречий. Противоречие между производительными силами и производственными отношениями является основой развития общества; оно существовало, существует и будет существовать. Оно является источником человеческой культуры. Эти положения, на доказательство и утверждение которых Маркс был вынужден потратить долгие годы, появились у него уже в начале его деятельности. Так, в «Экономико-философских рукописях» (1844 г.) он писал: «Материальная, непосредственно чувственная частная собственность является материальным, чувственным выражением *отчужденной*¹ человеческой жизни. Ее движение — производство и потребление — есть *чувственное* проявление движения всего предшествующего производства, т. е. оно представляет собой осуществление или действительность человека. Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь *особые* виды производства и подчиняются его всеобщему закону»².

¹ Понятие «отчужденный» (entfremdet) используется Марксом в метафорическом смысле. Товары — продукты человеческого труда; они отнимают часть жизни тех рабочих, которые их производят. Воплощаясь в собственность, эта часть, так сказать, изымается из жизни и отчуждается. Точно так же как человек, продавая личную собственность, тем самым отчуждает ее.

² Marx — Engels, Gesamtausgabe, Berlin, 1932, Erste Abteilung, Bd. III, t. 2, S. 114—115.

Год спустя в «Немецкой идеологии», написанной вместе с Энгельсом, Маркс отмечал:

«История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, из которых каждое эксплуатирует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями, в силу чего оно, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся обстоятельствах, а с другой — видоизменяет старые обстоятельства посредством совершенно измененной деятельности... так что, например, если в Англии изобретена машина, которая в Индии и Китае лишает хлеба бесчисленное множество рабочих и производит переворот всей формы существования этих государств, то это изобретение становится всемирно-историческим фактом»¹.

Этим проникновением в социально-экономическую основу истории мы обязаны Марксу. Оно в той или иной форме оказало влияние на все современные теории, даже на мышление правоверных обскурантистов и злобствующих врагов марксизма. Теперь идеи марксизма общеизвестны, но мы не должны забывать, что перед лицом научной мысли того времени Маркс сделал открытие, явившееся огромным достижением человеческого разума.

Марксистские идеи не исключают себя из сферы действия ими же установленных законов. Не случайно, что открытие выпало именно на долю человека с такой подготовкой и таким опытом. Хотя эти идеи и витали в идеологической и политической жизни начала XIX в., однако между смутным осознанием внутреннего родства различных сторон культуры и раскрытием точной формы этого родства, подробно изложенной Марксом с помощью разработанного им нового, диалектического метода, — дистанция огромного размера.

Нельзя понять сущность этого метода, не прибегая к изучению работ самого Маркса. Работа над данной брошюрой заставила меня вернуться к известным произведениям классиков марксизма, а также ознакомиться с более ранними и менее известными трудами Маркса, что принесло мне огромную радость. Просто удивительно, до чего

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 35—36.

ясным события послевоенных лет делают то, что было написано сто лет тому назад и что не было понято мною при первом чтении в предвоенные годы. Экономические и политические события последних лет подтверждают и все яснее показывают правильность идей Маркса. Более чем удивительно, что он смог достичь понимания событий еще до того, как они осуществились в наше время.

Маркс пришел к своим основным выводам еще в 1843 г.¹, когда ему было лишь двадцать пять лет, но это не значит, что они были достигнуты только благодаря блестящим способностям; прежде всего это явилось результатом глубокого изучения и проникательных наблюдений над жизнью общества. Период, в течение которого Маркс, если можно так выразиться, становился марксистом, является одним из интереснейших примеров развития человеческой мысли. Поэтому он должен быть тщательно изучен. Правда, то, что я буду говорить по этому поводу, нужно отнести к разряду непрофессиональных попыток, но все равно это должно быть сделано, ибо такие критические переходы мысли поистине революционны. Подобные события гораздо больше, чем равномерное накопление фактов, определяют торжество человеческой мысли над окружающей средой.

Как Маркс пришел к марксизму. Философия и религия

Карл Маркс родился в семье состоятельного адвоката из Трира в 1818 г. и получил воспитание, типичное для либерально-интеллигентской среды того времени. Специализируясь в юриспруденции, он не мог, однако, ограничить круг своих интересов областью юстиции и поэтому даже в период обучения в школе занимался многими науками и искусством. Хотя вначале он увлекался сочинением пьес и сатирических стихов, первый поистине серьезный интерес он проявил к изучению философии. Переехав в 1837 г. в Берлин, он примкнул к сторонникам Гегеля, и это было

¹ Точнее будет сказать, что Маркс перешел на позиции материализма в 1844—1845 гг. Основные же идеи марксизма Маркс и Энгельс сформулировали позднее, в «Манифесте Коммунистической партии», опубликованном в начале революционного 1848 г.—*Прим. ред.*

почти неизбежно, ибо в те времена именно в Гегеле, невзирая на абстрактность и идеализм его учения, воплощалась революционная мысль, которая заменяла Германии политические и экономические революции, свершившиеся ранее во Франции и Англии.

Молодой Маркс воспринимал из гегелевской философии не его учение о сущности вещей, а теорию *процесса их саморазвития*. Абсолютный идеализм не дал возможности Гегелю наполнить этот «процесс саморазвития» конкретным содержанием. Идея эволюции в природе была ему совершенно чужда — вопрос о создании вселенной и человека сводился к простейшим мифам о сотворении мира. Но Гегель поставил вопрос о развитии, о стадиях развития истории человеческого общества¹. Он говорил: «Все разумное — действительно». Однако это не означало, что Гегель понимает под данным положением сохранение неизменного состояния. Наоборот, он понимал под этим изменение и развитие.

Энгельс объяснял это следующим образом: «Однако действительность по Гегелю вовсе не представляет собой такого атрибута, который присущ данному общественному или политическому порядку при всех обстоятельствах и во все времена. Напротив. Римская республика была действительна, но действительна была и вытеснявшая ее Римская империя. Французская монархия стала в 1789 г. до такой степени недействительной, т. е. до такой степени лишенной всякой необходимости, до такой степени неразумной, что ее должна была уничтожить великая революция, о которой Гегель всегда говорит с величайшим воодушевлением. Здесь, следовательно, монархия была недействительной,

¹ В «Философии истории» Гегель писал: «При всем бесконечном многообразии изменений, совершающихся в природе, в них обнаруживается лишь круговращение, которое вечно повторяется; в природе ничто не ново под луной, и в этом отношении многообразная игра ее форм вызывает скуку. Лишь в изменениях, совершающихся в духовной сфере, появляется новое. Это явление, совершающееся в духовной сфере, позволяет вообще обнаружить в человеке иное определение, чем в чисто естественных вещах, в которых всегда проявляется один и тот же постоянный характер, остающийся неизменным, а именно действительную способность к изменению, и притом к лучшему — стремлению к *усовершенствованию*» (Гегель, Соч., т. VIII, Соцэкгиз, 1935, стр. 51—52).

а революция действительной. И совершенно так же, по мере развития, все, бывшее прежде действительным, становится недействительным, утрачивает свою необходимость, свое право на существование, свою разумность. Место отмирающей действительности занимает новая, жизнеспособная действительность, занимает мирно, если старое достаточно рассудительно, чтобы умереть без сопротивления, — насильственно, если оно противится этой необходимости. Таким образом, это гегелевское положение благодаря самой гегелевской диалектике превращается в свою противоположность: все действительное в области человеческой истории становится со временем неразумным, оно, следовательно, неразумно уже по самой своей природе, заранее обременено неразумностью; а все, что есть в человеческих головах разумного, определено к тому, чтобы стать действительным, как бы ни противоречило оно существующей кажущейся действительности. По всем правилам гегелевского метода мышления, тезис, провозглашающий разумность всего действительного, превращается в другой тезис: достойно гибели все то, что существует.

Но именно в том и состояло истинное значение и революционный характер гегелевской философии...»¹

Это положение гегелевской диалектической философии было усвоено Марксом. «...диалектическая философия, — пишет Энгельс, — разрушает все представления об окончательной абсолютной истине и о соответствующих ей абсолютных состояниях человечества так же, как буржуазия, посредством крупной промышленности, конкуренции и всемирного рынка, практически разрушает все устоявшиеся, веками освященные учреждения. Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу. У нее, правда, есть и консервативная

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1948, стр. 342—343.

сторона: каждая данная ступень развития познания и общественных отношений оправдывается ею для своего времени и своих условий, но не больше. Консерватизм этого способа понимания относителен, его революционный характер абсолютен — вот единственное абсолютное, признаваемое диалектической философией»¹.

Сам Гегель, конечно, не мог прийти к этому выводу, ибо он был занят разработкой универсальной системы, которая могла бы доказать, что *абсолют*, впервые открытый им, воплощается в прусском государстве Фридриха Вильгельма III.

«...учение Гегеля оставляло... — писал Энгельс, — большой простор для самых различных практических партийных воззрений. А практическое значение имели в тогдашней теоретической жизни Германии прежде всего две вещи: религия и политика. Человек, дороживший преимущественно *системой* Гегеля, мог быть довольно консервативным в каждой из этих областей. Тот же, кто главным считал диалектический *метод*, мог и в политике и в религии принадлежать к самой крайней оппозиции»².

Маркс с самого начала принадлежал ко второй группе — группе левых гегельянцев, но он не сразу порвал с идеалистической философией.

Уже работа над докторской диссертацией 1841 г. показала Марксу, что метод Гегеля противоречит идеалистическим выводам его системы. Работа была озаглавлена «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». Эти философы явились основателями атомистического материализма, противоположного неатомистическому материализму первых ионийцев и идеалистическому атомизму Пифагора³. Все еще пользуясь гегелевской терминологией, Маркс уже в этой работе приступил к исследованию социальной и политической

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 343—344.

² Там же, стр. 347.

³ Числа в представлении Пифагора были действительно существующими небольшими совокупностями, скоплениями точек, что дает нам право назвать его философию материалистической. Однако его последователи, в особенности Платон, рассматривали число как нечто абстрактное и даже магическое, превращая его в краеугольный камень бескомпромиссного идеализма.

сущности материализма. Маркс предпочитал Эпикура Демокриту, поскольку он считал Демокрита просто материалистом-естествоиспытателем, сводившим все к атомам и пустоте, тогда как, по его мнению, Эпикур стремился сделать атомистическую философию, с некоторыми изменениями, основой моральной и политической теории.

«У Эпикура, — подытоживает Маркс в своей диссертации, — совершенно последовательно проведена и закончена *атомистика* со всеми ее противоречиями, как *естествознание самосознания*, а последнее в форме абстрактной единичности есть абсолютный принцип, который представляет собой упразднение атомистики и сознательную противоположность всеобщему. Для Демокрита, наоборот, *атом* есть только *общее объективное выражение эмпирического исследования природы вообще*. Атом для него остается поэтому чистой и абстрактной категорией, гипотезой, представляющей результат опыта, а не ее энергичский принцип, и эта гипотеза остается поэтому без осуществления, а реальное исследование природы не определяется ею»¹.

Хотя положения, сформулированные Марксом в его диссертации, изложены трудным языком и могут показаться современному читателю не совсем понятными, тем не менее они содержат много ценных мыслей. К ним относится прежде всего признание ограниченности и недостаточного уровня развития естествознания того времени, а также доказательство важности открытого Эпикуром закона отклонения атома от прямой линии его падения, закона, который позволяет Эпикуру ввести случайность в жесткий атомизм Демокрита. Однако диссертация вовсе не была отвлеченной. Она стремилась показать освободительную роль идей Эпикура, особенно его борьбу против религии, которая поддерживалась государством. Новейшие исследования показали, что эпикурейство считалось в древней Греции и Риме философией разрушения и что платоновская и стоическая философии, стоявшие на службе государства, делали все от них зависящее для ее ликвидации.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 66—67.

Если бы Маркс был философом в обычном смысле этого слова, то многообещающее начало сулило ему в будущем пост профессора в любом немецком университете. Но он не мог оставаться в стороне от событий его времени. Сразу же по завершении диссертации (он никогда ее не публиковал) Маркс вместе с другими левыми гегельянцами занялся журналистикой, выступая сначала в качестве сотрудника, а затем, с 1842 г., редактора новой «Рейнской газеты». Критика религии, которую Маркс проводил в этой газете, явилась живым воплощением связи философии и политики, ибо вопрос о религии был в то время политическим вопросом, так как религия служила надежным оплотом крупных помещиков, руководивших прусским государством. «Критика неба, — писал тогда Маркс, — обращается, таким образом, в критику земли, критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики»¹.

Наиболее сильное влияние оказал в то время на Маркса Фейербах — уравновешенный и склонный к замкнутости философ, имевший мужество (которого недоставало даже Гегелю) открыто выступить против христианской догмы в своей «Сущности христианства» (опубликованной в 1841 г.). Маркс и его сподвижники, изучая Фейербаха, вдохновлялись его идеями и были готовы далеко превзойти его теорию. В одном из своих самых ранних и наиболее острых очерков — «К критике гегелевской философии права», опубликованном в 1844 г., — Маркс подводит такой итог: «Для Германии критика религии по существу окончена, а критика религии — предпосылка всякой другой критики...

Основание иррелигиозной критики таково: человек создает религию, религия не создает человека. Религия есть самосознание и самочувствие человека, который или еще не отыскал себя, или снова уже потерял себя. Но человек — не абстрактное, вне мира витающее существо. Человек — это мир человека, государство, общество. Это государство, это общество создают религию, превратное мирознание, ибо сами они — превратный мир. Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедическая

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 400.

сводка, его логика в популярной форме, его спиритуалистический *point d'honneur*, его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное завершение, его общая основа, дающая ему утешение и оправдание. Она — *фантастическое воплощение* человеческого существа, ибо *человеческое существо* не обладает истинной действительностью. Таким образом, борьба против религии есть косвенно борьба против *того мира*, духовным *ароматом* которого является религия.

Религиозное убожество есть в одно и то же время *выражение* действительности нищеты и *протест* против действительной нищеты. Религия — это вздох угнетенной твари, душа бессердечного мира, дух бездушного безвременья. Она — *опиум* народа.

Упразднение религии, как *призрачного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья. Требование отказаться от иллюзий о своем положении, есть *требование отказаться от положения, которое нуждается в иллюзиях*. Критика религии есть, следовательно, в *зародыше* критика той юдоли плача, *священным ореолом* которой является религия»¹.

Этот отрывок, в котором содержится незабываемое выражение *опиум народа*, оказался довольно сильным лекарством для клерикально-реакционных правительств того времени.

Журналистика, политика и ссылка

Маркс смог прийти к этим выводам, ибо его развитие протекало не в безвоздушном пространстве. Работа в «Рейнской газете» столкнула Маркса с политической действительностью. Находясь на посту редактора этой газеты, он в течение пяти месяцев вел непрерывную войну против властей, но под давлением прусской цензуры Маркс вынужден был оставить эту работу. Это впервые показало ему мертвящую тягость феодальных ограничений в области политики, законодательства и культуры. За ограничениями в этих областях Маркс стал различать экономические отношения, определяющие политические и юридические. В то время он еще стоял на либеральных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 399—400.

позициях¹, что вполне соответствовало антиаристократическим и антиклерикальным настроениям, зревшим в среде промышленной буржуазии, финансировавшей газету. В период его редакторской деятельности «Рейнская газета» пользовалась огромной популярностью: число подписчиков возросло с 885 (в октябре 1841 г.) до 3 400 (в марте 1842 г.).

Маркс вскоре стал властителем дум молодых либералов Рейнской земли. Приводимое ниже письмо Мозеса Хесса, адресованное Ауэрбаху, в то время могло показаться совершенно неуместным, тогда как теперь оно звучит как замечательное пророчество:

«Вы получите здесь удовольствие от встречи с человеком, который принадлежит к группе наших друзей, хотя он живет в Бонне, где скоро будет читать лекции. Это личность, которая произвела на меня сильное впечатление, хотя я работаю в той же области знания; короче, вы должны быть готовы встретить величайшего, возможно *единственного, подлинного* философа среди людей; когда он выступит с устным или печатным словом, он привлечет к себе внимание всей Германии. И по своей общей тенденции и по структуре мышления он идет не только далее Штрауса, но и дальше Фейербаха, а это говорит о многом. Если бы я имел возможность быть в Бонне, когда он будет читать лекции, я оказался бы в числе его наиболее усердных учеников. Я хотел бы, чтобы такой человек был моим руководителем в философии. Сейчас я чувствую себя новичком в философии в самом полном смысле этого слова. Но терпение! Я немедленно примусь за учебу! Доктор Маркс (так зовут моего кумира), который пока еще очень молод (ему самое большее около двадцати четырех лет), собирается нанести смертельный удар по средневековой религии и политике; в нем сочетаются глубокий философский анализ с уничтожающим остроумием. Представьте себе Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля, сочетающихся в одном человеке: я говорю — сочетающихся, а не смешанных — это доктор Маркс»².

¹ Было бы точнее сказать не на либеральных, а на революционно-демократических позициях. — *Прим. ред.*

² R. P a s c a l, Karl Marx. His Apprenticeship to Politics, Labour Monthly Pamphlet, London, 1942, pp 8 f.

После ликвидации «Рейнской газеты» Маркс почувствовал, что в ближайшем будущем в Германии нет никаких надежд на революцию. В 1843 г. он со своей молодой женой поехал в Швейцарию, оттуда — в Париж, куда он был приглашен соредактором «Немецко-Французского Ежегодника». После выпуска первого номера этот ежегодник прекратил свое существование; однако в данном случае причиной тому оказалась не цензура, а разлад между эмигрантами. В 1845 г. по просьбе прусского правительства Маркс был изгнан из Франции за то, что среди ряда других «крамольных» статей, он написал статью в защиту стачки силезских ткачей. Вместе с Энгельсом и другими активными социалистами он переехал в Брюссель, где немедленно взялся за руководство движением, которое подготавливало почву для великих событий 1848 г.

Несмотря на недолгое пребывание Маркса в Париже, оно явилось важным этапом в его теоретическом и политическом развитии. Благодаря заботам своего отца он еще в детстве познакомился с французской литературой, особенно с произведениями великих философов и материалистов XVIII в. Находясь в Париже, Маркс испытал на себе живительное воздействие французской культуры и новое брожение идей в среде либералов, социалистов-утопистов школ Сен-Симона и Фурье и среди последователей Прудона.

Идеи этих французских мыслителей произвели на Маркса большое впечатление, но он не стал их последователем. Хорошее знание немецкой философии, широкое образование и здравый подход к вещам сделало из Маркса проницательного и конструктивного критика. Он уже понял, что социализм не является чем-то приходящим свыше. В самой первой статье, опубликованной им в Париже, «К критике гегелевской философии права», уже цитированной нами, он утверждает, что движущей силой перестройки общества становится *пролетариат*, созданный самим ростом механизации производства. Маркс устанавливает, что философия должна вооружить пролетариат сознанием своей собственной природы и возможностей. «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие...

Философия не может быть превращена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя без превращения философии в действительность»¹.

Фридрих Энгельс

Пребывание в Париже имело для Маркса огромное значение еще и потому, что там в 1844 г. он встретился с Фридрихом Энгельсом. С тех пор и зародилась их прочная дружба и духовное единство, продолжавшееся вплоть до самой смерти Маркса. Энгельс уже имел опыт и знания, которые сыграли столь существенную роль в деле завершения формирования учения Маркса, — знание положения в Англии и знакомство с политэкономией и естественными науками. Маркс до сих пор мог наблюдать лишь сравнительно примитивную и неразвитую промышленность Рейнской земли. Энгельс же знал и принимал непосредственное участие в работе Манчестерской хлопковой фирмы, стоявшей по тем временам на высоком уровне развития промышленного производства. Приехав из-за границы, Энгельс и не думал считать английскую промышленность неким благодеянием. Наоборот, он видел в ней гигантскую силу, призванную преобразовать материальные условия жизни человека и в то же время создающую такие общественные порядки, которые калечат жизнь людей. Энгельс познакомился с жизнью и организованной борьбой английского рабочего класса, что и было увековечено в его книге «Положение рабочего класса в Англии», вышедшей в 1845 г. Он ознакомил Маркса со своими наблюдениями и с теориями английских экономистов — Адама Смита, Рикардо и Мальтуса — теориями, которые развились на почве промышленной революции. Он также принес знания и интерес к естественным наукам, которые появились у него в Манчестере, где наука и промышленность были связаны наиболее тесно.

Именно сочетание этих влияний привело Маркса, примерно в 1844 г., к объединению своих философских и политических взглядов, к великому переосмыслению с диаметрально противоположных позиций метода Гегеля и к за-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 412.

мене его идеализма и «философии духа» подлинным материализмом. «Мой диалектический метод, — писал Маркс много лет спустя, — не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть demiург [творец, созидатель] действительного, которое представляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹.

Таким образом, к этому времени три основных элемента марксизма — материализм, политэкономия и диалектическая философия, — происходящие главным образом из французских, английских и немецких источников, были собраны вместе в великолепном синтезе.

Материализм, впервые провозглашенный Марксом, был с самого начала в корне отличен от материализма, выросшего в XVIII в. во Франции, — материализма Гольбаха и Ламетри. Материализм Маркса носил более общий характер, был более логичен и с самого начала был историческим материализмом. Дальнейшее развитие этого учения привело как Маркса, так и Энгельса в область естествознания. Маркс занимался естественными науками не только ради более точного философского описания реального мира, но также и ради развития экономического учения, ибо наука в период быстрого развития капитализма была тесно связана с промышленностью.

В то время, когда Маркс и Энгельс работали над «Манифестом Коммунистической партии», который должен был потрясти мир в 1848 г., они разработали общие положения нового, диалектического материализма. Правда, эти положения были затем дополнены и развиты в позднейших работах, и особенно в «Капитале», на основе тщательного анализа экономики капитализма, но поскольку принципы диалектического материализма касаются естествознания, то уже ко времени написания «Немецкой идеологии» (1846 г.) они были достаточно развиты.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 19.

Революция и эволюция

Маркс развивал свое учение, опираясь на лучшие достижения человеческой мысли: на исторический и диалектический метод Гегеля, на стихийный материализм ученых-естествоиспытателей, на произведения представителей классической политэкономии — Адама Смита и Рикардо. Но Маркс не просто обобщил их работы, несомненно имевшие огромное значение. Поистине великим вкладом Маркса явилось то, что анализ, знания и критика перестали быть только объектом размышления, а превратились в объект действия. Этот принципиально новый вывод он сделал не из какой-либо философской системы, не из науки, а из опыта революционной борьбы народа, которую он наблюдал и в которой принимал непосредственное участие.

Это лучше всего выражено в полемической работе Маркса «Нищета философии» (1846 г.), которая была написана в ответ на «Философию нищеты» Прудона. В ней Маркс проводит резкую границу между благонамеренной философией «филантропических» буржуазных доктрино-ров и реальным, действительным социализмом, выросшим из борьбы пролетариата: «Так же точно, как экономисты служат научными представителями буржуазного класса, — социалисты и коммунисты являются теоретиками пролетариата. Пока пролетариат не настолько еще развит, чтобы конституироваться как класс, пока самая борьба пролетариата с буржуазией не имеет еще, следовательно, политического характера и пока производительные силы еще не до такой степени развились в недрах самой буржуазии, чтобы можно было обнаружить материальные условия, необходимые для освобождения пролетариата и для образования нового общества, — до тех пор эти теоретики являются лишь утопистами, которые, чтобы помочь нуждам угнетенного класса, придумывают системы и стремятся найти возрождающую науку. Но по мере того, как подвигается вперед история, а вместе с тем и яснее обрисовывается борьба пролетариата, — для них становится излишним искать научную истину в своих собственных головах; им нужно только отдавать себе отчет в том, что совершается на их глазах, и стать выразителями действительных событий. Поскольку они ищут науку и

придумывают системы, поскольку они переживают лишь начало борьбы, они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной разрушительной стороны, той стороны, которая низвергнет старое общество. Но раз замечена эта сторона, наука становится сознательным продуктом исторического движения; она перестает быть доктринерской, она делается революционной!»¹

Маркс воспринял у Гегеля взгляд на историю человеческого общества как на ряд следующих друг за другом этапов, но, будучи материалистом, он не мог рассматривать развитие человечества как саморазвитие *идеи*, а, наоборот, раскрывал зависимость его от уровня развития производительных сил и производственных отношений в реальной действительности. Далее, опыт двух французских революций показал ему, что важнейшие, решающие изменения в истории совершаются не путем медленной эволюции, а посредством скачков, в результате которых к власти приходят классы, более способные использовать производительные силы.

При изучении истории человечества нельзя пройти мимо коренных изменений в ходе развития общества, но трудность заключается в том, чтобы установить законы, по которым идет это историческое развитие. Эти «законы движения» человеческого общества были впервые открыты Марксом. Позднее он применил их к природе и тем самым создал естественную историю в современном смысле этого слова. Он осознал, что господствовавшее в то время в официальной науке представление о неизменности природы, ее законов и порядков явилось продуктом умственной лени и религиозного страха. Он больше склонялся к признанию эволюционных идей, ставших благодаря Дарвину ведущими в конце XIX в. Хотя Маркс и высоко оценивал работу Дарвина «Происхождение видов», она все же подверглась критике с его стороны; особенно Маркс критиковал Дарвина за мальтузианский взгляд на борьбу за существование. Примерно через год после опубликования работы Дарвина, в декабре 1860 г., Маркс пишет Энгельсу: «За время своего испытания — за последние четыре недели (тогда была тяжело больна жена Маркса. — Дж. Б.) —

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 377.

я читал всякую всячину. Между прочим книгу Дарвина об «Natural selection» *. Хотя изложено грубо, по-английски, но эта книга дает естественно-историческую основу нашим взглядам»¹.

В 1861 г. Маркс пишет Лассалю: «Очень большое значение имеет работа Дарвина, она годится мне как естественно-научная основа исторической борьбы классов. Приходится, конечно, мириться с грубо-английской манерой изложения. Но, несмотря на все ее недостатки, здесь впервые не только нанесен смертельный удар «телеологии» в естественных науках, но и эмпирически выяснен ее рациональный смысл»².

С тех пор не только мир живых существ, но и все, что окружает нас, стало рассматриваться с эволюционной точки зрения, дополняемой учением о скачках, о существовании которых не знал Дарвин. В свете последних открытий современные ученые стали считать явления природы *процессами*, а не вещами, заранее данными или созданными. Отсюда видно все величие Маркса, который более ста лет тому назад сумел подойти к явлениям природы как к процессам, развивающимся по законам диалектики. И тем не менее если бы он ограничился созданием одного исторического материализма, то уже это было бы гораздо ценнее любого достижения человеческого ума.

Философы должны изменить мир

Важнейшим вкладом Маркса в философию явилось то, что он сумел объединить мысль и действие. Этот вклад Маркса в философию стал возможен благодаря объединению гегелевской диалектики, поставленной на материалистическую основу, непосредственно с политической борьбой. Маркс с огромным мастерством и предельно исчерпывающе использовал гегелевский метод мышления. Действительно, многие из его ранних работ могут показаться современному читателю более недоступными, чем они казались его современникам, ибо они написаны геге-

* «Естественном отборе». — *Ред.*

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 551.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 377.

левским языком. Тем не менее, читая и перечитывая Маркса, находишь, что те разделы его ранних работ, которые иные готовы подчас отнести к разряду труднопонимаемых, зачастую несут в себе наиболее глубокий смысл. Такое отношение объясняется просто ленью тех ученых-естественников, которые, не прочитав ни одной строчки произведений Маркса, готовы его отвергнуть только потому, что философская терминология чужда им, ибо вне их собственных специфических областей знания они мыслят довольно наивно. Многие из цитат, использованных в данной работе, служат хорошим примером сжатости выражения мыслей у Маркса, которая достигнута благодаря использованию гегелевского диалектического метода. Тем не менее в своих основных работах — таких, как «Манифест Коммунистической партии» или «Капитал», — Маркс излагал свои мысли независимо от Гегеля, даже в тех случаях, когда использовал диалектику для того, чтобы прийти к собственным выводам.

Диалектика по существу является философией изменения и действия. Маркс использовал ее для того, чтобы показать специфику и внезапность изменений, происходящих в реальной, материальной действительности. С его точки зрения такие изменения происходят не случайно и не посредством вмешательства таинственных внешних сил, но необходимо, вследствие борьбы и противоречий между элементами, происшедшими, в свою очередь, в силу изменений, имевших место на предыдущей стадии развития. Всю свою жизнь Маркс занимался природой изменений. Это видно даже из его работы по изучению математики¹, где он стремится глубоко проникнуть в сущность дифференциального исчисления — ту часть математики, которая исследует изменение функции при переходе ее от одного значения к другому и познает свойства функции в момент изменения.

Основные законы диалектического материализма были разработаны Марксом до 1846 г. Они уже нашли свое

¹ Девятьсот страниц его математических рукописей в настоящее время опубликованы пока еще только в СССР. Анализ некоторых из них дан профессором Д. Дж. Струйком в статье «Маркс и математика» (см. «Science and Society», XII, № 1, Winter 1948, стр. 181—196).

выражение в его раннем очерке о Фейербахе (не опубликованном при жизни Маркса, но позднее помещенном в «Немецкой идеологии»), в котором содержится первая формулировка теории исторического материализма: «... мы должны начать с констатирования первой предпосылки всякого человеческого существования, а следовательно и всякой истории, — а именно той предпосылки, что люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю». Но для жизни прежде всего нужны пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Таким образом, первое историческое дело, это — производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни. Притом это такое историческое дело, такое основное условие всякой истории, которое (ныне так же, как и тысячи лет тому назад) должно выполняться ежедневно и ежедневно для того, чтобы человек остался в живых»¹.

Маркс увидел ошибку Фейербаха как философа в том, что последний ограничивает свои поиски знания одним лишь «созерцанием истины».

Именно тут Маркс впервые дал ясную формулировку принципа единства мысли и действия, теории и практики — единства, которое от идеалистической абстракции Гегеля привело его к конкретному и динамичному диалектическому материализму. Изложенные в сжатой форме в «Тезисах о Фейербахе», эти идеи стали достоянием миллионов. Они дают ответ не только на «Сущность христианства» Фейербаха, но также и на его более позднюю работу «Предварительные тезисы к реформе философии», опубликованную в 1843 г. Маркс писал «Тезисы о Фейербахе» только для себя, но затем они были изданы Энгельсом в слегка измененном виде в качестве приложения к работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», опубликованной в 1888 г. Эти тезисы достойны тщательного изучения. Первые два тезиса касаются вопроса о связи теории с практикой:

«Главный недостаток всего предшествовавшего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность, бе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 18.

рется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. Поэтому и случилось так, что *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, разумеется, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой. Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, действительно отличными от мысленных объектов, но самое человеческую деятельность он берет как *предметную* деятельность. Поэтому в «Сущности христианства» он рассматривает, как истинно человеческую, только теоретическую деятельность, тогда как практика берется и фиксируется только в грязно-иудейской¹ форме ее проявления. Он не понимает поэтому значения «революционной», «практически-критической» деятельности².

«Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности и недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос»³.

Здесь мы видим, как Маркс ухватывает сущность активного характера процесса мышления, которое с наибольшей силой выражается в области организованной мысли, под

¹ Этим выражением Маркс хочет подчеркнуть, что Фейербаху не удалось понять роли производственной деятельности в создании материальных условий жизни человеческого общества. Фейербах рассматривал вещи только созерцательно, беря их в готовом виде, а не в действии, не в процессе изменения и развития, как они есть. Это внешнее созерцание вещей Маркс сравнивает с поверхностным знанием, присущим человеку, который занимается их продажей, в отличие от глубокого понимания их сущности, которым обладает человек, создающий эти вещи. Презрительное отношение Маркса к такому поверхностному и чисто созерцательному знанию, в противовес активному познанию, выражается в этом не совсем литературном словосочетании. Маркс, безусловно, не презирал евреев, но он глубоко презирал торгашество, являющееся «святая святых» буржуазной цивилизации.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 383.

³ Там же.

которой мы понимаем науку — как естественную, так и общественную. Маркс утверждает, что наука всегда связана с преобразованием природы на благо человека и изучает природу лишь в той степени, в какой наука может изменить ее. Это положение, конечно, ни в коей мере не снижает умозрительной ценности науки, но ставит науку в зависимость от практики, от использования ее достижений. Как известно, и в прошлом и в настоящее время имеется много псевдонаук — от *натурфилософии* и френологии, существовавших во времена Маркса, до витализма и парапсихологии наших дней. Эти системы мышления ценны только тем, что они являются произведениями человека. Но они не выдерживают проверки практикой. Маркс отнес их к идеологической надстройке, которая, как и всякая надстройка, должна исчезнуть вместе с породившим их общественным строем.

Маркс показал, что все идеи, включая научные теории, явились продуктом общества на определенной стадии его развития, что нет никаких «абсолютных» или «вечных» истин, а есть только ряд относительных истин, каждая из которых представляет собой более высокую ступень познания мира по сравнению с предыдущей и, следовательно, более высокий уровень господства над природой.

В то же время Маркс вышел за пределы наивного социального детерминизма, считающего человека только продуктом обстоятельств, изменить которые он не в силах. Это ясно показано в третьем тезисе: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди — это продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитателя самого надо воспитать. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например у Роберта Оуэна).

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 384.

В этом тезисе, подчеркивающем процесс *воспитания воспитателя*, Маркс вплотную подошел к раскрытию существа понимания происхождения человечества, что позднее было блестяще развито Энгельсом в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

В четвертом тезисе Маркс доказывает, что выдающийся анализ Фейербаха, разоблачающий религию как мнимое отражение реально существующей социальной действительности, должен быть дополнен практической деятельностью, направленной на изменение этой реальной действительности. Пятый, шестой и седьмой тезисы следует привести полностью:

«Недовольный *абстрактным мышлением*, Фейербах апеллирует к *чувственному созерцанию*; но он рассматривает чувственность не как *практическую* человечески-чувственную деятельность».

«Религиозную сущность Фейербах сводит к *человеческой* сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений.

Фейербах, не занимаясь критикой этой действительной сущности, оказывается поэтому вынужденным:

1) абстрагироваться от хода истории, рассматривать религиозное чувство (*Gemüt*) обособленно и предположить абстрактного — *изолированного* — человеческого индивида;

2) поэтому у него человеческая сущность может быть понята только как «род», как внутренняя, немая общность, связующая множество индивидов только *природными узами*».

«Поэтому Фейербах не видит, что «религиозное чувство» само есть *общественный продукт* и что абстрактный индивид, подвергаемый им анализу, в действительности принадлежит к определенной общественной форме»¹.

Здесь мы видим, как из критики Фейербаха вырастает новый социологический принцип, считающий человечество

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 384—385.

не суммой индивидов, а «совокупностью общественных отношений». Эта идея уничтожает либерально-индивидуалистическую точку зрения, которая, как Маркс уже доказал, свойственна лишь ранней стадии развития капитализма — периоду «свободной конкуренции». В то же время он далек от отрицания значения человеческой личности, вопреки по сей день продолжающимся утверждениям некоторых ничтожных критиков марксизма. Утверждение, что человеческая личность не только является продуктом общества, но, в свою очередь, создает общество, делает ее еще более весомой по сравнению с абстрактным существом или экономической единицей, каким представляют себе человека христианская или либеральная традиционная мораль. С восьмого по одиннадцатый тезис Маркс доводит свои положения до логического вывода:

«Общественная жизнь является по существу *практической*. Все мистерии, которые увлекают теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики».

«Самое большее, чего может достигнуть *созерцательный* материализм, т. е. материализм, который не постигает чувственность как практическую деятельность, это — созерцание отдельных индивидов в «гражданском обществе».

«Точка зрения старого материализма есть «*гражданское*» общество; точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество, или обобществившееся человечество».

«Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹.

Два последних тезиса, которые содержат классическое понятие «обобществившееся человечество» и призыв к философам *изменить мир*, выражают суть учения Маркса — учения, которому он посвятил свою жизнь. Они уже воплощаются в жизнь в соответствии с его предвидением и стремлениями.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 385.

Роль и место естественных наук

В тот же период Маркс достиг того всеобъемлющего понимания значения и роли естествознания, которое характерно для всех его последующих работ. Это видно из неопубликованных «Экономико-философских рукописей» (1844 г.) Маркса, где он пишет: «Естественные науки развернули колоссальную деятельность и накопили непрерывно растущий материал. Но философия осталась для них столь же чуждой, как и они оставались чужды философии». Маркс отмечает там, что их «кратковременное объединение было лишь *фантастической иллюзией*. Налицо была воля к объединению, способность же отсутствовала. Даже историография считается с естествознанием лишь мимоходом, как с фактором просвещения, полезности отдельных великих открытий. Но зато тем более *практически* естествознание посредством промышленности ворвалось в человеческую жизнь, преобразовало ее и подготовило человеческую эмансипацию, хотя непосредственно оно вынуждено было довершить обезчелочесение человеческих отношений. *Промышленность* является *действительным* историческим отношением природы, а следовательно и естествознания, к человеку. Поэтому, если ее рассматривать как *экзотерическое* раскрытие человеческих *сущностных сил*, то понятна станет и *человеческая* сущность природы или *природная* сущность человека; в результате этого естествознание утратит свое абстрактно материальное, или, вернее, идеалистическое направление и станет основой *человеческой* науки, подобно тому как оно уже теперь — хотя и в отчужденной форме — стало основой *действительной* человеческой жизни, а принимать *одну* основу для жизни, другую для *науки* — это значит с самого начала допускать ложь. Становящаяся в человеческой истории — этом акте возникновения человеческого общества — природа является *действительной* природой человека; поэтому природа, какую она становится — хотя и в *отчужденной* форме — благодаря промышленности, есть истинная *антропологическая* природа.

Чувственность (смотри Фейербаха) должна быть основой всей науки. Лишь в том случае, если наука исходит

из чувственности в ее двояком виде *чувственного* сознания и *чувственной* потребности, иными словами, лишь в том случае, если наука исходит из природы, это есть *действительная* наука. Вся история является историей подготовки и развития того, как «человек» становится предметом *чувственного* сознания и как потребность «человека как человека» становится естественной, чувственной потребностью. Сама история является *действительной* частью *истории природы*, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включает в себя науку о человеке, а наука о человеке включает в себя естествознание: это будет *одна наука*¹.

Здесь в крайне сжатой форме изложены основные принципы марксистского мировоззрения, которые были развиты и разработаны в таких работах, как «*Анти-Дюринг*», «*Происхождение семьи, частной собственности и государства*» и «*Диалектика природы*» Энгельса, «*Материализм и эмпириокритицизм*» Ленина, «*Марксизм и вопросы языкознания*» Сталина и во многих других. Из приведенного выше положения явствует то значение, которое Маркс придавал естествознанию, исходя из отношения естественных наук к производству, к непосредственным действиям общественных производительных сил, ибо, как мы уже видели, он понял, что установление тех или иных производственных отношений — определенных видов собственности, рынков сбыта, конкурирующей, монополистической промышленности — неразрывно связано с состоянием производительных сил. Но производительные силы, в свою очередь, зависят от состояния науки, в то же время являясь главным фактором, определяющим ее успехи или неудачи (см. также стр. 55).

Неоднократно подчеркиваемая Марксом решающая роль производительных сил в жизни общества состоит в том, что переход к новому виду общественного устройства, особенно к социализму, возможен только при условии достаточного уровня развития производительных сил, то есть что только высший уровень развития производства,

¹ Marx — Engels, Gesamtausgabe, Erste Abteilung, Bd. III, S. 122—123.

достигаемый социализмом, делает возможным переход к коммунизму.

Гораздо позднее, в «Критике Готской программы» (1875 г.), Маркс резко выступает против тех, кто полагает, что в социалистическом государстве, только что возникшем из капиталистического, можно сразу же достичь идеального уравнивания прав, которые были восприняты от капитализма. «...эти недостатки, — пишет Маркс, — неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит, после долгих мук родов, из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества.

На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всеобщим развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!»¹

Эта цитата с исчерпывающей ясностью показывает, как хорошо понимал Маркс сложность перехода к коммунизму. Можно было бы показать и то, как гениальные строители социализма — Ленин и Сталин — сумели блестяще воплотить в жизнь предначертанную Марксом программу, осуществив ее вопреки тем зарубежным «социалистическим» клеветникам, которые, ничего не сделав для освобождения своих стран от гнета капитала, кричат об «отречении» руководителей Советского государства от настоящего марксизма.

Маркс считал, что современная наука необходима для мощного развития механизированной промышленности, что многие машины, и особенно двигатели вроде паровой

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 15.

машины, нуждаются в науке как для изобретения, так и для усовершенствования. Маркс был также уверен и в том, что наука не является спонтанным творением человеческого ума, появляющимся подобно Афине из головы Зевса. По мнению Маркса, наука вырастает под воздействием увеличивающихся нужд общества и производства, на службу которым она поставлена.

«...пресловутое «единство человека с природой», — писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», — всегда имело место в промышленности, видоизменяясь в каждую эпоху в зависимости от большего или меньшего развития промышленности, точно так же, как «борьба» человека с природой имела место до развития его производительных сил на соответствующем базисе. Промышленность и торговля, производство и обмен потребных для жизни средств, с своей стороны, обуславливают и, в свою очередь, обуславливаются в своих формах распределением, расчленением различных общественных классов. И вот в результате Фейербах видит, например, в Манчестере одни лишь фабрики и машины, между тем как сто лет тому назад там можно было видеть только самопрялки и ткацкие станки, или же находит в римской Кампании только пастбища и болота, между тем как во времена Августа он нашел бы там сплошные виноградники и виллы римских капиталистов. Фейербах все время говорит о созерцании естествознания, упоминает о тайнах, которые доступны только глазу физика и химика, но чем было бы естествознание без промышленности и торговли? Ведь даже это «чистое» естествознание получает свою цель, равно как и свой материал, лишь благодаря торговле и промышленности, благодаря чувственной деятельности людей. Эта деятельность, это непрерывное чувственное творчество, это производство до такой степени служит основой всего чувственного мира, как он теперь существует, что если бы оно прекратилось хотя бы лишь на один год, то Фейербах не только нашел бы колоссальные изменения в физическом мире, но очень скоро не нашел бы всего человеческого мира, собственной способности созерцания и даже своего собственного существования»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 34—35.

Эта взаимосвязь науки и техники позднее была хорошо выражена Энгельсом в письме к Г. Штаркенбургу: «Если, как Вы утверждаете, техника в значительной степени зависит от состояния науки, то в гораздо большей мере наука зависит от *состояния и потребностей* техники. Если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов. Вся гидростатика (Торичелли и т. д.) вызвана была к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII веках. Об электричестве мы узнали кое-что разумное только с тех пор, как была открыта его техническая применимость. В Германии, к сожалению, привыкли писать историю наук так, как будто бы они свалились с неба»¹.

Далее Маркс пришел к выводу о том, что сами научные теории в условиях любой общественной формации, вплоть до последнего времени, — истины далеко не абсолютные и не вечные. Они являются неотъемлемой частью идеологии правящего класса, обслуживающей его интересы.

«В каждую эпоху, — писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», — мысли господствующего класса суть господствующие мысли, т. е. тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, в силу этого располагает и средствами духовного производства, так что ему благодаря этому в то же время в общем подчинены мысли тех, у кого нет средств для духовного производства. Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, [иными словами:] выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения; следовательно, это — [идеальное выражение] тех отношений, которые и делают один этот класс господствующим, т. е. мысли его господства. Индивиды, составляющие господствующий класс, обладают, между прочим, также и сознанием и, в силу этого, мыслят; в той мере,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 469—470.

в какой они господствуют именно как класс и определяют данную историческую эпоху на всем ее протяжении, они, само собой разумеется, делают это во всех ее областях, значит господствуют также и как мыслящие, как производители мыслей, регулируют производство и распределение мыслей своего времени; а это значит, что их мысли суть господствующие мысли эпохи»¹.

Так, в эпоху средневековья идея незыблемости мирового порядка, известная нам по «Божественной комедии» Данте, — с ее вечно вращаемыми ангелами небесными сферами и кругами ада, — была отражением феодального строя, при котором папа, император, короли и дворяне жили за счет труда крестьян и рабов. Позднее, с изменением общественного строя, когда деньги стали мерой всех вещей, когда порох и мореплавание открыли эпоху торговли и эксплуатации, потребовались более динамичные теории физики и философии. Результаты этих общественных сдвигов нашли свое выражение прежде всего в астрономии и теориях тяготения Коперника, Галилея и Ньютона.

Революционный год и «Манифест Коммунистической партии»

Выше мы рассматривали работы молодого Маркса, написанные им до начала его основной деятельности — политической борьбы и разработки экономического учения, которым он посвятил всю свою жизнь. Из этих ранних работ можно получить известное представление о богатстве его идей и стройности его учения. Но тем не менее эти идеи не имели бы той неотразимой силы воздействия, которую они имеют сейчас, если бы Марксу не пришлось прервать свою теоретическую работу и принять непосредственное участие в бурных событиях 1848 г.

Успехи буржуазной революции и быстрое ее крушение, вызванное предательством буржуазии, показали, что из передового класса, призванного освободить общество от пережитков феодализма, буржуазия превратилась в реакционный класс, стремящийся подавить новый, появляющийся с ростом промышленности, рабочий класс. Именно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 36—37.

этому классу — пролетариату, чья историческая роль была ясно понята им первым, Маркс посвятил всего себя. В 1847—1848 гг., во время подъема революционного движения, он вместе с Энгельсом создал «Манифест Коммунистической партии». Этот бессмертный документ, написанный столь понятным языком, что он был ясен не только друзьям, но даже врагам, явился плодом всей предыдущей теоретической и практической деятельности Маркса и Энгельса. «Манифест» и до сих пор остается самым кратким и ясным изложением убеждений и программы марксизма.

В те дни Маркс и Энгельс вернулись на родину для того, чтобы принять непосредственное участие в революционной борьбе. Маркс стал редактором боевой, некоторое время свободно издававшейся «Новой Рейнской газеты», Энгельс — командиром отрядов республиканских добровольцев. Это продолжалось недолго, но участие Маркса и Энгельса в революционной борьбе явилось поворотным пунктом в их жизни. Поражение революции вынудило Маркса и Энгельса переселиться в Англию, где они начали трудную и, казалось, безнадежную борьбу против торжествующего и, как никогда раньше, буйно развивающегося капитализма.

Однако в целом их борьба с капитализмом в условиях изгнания была наиболее плодотворным периодом их жизни. Вынужденная бездеятельность, оторванность от родины предоставили им возможность тщательно анализировать капитализм и его экономическую структуру.

Наука и промышленность в «Капитале»

Маркс изучал экономику, находясь в самом центре экономической жизни того времени — в Англии, а именно в Лондоне и Манчестере. Овладев этой наукой, Маркс смог по-новому подойти и ко всем другим вопросам культуры. Всю свою жизнь он серьезно изучал связь науки с экономическими и общественными преобразованиями, постоянно обогащая свои наблюдения опытом английской науки и техники. Энгельс несколько больше Маркса занимался вопросами техники производственных процессов и общей теорией естествознания: «Маркс и я, — писал

Энгельс, — были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории. Но для диалектического и вместе с тем материалистического понимания природы необходимо знакомство с математикой и естествознанием. Маркс был основательным знатоком математики, но естественными науками мы могли заниматься только нерегулярно, урывками, спорадически. Поэтому, когда я, покинув коммерческую контору и переселившись в Лондон, приобрел необходимый для этого досуг, то, насколько это было возможно, подверг себя в области математики и естествознания процессу полного «линяяния», как выражается Либих, и в течение восьми лет затратил на это большую часть своего времени»¹.

Но Маркс и сам усердно работал над овладением необходимыми теоретическими и даже практическими знаниями. В одном из писем Маркса к Энгельсу мы находим: «Я пополняю сейчас главу о машинах. Там есть ряд любопытных вопросов, которые я обошел при первой обработке. Для того, чтобы уяснить себе все это, я перечитал целиком свои тетради (выписки) по технологии и слушаю практический (чисто экспериментальный) курс для рабочих профессора Уиллиса (на Jermynstreet в Геологическом институте, где читал свои лекции и Гексли). С механикой у меня та же история, что и с языками. Математические законы я понимаю, но простейшая техническая реальность, связанная с наглядным представлением, дается мне труднее, чем самому большому тупице»².

Маркс в то время нигде не служил. Находясь в тяжелом материальном положении, он как-то получил работу конторщика на железной дороге, да и то из-за плохого почерка продержался на ней всего несколько дней. Только дружеская помощь Энгельса позволила Марксу заниматься своим делом — анализировать процессы производства и установить связь этих процессов с вытекающими из них экономическими последствиями. Очень хорошо это видно в его великом труде «Капитал», особенно в

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1951, стр. 10.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 136.

XIII главе первого тома — «Машины и крупная промышленность» — и в V главе третьего тома — «Экономия в применении постоянного капитала».

Даже в настоящее время чтение первой из вышеупомянутых глав поражает ясностью и проницательностью анализа, при помощи которого Маркс раскрыл сущность машинного производства, намного опередив своих современников. Прочтите книгу весьма умного и принципиального английского ученого Чарльза Бэббеджа¹, и вы увидите, что Маркс благодаря сложившимся у него к тому времени философским и экономическим взглядам был неизмеримо выше своих современников. Там, где Бэббедж видел лишь отдельные примеры использования машин, Маркс открыл единый процесс непрерывного роста и преобразования производства. Сначала это ремесленное производство, где рабочие работают при помощи своих орудий труда, затем мануфактура, объединяющая ряд ремесленников и создающая новое разделение труда, которое ведет к снижению стоимости продукции. Наконец, производство достигает вершин современной промышленности, где машины вступают в свои права.

Прежде всего Маркс анализирует производящую промышленность в целом: «Всякая развитая совокупность машин [entwickelte Maschinerie] состоит из трех существенно различных частей: машины-двигателя, передаточного механизма, наконец машины-орудия, или рабочей машины. Машина-двигатель действует как движущая сила всего механизма. Она или сама порождает свою двигательную силу, как паровая машина, calorическая машина, электромагнитная машина и т. д., или же получает импульс извне, от какой-либо готовой силы природы, как водяное колесо от падающей воды, крыло ветряной мельницы от ветра и т. д. Передаточный механизм, состоящий из маховых колес, подвижных валов, зубчатых колес, эксцентриков, стержней, передаточных лент, ремней, промежуточных приспособлений и принадлежностей самого различного рода, регулирует движение, изменяет, если это необходимо, его форму, напр. превращает из перпендику-

¹ См. C. Babbage, On the Economy of Machinery and Manufactures, London, 1832.

лярного в круговое, распределяет его и переносит на рабочие машины. Обе эти части механизма существуют только затем, чтобы привести в движение рабочую машину, благодаря чему последняя захватывает предмет труда и целесообразно изменяет его. Промышленная революция в XVIII веке исходит как раз от этой части машин — от рабочей машины. И теперь каждый раз, когда ремесленное или мануфактурное производство превращается в машинное, исходным пунктом служит рабочая машина»¹.

Это приводит Маркса к выводу об основном свойстве машины, которое заключается в том, что она — орудие, приводимое в действие механическим приспособлением, а не человеческой силой. «Итак, — пишет Маркс, — рабочая машина — это такой механизм, который, получив соответственное движение, совершает своими орудиями те самые операции, которые раньше рабочий совершал подобными же орудиями...

Машина, от которой исходит промышленная революция, заменяет рабочего, действующего одновременно только одним орудием, таким механизмом, который разом оперирует массой одинаковых или однородных орудий и приводится в действие одной двигательной силой, какова бы ни была форма последней. Здесь мы имеем перед собой машину, но пока еще только как простой элемент машинного производства.

Увеличение размеров рабочей машины и количества ее одновременно действующих орудий требует более крупного двигательного механизма, а этот механизм нуждается в более мощной двигательной силе, чем человеческая, чтобы преодолеть его собственное сопротивление, — мы не говорим уже о том, что человек представляет собою крайне несовершенное средство для производства однообразного и непрерывного движения. Раз мы предположили, что человек действует уже только как простая двигательная сила и что, следовательно, место его орудия заняла рабочая машина, то силы природы могут заменить его и как двигательную силу»².

¹ К Маркс, Капитал, т. I, стр. 378—379.

² Там же, стр. 379—380 и 381—382.

Он увидел, что первая фаза машинной индустрии возникает не в результате какого-либо изобретения, а путем усложнения простейших ручных операций, связанных с работой таких механизмов, как прядильные машины или мюльмашина Комптона. Более поздние стадии развития промышленности подверглись еще более глубокому анализу. Маркс показал, что всякое изменение в производстве идет, во-первых, по линии постепенной автоматизации всего производственного процесса, при котором простые машины заменяются более сложными, и, во-вторых, по линии замены человеческого труда механизмами, ибо применение ручного труда ограничивает рост производства, особенно на предприятиях тяжелой индустрии.

«Итак, — пишет Маркс, — крупная промышленность должна была овладеть характерным для нее средством производства, самою машиной, должна была производить машины машинами. Только тогда она создала адекватный ей технический базис и стала на свои собственные ноги. В той мере, как в первые десятилетия XIX века росло машинное производство, машина и на самом деле постепенно овладевала фабрикацией рабочих машин. Однако лишь в последнее десятилетие колоссальное железнодорожное строительство и океанское пароходство вызвали к жизни те циклопические машины, которые применяются при постройке первичных двигателей»¹.

Он предвидел, что это развитие, связывающее науку с промышленностью, приведет в будущем к весьма важным последствиям в развитии общества. «Выступая в виде машины, — пишет Маркс в «Капитале», — средство труда приобретает такую материальную форму существования, которая обуславливает замену человеческой силы силами природы и эмпирических рутинных приемов — сознательным применением естествознания. В мануфактуре расчленение общественного процесса труда чисто субъективно, — представляет собою просто комбинацию частичных рабочих; в системе машин крупная промышленность обладает вполне объективным производственным организмом, который рабочий застает как уже готовое материальное условие производства. В простой кооперации и даже в коопе-

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 390.

рации, специализированной вследствие разделения труда, вытеснение обособленного рабочего обобществленным рабочим все еще представляется более или менее случайным. Машины же, за некоторыми исключениями, о которых будет упомянуто позже, функционируют только в руках непосредственно обобществленного или совместного труда. Следовательно, кооперативный характер процесса труда становится здесь технической необходимостью, диктуемой природою самого средства труда»¹.

Маркс смог понять значение машины потому, что он рассматривал развитие техники в тесной связи с ее применением в производстве. Он показал, что жалобы Джона Стюарта Милля на то, что машины не «облегчили труд человека», необоснованы, ибо изобретательство при капитализме никогда не преследовало и не преследует таких целей и служит лишь одному — получению прибылей. Технические усовершенствования прежде всего позволяют увеличить стоимость товаров, производимых одним и тем же количеством рабочей силы. Кроме того, технические усовершенствования позволяют в одно и то же время обрабатывать больше сырья, что увеличивает норму прибыли². Далее он показывает (и это кажется парадоксом), что чем больше машины заменяют рабочие руки, тем больше людей может быть занято в производстве с выгодой для него. Тем самым Маркс предвосхитил развитие современной промышленности, идущее по пути массового производства товаров.

Так же хорошо Маркс понимал роль науки в развитии современной промышленности. Он видел, что невозможно усовершенствовать современную индустрию, основываясь только на производственном опыте, ибо это не удовлетворит ее возросшим потребностям увеличения скорости оборота и экономии средств производства «...непосредственно общественного, обобществленного труда или непосредственной кооперации в процессе производства. С одной стороны, — продолжает Маркс, — только при этом условии механические и химические изобретения могут быть применены без повышения цены товара, а по-

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 392.

² См. К. Маркс, Капитал, т. III, гл. V.

следнее обстоятельство есть всегда *conditio sine qua* поп [непременное условие]. С другой стороны, только при производстве, организованном в крупном масштабе, становятся возможными сбережения, вытекающие из совместного производительного потребления. Наконец, только опыт комбинированного работника открывает и показывает, где и как надо экономить, как проще всего воспользоваться уже сделанными открытиями, какие практические затруднения приходится преодолевать, применяя теорию к производственному процессу, и т. д.

Заметим мимоходом, что следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов.

Вышесказанное получает новое подтверждение в следующих неоднократно наблюдавшихся обстоятельствах:

1) В большой разнице между издержками первоначальной постройки новой машины и издержками ее воспроизводства, о чем смотри у Юра и Бэббеджа.

2) В том, что издержки, которых требует ведение предприятия, применяющего новые изобретения, всегда значительно больше, чем издержки последующих предприятий, возникших на его развалинах, *ex suis ossibus* [на его костях]. Это до такой степени верно, что обыкновенно предприниматели-новаторы банкротятся, и лишь их последователи, в руки которых строения, машины и т. п. попадают по более дешевым ценам, процветают. Именно поэтому наибольшую выгоду из всякого прогресса всеобщего труда человеческого ума и из общественного применения этого прогресса комбинированным трудом в большинстве случаев извлекают самые ничтожные и жалкие представители денежного капитала»¹.

Маркс представлял этот всеобщий труд, науку, как составную часть производительных сил, отличающихся от

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 109—110.

старого, кооперативного труда, в известной мере противостоящих ему в условиях капитализма. Это ясно сформулировано Марксом в первом томе «Капитала»: «Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и поработашающая их сила. Этот процесс отделения начинается в простой кооперации, где капиталист по отношению к отдельному рабочему представляет собою единство и волю общественно-трудового тела. Он развивается далее в мануфактуре, которая уродует рабочего, превращая его в частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства, от труда и заставляет ее служить капиталу»¹.

Рабочий класс — наследник науки

Но если капитализм в свое время создал науку как силу, направленную на развитие производства, то сам характер нового способа производства делает капитализм излишним. Даже тогда, когда Маркс работал над «Капиталом», то есть во времена расцвета капитализма, ему удалось разглядеть признаки загнивания капитализма, начала процесса монополизации, неизмеримо выросшей с тех пор. Но Маркс отлично понимал, что капитализм, каким бы гибельным и ненужным он ни был, сам не уйдет с исторической арены, не перестроится в лучшую систему, как этого хотели бы некоторые благонамеренные и трусливые либералы или «социалисты». Маркс знал, что наука сможет быть полезной лишь тогда, когда пролетариат — класс, порожденный самою промышленностью, — будет контролировать систему производства, обслуживаемую им при помощи совместного труда. Это положение нашло ясное отражение в речи Маркса, произнесенной им на юбилейном торжестве «Народной газеты» («The People's Paper») в 1856 г.:

«Налицо великий, характерный для XIX столетия факт, которого не посмеет отрицать ни одна партия. С одной

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 369.

стороны, пробуждены к жизни такие промышленные и научные силы, о каких даже подозревать не могла ни одна из предшествовавших эпох истории. С другой же стороны, обнаруживаются признаки упадка, далеко превосходящие все занесенные в летописи ужасы последних времен Римской империи.

В наше время каждая вещь как бы чревата своей противоположностью. Мы видим, что машина, обладающая чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приводит к голоду и истощению. Новоизобретенные источники богатства благодаря каким-то роковым чарам становятся источниками лишений. Победы искусства куплены, повидимому, ценой потери морального качества. В той же самой мере, в какой человечество становится властелином природы, человек попадает в рабство к другому человеку или становится рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, повидимому, сиять иначе, как только на темном фоне невежества. Результат всех наших открытий и всего нашего прогресса, очевидно, тот, что материальные силы наделяются духовной жизнью, а человеческая жизнь отупляется до степени материальной силы. Этот антагонизм между современной промышленностью и наукой, с одной стороны, и нищетой и распадом — с другой, этот антагонизм между производительными силами и общественными отношениями нашей эпохи есть осязаемый, подавляющий и неоспоримый факт. Пусть одни партии оплакивают это, а другие желают отделаться от современных успехов техники, лишь бы избавиться вместе с тем от современных конфликтов; или пусть они воображают, что столь осязательный прогресс в промышленности непременно должен дополняться таким же столь же несомненным регрессом в политике. Мы, со своей стороны, безошибочно узнаем в этом печать того лукавого духа, который постоянно проявляется во всех этих противоречиях. Мы знаем, что для того, чтобы направить новые силы общества, необходимо, чтобы ими овладели новые люди, — и люди эти — рабочие.

Они такое же открытие современности, как и сами машины. В тех явлениях, которые приводят в смятение буржуазию, дворянство и злополучных пророков регресса, мы узнаем дело нашего доброго друга, нашего Робина Гуд-

феллоу *, старого крота, который так быстро умеет рыться под землей, — достойного пионера — революцию. Английские рабочие — первенцы современной промышленности. И они, конечно, будут не последними из тех, кто будет помогать социальной революции, произведенной этой промышленностью, — революции, которая означает освобождение их собственного класса во всем мире, и которая столь же международна, как господство капитала и наемное рабство»¹. В этой речи Маркс указывает как на значение науки, так и на то, что она может быть эффективно использована только при помощи рабочего класса. Основа современной промышленности — общественное производство стоимостей, — по его мнению, не может успешно развиваться без использования этих произведенных стоимостей в интересах всего общества. Использование произведенных стоимостей в интересах всего общества могут обеспечить только те, кто страдает от современной капиталистической системы, те, которые сами являются главной движущей силой этой системы, — пролетариат.

Здесь же Маркс показывает, что будущей системой производства мы сможем управлять значительно более сознательно, нежели любой стадией развития капиталистической экономики. Только при таком управлении экономикой можно будет достигнуть того, что невозможно при постоянной погоне за прибылями, заставляющей совершенствовать технику, при анархии производства, порождаемой наличием рынка. Поэтому общественное управление производством само по себе является условием свободы. Наконец, Маркс призывал рабочий класс к слому буржуазной государственной машины и взятию власти в свои руки. Только при этом условии «единая наука»², впитывая в себя учение о природе и человечестве, найдет полное применение в теории и на практике. В этом вопросе, так же как в вопросах философии и политики, Маркс всегда сочетал рассмотрение настоящего с будущим. Он и предсказывал и показывал, каким образом реализуются его предсказания.

* Из пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь» — веселое шаловливое фантастическое существо, игравшее по тогдашнему поверию роль доброго друга в домашних делах человека. — *Ред.*

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. I, стр. 5—6.

² См. стр. 76.

Наследие Маркса

Годы, прошедшие со времени смерти Маркса, позволяют нам по достоинству оценить значение его понимания отношений между наукой, производством и политикой. Почему же так мало представителей интеллигенции, испытавших все ужасы и все величие наших дней, которые хотя бы начали переходить к марксизму? Основная масса современной Марксу интеллигенции не оценила его учения. Большинство «высокообразованных» ученых были — нравилось это им или нет — всего лишь «винтиками» капиталистического производственного механизма. Экономисты и философы получали плату за то, что они идеологически оправдывали капитализм. Все они не могли понять марксизм, потому что не могли разглядеть, а тем более усвоить его. Идеи марксизма распространились именно в среде рабочего класса — единственного класса, способного усвоить основные положения этой философии и, главное, заинтересованного в том, чтобы эти идеи претворялись в жизнь.

Маркс первый открыл закономерности развития человеческого общества. С этого же времени он стал подлинным вождем рабочего класса. Именно эта его деятельность, вызывая рост классового самосознания пролетариата, показывала, как надо решать поставленную перед философами задачу «изменить мир».

«Карл Маркс, — писал Лафарг, — это один из редких людей, которые могли стоять на передовых позициях одновременно и в науке и в общественной деятельности; и то и другое так нераздельно слилось в нем воедино, что его невозможно понять, не видя в нем и ученого и социалистического борца. Хотя он и держался взгляда, что каждой наукой надо заниматься ради нее самой и что ни при каком научном исследовании не следует смущаться теми выводами, к которым оно может привести, все же он считал, что ученый, если сам он не хочет снизить свой уровень, никогда не должен прерывать своего активного участия в общественной жизни и не должен сидеть вечно взаперти в своем кабинете или в своей лаборатории, вроде крысы, забравшейся в сыр, не вмешиваясь в жизнь, в общественную и политическую борьбу своих современников. «Наука совсем не эгоистическое удовольствие: те

счастливы, что могут отдаться научным задачам, сами первые должны отдавать свои знания на службу человечеству». «Работать для мира» было одним из его любимых выражений¹.

Маркс не делал секрета из своего учения; оно было открыто для всех, даже для капиталистов. И тем не менее предсказания Маркса игнорировались даже тогда, когда они сбывались одно за другим. Правящий класс не мог понять марксизма, так как он не осмеливался взглянуть на ту логику развития, которая раскрывалась этим учением. Но тем не менее развитие капитализма шло по пути, предначертанному Марксом, — к полной его ликвидации.

За столетие, истекшее с того времени, как Маркс впервые проанализировал капитализм, главным образом благодаря использованию науки, производство колоссально развилось. Однако этот огромный рост производительных сил ни в какой степени не ослабил трудностей и противоречий капитализма. Наоборот, на своем горьком опыте мы убеждаемся в огромном росте этих противоречий. Мы были свидетелями того, как в 1850—1950 гг. кризисы становились все более глубокими и продолжительными, как они порождали войны и реакцию, худшую, чем это мог себе представить экономист или историк середины XIX в. Но мы были свидетелями и практической реализации наиболее положительных предсказаний Маркса, воплотившихся в первом социалистическом государстве, Советском Союзе, который рос и процветал, несмотря на враждебное отношение и прямую агрессию. А теперь вокруг него, на западе и востоке, расцветают государства, вдохновляемые той же философией созидания.

Наука при империализме — это крушение надежд и милитаризм

Наука за столетие сделала гигантский шаг вперед. В 1950 г. наше познание мира и умение управлять силами органической и неорганической природы неизмеримо выросли по сравнению с 1850 г. Но было бы нелепо

¹ Поль Лафарг, Воспоминания о Марксе, Госполитиздат, 1938, стр. 3—4.

утверждать, что благодаря всему этому каждый человек теперь не так сильно желает свободы и улучшения условий своей жизни. Налицо еще бóльшая разница между тем, что делается для блага человечества, и тем, что могло бы быть сделано при помощи науки. Как ученому, так и простому человеку наука теперь представляется не многообещающей и полезной силой, а чем-то таким, что волея-неволей используется в бессмысленных или разрушительных целях. Становится все труднее и труднее представить себе науку вне общественной жизни. Косвенный контроль над наукой посредством частных и правительственных подачек, хорошо прикрываемый доктриной «чистой науки», больше не дает желаемых результатов. Теперь ученые в капиталистических странах находятся под непосредственным контролем правительств и монополий, причем осуществление этого контроля зачастую принимает весьма неприятные формы. Со времени войны этот процесс пошел так быстро, что большинство ученых было совершенно сбито с толку.

С ростом науки на ее содержание требуется столько средств, что это ставит ее почти в полную зависимость от ассигнований правительств или монополий. В наши дни эти ассигнования в прямой или косвенной форме предназначаются для военных целей. Более 80 процентов сумм, расходуемых на науку правительствами Англии и Соединенных Штатов, идет на подготовку войны. Процент этот растет так быстро, что исследовательская работа, направленная на улучшение жизни народа в отсталых и даже в передовых промышленных странах, замораживается или просто свертывается.

Как должна раздражать любого ученого секретность, которая является неизбежным спутником науки, применяемой для военных целей. Прежние понятия о науке как о свободном исследовании и о праве свободной публикации постепенно уничтожаются¹, на их место приходят

¹ Вот что говорится об этом в докладе сэра Арчибалда Роландсона, постоянного секретаря министерства снабжения, представленном Комитету по государственному бюджету: «...Одной из трудностей, с которой мы столкнемся, если попытаемся использовать университеты в наших целях, является часто встречающееся требование университетских профессоров и ученых о предоставлении им права

полицейский надзор, угроза увольнения или тюремного заключения, которые едва ли делают современных ученых свободнее греческих ученых-рабов времен Римской империи.

Этот контроль, выступающий под флагом «безопасности», не останавливается на проверке научно-исследовательской работы. Он пронизывает и политические взгляды, и даже научную мысль ученого¹. В Соединенных Штатах и во всех подвластных им странах человеку, не имеющему

публикации результатов их научных открытий. Большая же часть работы, которую мы им собираемся поручить, настолько секретна, что мы не можем допустить ее опубликования. Это обстоятельство в известной мере мешает нам. Этот вопрос мы обсуждаем сейчас с сэром Джоном Леннард-Джонсом, представителем нашего научно-консультативного совета. Я спрашиваю его, может ли он воздействовать на университеты так, чтобы они занялись немного более «целеустремленными» исследованиями. Он выражает надежду, что ему удастся кое-что сделать в этом направлении. Вполне естественно, университеты могли бы делать для нас больше, но они не склонны принять ограничения, которые мы будем вынуждены наложить в отношении некоторых особых проектов».

Другое, более решительное напоминание было сделано виконтом Порталом в его речи на юбилейном обеде Королевского общества в ноябре 1951 г.

«...Если в человеке есть хоть искра идеализма, он относится с уважением и восхищением к высокому идеалу свободы науки. Но я говорю с неменьшей искренностью: если в человеке есть хоть искра политического здравого смысла, то он должен видеть, что в настоящее время нельзя дать полной воли в проявлении этого идеала...

Имеется много ученых и технологов, работающих в промышленности, которые познакомились с принципом секретности. Им не кажется, что верность идеалам науки нельзя совместить с верностью фирме, на которую они работают. Еще меньше приходится говорить о несовместимости, когда идет разговор о верности своей собственной стране.

Однако следует признать, что есть ученые, по этическим соображениям протестующие против необходимости ограничений. Пропагандируя свои довольно односторонние взгляды, они могут привести к ослаблению национальной верности, особенно в среде молодежи, на которую мы делаем ставку».

¹ Доктор Дюбуа, один из самых замечательных американских социологов, был подвергнут судебному преследованию. Восьмидесятидвухлетнему ученому было предъявлено обвинение в том, что он — незарегистрированный иностранный агент. Все «преступление» Дюбуа состояло в том, что он активно боролся за мир. Он был оправдан только благодаря международному протесту, вызванному этим обвинением. Профессор Струйк из Массачусетского технологического института обвинялся в «заговоре, направленном к свер-

соответствующих убеждений, становится все труднее вести какую-либо научную работу. Право на научную и преподавательскую работу все чаще приобретает цену клятвы в верности и политических испытаний. Деньги для ведения научной работы выдаются лишь при условии полного невмешательства ученого в дела реализации плодов его труда, полного доверия к действиям своего правительства.

То же самое может последовать и у нас, если только английские ученые и народ не дадут решительного отпора подобной милитаризации науки.

Конечно, не так-то уж трудно поставить деятельность некоторых ученых на службу государству и монополиям, но это обходится все дороже¹. Подчинение ученых монополиям и государству дополняется уже существующей в капиталистическом обществе с самого его возникновения нетерпимостью ко всяким наукам, подвергающим критике основы капитализма и структуру капиталистического общества, что так или иначе приводит к внедрению и закреплению невежества.

Никогда, даже в пору наибольшего разгула реакции, вызванного французской революцией, мистицизм и религиозные предрассудки не довели над научным мышлением так, как это имеет место в наши дни. «Респектабельным» ученым такой вид мышления вменяется сейчас в обязанность и открывает перед ними дорогу к самым высоким должностям.

В то время когда сам научный прогресс все более и более явственно свидетельствует о единстве всех наук, о тесной связи науки с экономическими и историческими процессами, глупо говорить о том, что наука якобы совершенно свободна и независима от этих процессов.

жению силой и насилием правительства США», лишь потому, что он преподавал марксизм. Доктор Шпицер был уволен с работы за то, что выступил в научном журнале с предложением изучить теории Лысенко, прежде чем на них нападать. В непосредственной близости к британским островам произошла история с Жолио-Кюри, который лишился своего поста комиссара по производству атомной энергии во Франции потому, что он отказался принимать участие в использовании энергии атомного ядра для разрушительных целей.

¹ См. работу W. Gellhorn, *Security, Loyalty and Science*, Cornell University Press, 1950, из которой очевидна неэффективность контроля над наукой.

Но именно в то время, когда вся наука, от физики до биологии, насквозь пропитана по существу марксистскими идеями исторических и диалектических превращений, вера в такое развитие считается опасной ересью.

Мерилом успеха в науке служит проявление полного и слепого невежества, великолепный пример которого дан в книге д-ра Ванневара Буша, заведовавшего в период войны научными исследованиями в Соединенных Штатах: «Происходит ужасная ошибка. Наука была истолкована неверно. Считается, что наука не исключает наличия веры, что одна лишь вера может противостоять угрозе, нависшей над нами.

Наука не проповедует грубого материализма. Она не учит ничему вне своих границ, и эти границы строго установлены самой наукой. Наука строит огромные телескопы, чтобы раздвинуть пределы человеческого зрения... Но она не пытается проникнуть в тайну возникновения космоса и не берется судить об этом. Наука хранит еще большее молчание по поводу великой цели, которая преследовалась созданием космоса и стоит выше понимания слабым умом человека. Все эти вещи на вечные времена остаются за пределами научного кругозора. Наука строит микроскопы, чтобы копаться во внутренних тайниках строения вещества. Она раздумывает над причиной и следствием, ищет элементы вероятности и случайности даже во взаимоотношениях физических вещей. Но когда дело доходит до причины существования этих вещей, до вопроса о том, какова их первооснова, — как они появляются, — наука останавливается. Она этого не знает.

Наука наблюдает за жизнью.

Она прослеживает эволюцию от первичной клетки до системы органической жизни, нашедшей свое завершение в человеке. Она учит человека успешно бороться с окружающей средой. Но наука не берется рассуждать о том, были ли материалы и процессы, из которых создан человек, случайными или специально подготовленными. Этого она не знает.

Наука проникает в человеческое сознание... но она не устанавливает его границ и не объясняет, почему на земле есть существо, способное рассуждать о своем существовании. Она не берется утверждать наличия свободной воли,

совершающей ряд поступков, помимо чисто механических действий. Она не связана с верой. Эти вещи лежат вне ее кругозора»¹.

Смешно, что обскурантизм и реакционность выступают под видом «свободной науки» и «западной цивилизации». Даже историю можно исказить до такой степени, что католическая церковь станет выступать в образе заступницы и покровительницы научного прогресса как часть христианской цивилизации. И это несмотря на то, что церковь на протяжении почти всей своей истории делала все от нее зависящее, чтобы помешать существованию науки вне установленной ею догматической схемы.

Вслед за реакционными теориями идет глубокий пессимизм, неверие в возможность использования науки на благо человечества. Налицо возврат к мальтузианским идеям о перенаселенности земли и ограниченности мировых ресурсов. Под этими рассуждениями таится плохо скрываемый страх буржуазии перед тем, что народные массы — «низы», негры, народы Востока — столкнут капиталистов с привилегированных мест. Эта боязнь незаметно переходит в фашистскую расовую теорию и может привести вновь, если дать волю, к войне и массовому уничтожению. Научные идеи, несущие разрушение, превозносятся; к творческим идеям относятся с пренебрежением².

В социалистическом обществе наука — народное достояние

Однако благодаря учению Маркса есть и другое, отличное от капиталистического, применение науки — сначала существовавшее в теории, а теперь реализованное на практике.

«Площадь земли ограничена, — писал в 1844 г. Энгельс, борясь против «теории» снижения плодородия

¹ «Modern Arms and Free Men», London, 1950.

² Это находит практическое выражение в сопоставлении двух цифр. Первая цифра — это примерно 1 млрд. долларов, предусмотренный правительственным бюджетом США для помощи остальным странам, в которых проживает 1 млрд. человек (по пресловутому «четвертому пункту» программы президента Трумэна). Вторая цифра — это более 50 млрд. долларов, выделенных бюджетом на подготовку к войне (1952/53 г.).

земли, — прекрасно. Рабочая сила, затрачиваемая на эту площадь, растет с населением; допустим даже, что увеличение производительности с увеличением затраты труда не всегда повышается в той же степени, что и труд; тогда останется еще третий элемент, не имеющий, конечно, для экономистов никакого значения, — наука, прогресс, который также бесконечен и, по меньшей мере, происходит так же быстро, как и рост населения. Какими успехами обязано земледелие нашего века одной только химии, собственно двум лишь людям — сэру Гэмфри Дэви и Юстусу Либиху? Но наука растет, по меньшей мере, с быстротой роста населения; население растет пропорционально численности последнего поколения, наука же движется вперед пропорционально массе знания, унаследованной ею от всех предшествующих поколений, следовательно при самых обыкновенных условиях она также растет в геометрической прогрессии. А что невозможно для науки?

Смешно говорить о перенаселении, покуда «долина Миссисипи имеет достаточно свободной земли, чтобы поместить у себя все население Европы»; покуда вообще одна лишь треть земли может считаться под обработкой, а производительность этой трети может быть повышена в шесть раз и больше от одного только применения уже ныне известных мелиораций»¹.

Сегодня это не просто оптимистический взгляд на мир, но свершившийся факт. Произошло рождение нового мира. В социалистических странах живет 800 млн. человек. Идеи Маркса и Энгельса были теоретически и практически развиты Лениным и Сталиным. Вооруженные диалектическим материализмом и опытом революционной борьбы, они пробили первую брешь в системе мирового капитализма. Они достигли успеха потому, что применили открытые Марксом законы общественного развития, и прежде всего благодаря тому, что они поняли роль пролетариата как ведущей силы революции.

В наши дни, после второй мировой катастрофы, вызванной безумной алчностью гнивающего капитализма, социалистический лагерь значительно вырос. В европейских странах народной демократии кончилось вековое господ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. II, стр. 316.

ство помещиков и народные таланты имеют все возможности для своего развития. Не менее разительны и перемены, происшедшие в Китае. Под руководством Мао Цзэ-дуна великий китайский народ от двойного гнета, который несли ему иностранный капитал и местный феодализм, переходит на высшую ступень организации человеческого общества — к социализму. Во всех этих странах с учетом местных, национальных условий претворяются в жизнь идеи Маркса о связи науки с развитием производительных сил. Планы этих стран предусматривают, во-первых, удовлетворение с помощью науки потребностей человека в пище, жилье, орудиях производства и транспорте; во-вторых, ликвидацию отрыва науки от общества и от народа. Наука в этих странах больше не является делом избранных, а становится достоянием всего народа.

В этом коренное отличие положения науки в странах социализма от тех условий, в которых она существует при капитализме. В капиталистических странах наука ограничивается рассмотрением отвлеченных вопросов и поэтому изучает природу абстрактно, вне связи с практикой. Наука там применяется лишь в целях наживы или для создания смертоносного оружия. Это применение науки противоречит науке вообще и несовместимо с планированием ее усилий в целях улучшения жизни человека. Такое планирование в капиталистической стране — дело совершенно бессмысленное, ибо абсурдно думать о планировании науки, когда производство зависит от частной собственности и монополий, которые стремятся поставить науку на службу своим корыстным интересам и тем самым ограничить ее развитие рамками военных изобретений. В социалистических государствах этого ограничения нет и наука, естественно, занимается своим делом, то есть при ее помощи непрерывно растет производительность труда и общество развивается по пути прогресса.

Социалистическое планирование науки зачастую искажено изображается как попытка планирования мыслей и изобретений. Этого никогда не делалось. Если бы в Советском Союзе действительно существовал такой подход к науке, то он не мог бы достичь таких гигантских успехов в военное и мирное время, несмотря на прежнюю бедность и неоднократные иностранные интервенции.

На самом деле в Советском Союзе и странах народной демократии наука применяется для решения задач, поставленных генеральным экономическим планом. Например, над великим планом преобразования юго-востока Советского Союза — планом, который должен изменить лицо земли и обеспечить зажиточную жизнь стамилионного населения, — работают несколько тысяч ученых всевозможных специальностей — от математиков до археологов. Для успешного хода гигантской стройки они изучают как в местных, так и в лабораторных условиях все проблемы, которые должны встать перед практиками при реализации планов.

Знание нужд своей страны и наличие опыта совместной созидательной работы помогает ученым и научным коллективам найти наиболее плодотворные пути исследовательских работ и направить по этим путям всю работу.

Такая постановка работы дает возможность шире и глубже использовать науку. Только преодоление препятствий, вставших перед наукой еще в XVII в. и до сих пор существующих в преобразованном виде в официальной науке, делает возможным более глубокое понимание ее целей и задач. В противном случае ученый не может осмыслить философские и общественные основы своей работы. Ценность марксистской теории науки заключается в том, что она дает нам возможность выйти за пределы существующих научных теорий и увидеть то, что сформировало их. Только при этом условии возможен пересмотр данных теорий как для развития науки и производительных сил, так и для глубокого теоретического понимания, даваемого нам марксизмом.

Но этот процесс не прост и не легок. Он требует преодоления больших трудностей и противоречий, ибо мировоззрение, присущее всякой науке, питается из буржуазных источников.

Действительно, серьезное изучение истории науки показывает, что с момента зарождения цивилизации, когда наука отделилась от ремесла, она принимает характер и образ мыслей правящего класса. Такой характер мышления еще позволяет науке осуществлять контроль над окружающей средой, но он прежде всего требует от крупных ученых отрешенности от живых вопросов действительно-

сти, созерцательности и самим своим существованием старается утвердить вечность классового общества.

Не только дискуссия по вопросам генетики, но и споры, ведущиеся сейчас во многих других областях науки, показывают те усилия, которые прилагаются в Советском Союзе для того, чтобы порвать с прошлым и поднять науку на такой социальный и интеллектуальный уровень, на каком она никогда не была раньше. Маркс еще в 1844 г. видел необходимость этого (см. стр. 78. — *Дж. Б.*). Предсказатели, надеющиеся на распад советской науки под влиянием марксизма, испытают такое же жестокое разочарование, какое постигло Бертрана Рассела, заявившего, что атомная бомба, построенная на марксистских принципах, никогда не взорвется. Это заявление было сделано ровно за неделю до выступления Трумэна с сообщением о взрыве «одной бомбы».

Вторым свойством науки в Советском Союзе и в странах народной демократии является ее коллективность и массовость. «Капитал» Маркса содержит блестящий раздел «Борьба между рабочим и машиной» (том I, гл. XIII), в котором говорится о раннем периоде развития капитализма. Действительно, рабочие в капиталистических странах не без основания думают, что внедрение науки в производство происходит главным образом за их счет и чревато для них тяжелыми последствиями — усилением эксплуатации и безработицы. Лишь в стране, где во главе государства стоят рабочие и где безработица невозможна, — только в такой стране совершенно устранена боязнь применения науки, которая столь закономерна и оправдана при капитализме. Наука при социализме становится народным достоянием. В капиталистических странах этого невозможно достичь. Там теория и ее претворение в жизнь — исключительная привилегия средних и высших слоев населения, а выходцы из рабочей среды настолько редки среди них, что они немедленно ассимилируются. В Советском Союзе и странах народной демократии такая монополизация науки совершенно ликвидирована. Наука принадлежит народу. Это определяется, во-первых, тем, что большинство ученых пришли в науку из трудовой среды, а во-вторых, тем, что сами трудящиеся вовлечены в научно-исследовательские работы по разрешению стоящих перед

ними проблем¹. Интерес, проявляемый к науке в странах социализма, по силе и степени можно сравнить лишь с «интересом» к спорту или к преступлениям, поддерживаемым в капиталистическом мире.

На этом основании мы вправе сделать вывод о том, насколько снижена возможность развития науки при капитализме, когда заниматься научной деятельностью может лишь небольшая кучка людей, владеющих этим правом якобы по наследству. Это приводит к неизбежному торможению развития науки, в дополнение к тем помехам, которые заложены в ее классовой ограниченности. Ибо темпы развития любого предприятия не только прямо пропорциональны количеству занятых в нем людей, но еще в большей степени зависят от подбора талантливых людей и от стимулирования одного лица другим. Такие вещи, как подбор и стимулирование, предельно затруднены в условиях капиталистической монополизации науки. Но они являются непосредственным результатом народного характера науки при социализме.

Использование науки в конструктивных целях в социалистических странах и переход к построению коммунистического общества на успешно развивающемся социалистическом фундаменте, как предвидел Маркс (стр. 79), являются началом следующего этапа диалектического развития. Но переход от социализма к коммунизму совершенно непохож на переход от капитализма к социализму, который в одной части мира произошел, а в других еще предстоит. Переход от капитализма к социализму был насильственной переменой, вызванной классовыми противоречиями старого общества. После ликвидации классов борьба людей переходит в борьбу идей и касается материальных проблем. Борьба эта ведется методом критики и самокритики. «В нашем советском обществе, — говорил А. А. Жданов, — где ликвидированы антагонистические классы, борьба между старым и новым и, следовательно, развитие от низшего к высшему происходит не в форме борьбы антагонистических классов и катаклизмов, как это имеет место при капитализме, а в форме критики

¹ См. Г. Фиш, Народная академия, Издательство «Правда», М., 1949.

и самокритики, являющейся подлинной движущей силой нашего развития, могучим инструментом в руках партии. Это, безусловно, новый вид движения, новый тип развития, новая диалектическая закономерность»¹.

Сейчас мы наблюдаем не только огромные материальные успехи, но и новый этап развития человеческого интеллекта, который происходит в Советском Союзе, а также странах народной демократии и Китае. И в этом развитии идеи Маркса побуждают народы к новым материальным и интеллектуальным успехам. Мир, каким его представлял себе Маркс, сегодня обретает реальную форму. Силой философской мысли Маркс положил начало изменению мира, и то, что мы сейчас видим, — это преддверие грядущих событий. Борьба еще впереди, но мы должны с уверенностью смотреть вперед, ибо с помощью знания человек, наконец, становится хозяином своей судьбы. Именно с этого, как доказал Маркс, начинается настоящая история человечества.

Я считаю наиболее уместным закончить эту брошюру выдержкой из речи Энгельса, произнесенной им на могиле Маркса, где он особенно подчеркивает вклад Маркса в дело углубления и расширения науки:

«Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот скрытый до последнего времени под идеологическими наслоениями простой факт, что люди раньше всего другого должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, — прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств существования и вместе с тем каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образует основу, из которой развились государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой поэтому они должны быть объясняемы, — а не наоборот, как это делалось до сих пор.

¹ А. А. Жданов, Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александра «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г., Госполитиздат, 1952, стр. 40.

Мало того. Маркс открыл также специальный закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости сюда сразу была внесена ясность, между тем как все прежние исследования, как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков, были блужданием в потемках.

Двух таких открытий было бы достаточно для одной жизни. Счастлив уж тот, кому дано бы было сделать хоть одно такое открытие. Но в каждой отдельной области, которую Маркс подвергал исследованию, — а таких областей было очень много, и ни одной из них он не касался лишь поверхностно, — в каждой из них, даже в области математики, он сделал самостоятельные открытия.

Таков был Маркс как человек науки. Но наука далеко не составляла и половины этого человека. Наука была для Маркса исторически движущей революционной силой. Какую бы чистую радость ни доставляло ему каждое новое открытие в какой-либо теоретической науке, открытие, о практическом применении которого подчас не было еще и речи, — совсем другую радость испытывал он тогда, когда дело касалось открытия, сразу оказывающего революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 652—653.

ЛЕНИН — ВЕЛИЧАЙШИЙ УЧЕНЫЙ¹

Советские люди, отмечающие ленинские дни, вспоминают Ленина как человека, как борца за дело народа, как создателя первого в мире социалистического государства, как великого деятеля, открывшего путь к коммунизму. Ленин, его идеи, его дела живут и будут вечно жить для советских людей.

И для нас, живущих в других странах, Ленин до сих пор жив. Он принадлежит не только Советскому Союзу, но и всему человечеству. Ленин — вдохновляющий пример для нас; мы живем и боремся под непосредственным воздействием его идей.

Экономический анализ, политические указания и тактические советы, содержащиеся в работах Ленина, имеют жизненное значение в той борьбе, которая ведется в наши дни. Не меньшее значение имеет ленинское учение для будущего.

Ленин был величайшим среди крупнейших ученых своего времени по интеллектуальной силе своего мышления, по широте своего кругозора. Там, где другие великие люди видели лишь тот или другой аспект действительности, он видел все. Он видел действительность не как нечто статическое, а в движении; он понял силы, которые определяли это движение, и научился управлять ими.

Это со всей ясностью проявилось в том, как он усвоил, овладел, использовал и двинул вперед марксистское наследие. В тот период, когда молодой Ленин впервые знакомился с работами Маркса и Энгельса, ряд тогдашних философов пытался, с одной стороны, превратить эти работы в окаменевшую, «неприкосновенную» доктрину,

¹ «Правда» от 21 января 1953 г.

считаясь в большей мере с буквой, чем с ее духом, а с другой стороны, подвергнуть их ревизии, выхолостить действительное содержание этих работ и использовать их для апологии той капиталистической системы, против которой Маркс боролся в течение всей своей жизни. Ленин отстоял марксизм как живую, воинствующую философию, служащую прогрессивному человечеству.

Уже в ленинской работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», написанной в 1894 году, мы видим, насколько глубоко Ленин овладел диалектическим методом, разработанным Марксом и Энгельсом. Ленин показал, что диалектический метод не является формальной схемой, навязанной извне природе и обществу, а что это «научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм...»

Если обычно ученый своей работой показывает, что он способен понять и применить в жизни усвоенные им теории, то великий ученый проявляет свой глубокий разум, творчески развивая эти теории и придавая им более богатое и широкое содержание. Это и сделал Ленин во многих областях науки. Его вклад в теорию и практику революционной борьбы составляет сущность ленинизма, определяемого Сталиным как «марксизм эпохи империализма и пролетарских революций».

Теоретический гений Ленина, однако, не ограничивался социальными науками. Развивая марксистскую теорию, Ленин обогатил методологические основы естественных наук, он глубоко понимал все значение естественных наук как в практическом, так и в теоретическом отношении. Он видел более ясно, чем ученые его времени, что основные научные теории не являются философской абстракцией, а тесно связаны с текущей политической и религиозной борьбой. Им был создан труд «Материализм и эмпириокритицизм», являющийся великим классическим марксистским трудом, значение которого неопределимо. Именно в свете этого труда мы должны рассматривать вопрос о детерминизме и индетерминизме, разницу между макро- и микрофизикой, основы квантовой теории и теории относительности.

Ленин изгнал из материализма те грубые представления, которые навязывали ему механистические материалисты. Он видел разницу между объективно существующей природой и последовательными представлениями о ней, которые человек приобретает благодаря прогрессу в науке. Ленин видел относительный характер научного познания, но он решительно восставал против всех попыток превратить это в оправдание субъективизма и мистицизма, которые и сейчас используются для оправдания идеи абсолюта и социальной системы угнетения. Он писал:

«Человек в темной комнате может крайне неясно различать предметы, но если он не наткнется на мебель и не идет в зеркало, как в дверь, то, значит, он видит кое-что правильно. Нам не нужно поэтому ни отказываться от претензий проникнуть глубже, чем поверхность природы, ни претендовать на то, что мы уже сорвали все покровы тайны с окружающего нас мира».

Ленин прозорливо оценил, в частности, все значение великих открытий в области физики, сделанных в его время, положивших начало открытию структуры и энергии дотоле неделимого атома.

У тех, кто знает труды Ленина, попытки бывшего американского президента Трумэна изобразить дело так, будто учение Ленина относится лишь к «доатомной эпохе», могут вызвать лишь смех и презрение. Ленин понимал потенциальные возможности атомной энергии для дела прогресса задолго до того, как возможность ее использования для получения прибылей и для разрушений стала ясной американским капиталистам.

«Разрушимость атома, — писал Ленин, — неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма. Все грани в природе условны, относительны, подвижны, выражают приближение нашего ума к познанию материи...»

Ленин также не считал, что это познание является абстрактным и существует только ради себя. «...Природа бесконечна, — указывал он, — как бесконечна и мельчайшая частица ее (и электрон в том числе), но разум так же бесконечно превращает «вещи в себе» в «вещи для нас».

С чем Ленин никогда не мог примириться, — это с идеей о том, что эта «вещь для нас» должна быть превращена «в средство для разрушения». Ленин не мог пройти мимо опасностей, которые несет эпоха разлагающегося капитализма. В своих предвидениях будущих войн он всегда утверждал, что социалистические государства должны будут бороться за сохранение своего существования, и его предсказания полностью подтвердились опытом войны против гитлеровской агрессии и холодной войны. Ленин знал, что враги социализма не остановятся ни перед чем в своих попытках сокрушить силой или хитростью систему, самое существование которой, как они чувствуют, является угрозой их прибылям и власти. Но Ленин знал, что историю делают люди и что человеческие силы, которые создали социализм, неизмеримо сильнее тех, кто пытается использовать науку в тщетной попытке сдержать эти человеческие силы.

Ленин понимал великое значение прогресса науки и доказал это тем, что поощрял науку и заботился о ней даже в то трудное время, когда само существование Советского Союза находилось под угрозой иностранной интервенции. Это выразилось и в том, что именно в то тяжелое время Ленин выдвинул лозунг, что электрификация является ключом к социализму.

Предвидение Ленина сбылось. Советский Союз строит коммунизм и осуществляет на практике теорию об использовании науки для преобразования природы, что является в неизмеримо большей степени, чем создание атомной бомбы, символом нового века.

МЕСТО И ЗАДАЧИ НАУКИ
В ОБЩЕСТВЕ

РОЛЬ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕ ¹

События последних лет привели к пересмотру вопроса о роли науки в обществе. Обычно считалось, что достижения науки и техники должны вести к непрерывному улучшению условий жизни; но сначала первая мировая война, а затем экономический кризис 1929—1933 гг. показали, что науку столь же легко можно использовать в разрушительных и никчемных целях; раздались призывы к прекращению научно-исследовательской работы, что по их мнению является единственным средством того, чтобы цивилизация оставалась сносной. Встретившись с этой критикой, ученые вынуждены были впервые признать, что их работа тесно связана с социальными и экономическими событиями. Настоящая работа (имеется в виду книга «The Social Function of Science». — *Ред.*) является попыткой проанализировать эту связь, выяснить, насколько ученые — каждый в отдельности и все вместе — ответственны за существующее положение дел, и обратить внимание на меры, которые могли бы привести к плодотворному, а не разрушительному использованию достижений науки.

Начнем с того, что роль науки в обществе следует рассматривать не как нечто самодовлеющее, а как что-то незаметно изменяемое самим ростом науки. Наука перестала быть полем деятельности любознательных и одаренных людей, поддерживаемых состоятельными покровителями. Она стала неотъемлемой частью промышленности, поддерживаемая огромными монополиями и государством. Это незаметно изменило характер науки, переводя ее с индивидуальной на коллективную основу,

¹ Предисловие и первая глава из книги «The Social Function of Science», London, 1946, впервые изданной в 1939 г.

и усилило значение аппарата и администрации. Но так как эти изменения протекали несогласованно и носили случайный характер, то в результате сложилась совершенно недейственная система научно-исследовательской работы как в смысле ее внутренней организации, так и в отношении ее применения к вопросам усовершенствования производства и подъема благосостояния. Чтобы наука могла плодотворно служить обществу, она должна прежде всего навести порядок в своем собственном доме. Эта задача чрезвычайно усложняется тем, что всякая организация научной деятельности таит в себе опасность подрыва специфичности и самостоятельности, без которых немыслима наука вообще. Хотя наукой и нельзя управлять административными методами, однако недавние достижения как у нас в Англии, так и за рубежом, особенно в СССР, указывают на возможность совмещения свободы и действенности в научных организациях.

Применение науки выдвигает и ряд других проблем. В этом вопросе в прошлом существовало стремление использовать науку почти исключительно для усовершенствования производства, прежде всего путем снижения себестоимости продукции, и для усовершенствования орудий войны. Это привело не только к одностороннему развитию техники, но и к почти полному пренебрежению таким применением науки, которое имело бы более непосредственную ценность для роста благосостояния людей, в частности улучшения их здоровья и быта. Этому обязана своим возникновением и чрезвычайная неравномерность в развитии различных наук: биологические и еще в большей мере социологические науки хирели, а за их счет развивались физические и химические науки, сулившие более осязаемые и быстрее получаемые выгоды.

Вопрос о применении науки неизбежно затрагивает вопросы экономики, и нам необходимо выяснить, в какой мере различные экономические системы, уже существующие или предлагаемые, могут предоставить возможность для максимального использования достижений науки в целях повышения благосостояния народа. Далее, экономика не может быть отделена от политики. Приход к власти фашизма в ряде стран, войны, бушующие сейчас в мире, и всемирная подготовка к всеобщей и ужасной

войне затронули ученых не только как граждан, но также и как научных работников. Наука впервые со времен Ренессанса находится в опасности. Ученый начал понимать свою ответственность перед обществом. Для того чтобы наука могла выполнять свои традиционные задачи и избежать угрожающей ей опасности, ученые и широкая общественность обязаны усилить свое внимание к сложным вопросам взаимоотношения между наукой и современной жизнью.

Исследование всей современной науки само по себе стало уже не под силу одному ученому; до сих пор нет подобающей работы хотя бы в виде сборника. Еще труднее выяснить сложные отношения, которые возникли в течение веков между наукой и промышленностью, наукой и правительством, наукой и искусством. Такая задача потребовала бы общего охвата не только науки в целом, но и техники; она потребовала бы знаний экономиста, историка и социолога. Как ученый, погруженный в специальную область и имеющий, кроме того, много других обязанностей и занятий, я не смог закончить даже библиографической работы, которой требовал предмет, а также уделить ему достаточно много внимания и сознаю недостаточность способностей, знаний и необходимого времени для осуществления этой задачи.

Точность в статистике и деталях крайне необходима для каждого общего исследования, но такой точности невозможно достигнуть либо из-за скудости одних материалов, либо, наоборот, из-за сверхизобилия и беспорядочности других материалов, для понимания которых требуются огромные усилия. Никто, например, не знает, сколько имеется ученых в каждой отдельно взятой стране, за исключением, пожалуй, СССР; сколько и кем тратится на них средств. По тридцати с лишним тысячам периодических научных изданий, выходящих в мире, можно установить, над чем работают ученые; но откуда узнать, как и почему они это делают.

Описывая и критикуя ведущуюся научную работу, я неизбежно должен был зависеть главным образом от личного опыта. Но это имеет два недостатка: мой опыт может оказаться непоказательным, а заключения — пристрастными. Что касается первого, то многочисленные беседы

с самыми различными учеными многих отраслей науки убеждают меня, что многое из испытанного мною типично и для положения почти во всех областях науки. Что же касается второго, то нужно откровенно признать, что я действительно пристрастен. Меня возмутили непродуктивность, бесплодность научных усилий, их направленность на низменные цели, и именно в связи с этим я начал рассматривать отношение науки к обществу, задумав эту работу. Если и может показаться, что мое пристрастное отношение приводит меня к резким выводам, то нельзя отрицать наличия широко распространенного среди ученых недовольства, являющегося прямым свидетельством того, что с наукой у нас не все благополучно.

Бесплодность науки для тех, кто это однажды увидел, — очень горькая истина. Она проявляет себя в болезнях, вынужденной тупости, в нищете, неблагодарном тяжком труде и преждевременной смерти огромного большинства ученых и в тревожной, напряженной и бесполезной жизни остальных. Наука может все это изменить, но только в том случае, если она развивается в том же направлении, что и общественные силы, которые понимают ее задачи и идут к той же цели. На фоне этой мрачной, но отнюдь не безнадежной действительности традиционное благочестие чистой науки, не связанной с мирскими делами, оказывается в лучшем случае призрачным избавлением, а в худшем — позорным лицемерием.

Бербек колледж, сентябрь 1938 г.

* * *

Каковы место и роль науки в обществе? Сто или даже пятьдесят лет назад подобный вопрос показался бы странным, почти бессмысленным даже самому ученому, а тем более чиновнику или простому гражданину. Если наука и играла какую-то роль в жизни общества (о чем задумывались немногие), то она состояла в том, чтобы оказывать всеобщее благодеяние. Наука была одновременно и благороднейшим цветком человеческого разума и наиболее многообещающим источником материального благосостояния. Можно было бы еще усомниться в том,

воспитывала ли она в той же мере свободолюбие, как и классики, но несомненно то, что ее практическая деятельность была главным основанием прогресса.

Сейчас перед нами вырисовывается совершенно иная картина. Беды нашего времени представляются следствием далеко шагнувшего прогресса. Новые методы производства, созданные наукой, ведут к безработице и перепроизводству, вовсе не являясь средством избавления от нищеты и нужды, которым люди теперь столь же подвержены, как и прежде. В то же время оружие, созданное с помощью науки, сделало угрозу войны более непосредственной и еще более ужасной и почти на нет свело ту личную безопасность, которая была одним из главных достижений цивилизации. Конечно, во всех этих бедах и противоречиях неправильно было бы винить исключительно науку, но нельзя не признать, что они не имели бы места в своей настоящей форме, если бы не воздействие науки, и именно поэтому ставился и ставится вопрос о значении науки для цивилизации. С тех пор как достижения науки стали казаться чистым благодеянием, по крайней мере для состоятельных классов, общественная роль науки стала настолько само собой разумеющейся, что не нуждалась в особом исследовании. Сейчас же, когда наука выступает в разрушительной, так же как и в созидательной роли, пришло время вскрыть ее социальное назначение, так как самому праву ее на существование бросается вызов. Ученым, а с ними и многим прогрессивно настроенным людям может показаться, что для этого нет оснований и что только вследствие извращения достижений науки мир находится в его настоящем состоянии. Но подобного рода защита никак не может считаться самоочевидной; необходимо рассмотреть вопрос о роли науки, прежде чем она сможет снять с себя эти обвинения.

События последних двадцати лет не только создали различные взгляды на науку в кругах широкой общественности, — они глубоко изменили отношение самих ученых к науке и даже вошли в плоть и кровь научной мысли. Хотя это и кажется странным совпадением, но бесспорно, что тревожные события мировой войны, революция в России, экономический кризис, рост фашизма, подготовка к новым, еще более ужасным войнам сопровождалась в

науке самыми крупными за последние три столетия изменениями в теории и общем мировоззрении. Основы математики были потрясены спорами по положениям аксиоматики и логики. Физический мир, каким его представляли Ньютон и Максвелл, был совершенно перевернут теорией относительности и квантовой механикой, которые все еще остаются не до конца понятыми и кажутся парадоксальными. Биология была революционизирована развитием биохимии и генетики. Все эти события, быстро следовавшие одно за другим на протяжении жизни отдельных ученых, заставили их намного глужбе, чем в предыдущие столетия, продумать основы своих убеждений. Не обошлось и без воздействия внешних сил. Война для ученых всех стран означала применение их знаний в прямых военных целях. Кризис задел их непосредственно, останавливая научный прогресс в одних странах и ставя его под угрозу в других. Наконец, фашизм продемонстрировал, что суеверие и варварство, которые считались изжитыми к концу средних веков, могут воздействовать на самые основы современной науки.

Следствием всех перечисленных потрясений, естественно, была путаница как в сознании самих ученых, так и в оценке места и роли науки в обществе. Раздались голоса — и притом в таком неожиданном месте, как Британская Ассоциация ученых, — о подавлении науки или, по крайней мере, о прекращении применения ее достижений. Епископ Рипона в проповеди, обращенной к Британской научной ассоциации в 1927 г., заявил: «...Смею ли я предположить, рискуя подвергнуться линчеванию со стороны некоторых из моих слушателей, что человеческое счастье вне пределов науки не обязательно уменьшится, если в течение десяти лет все физические и химические лаборатории будут закрыты, а настойчивые и находчивые умы будут переключены на восстановление утраченного искусства жить в мире и на поиски формулы, как сводить концы с концами в масштабах человеческой жизни...»¹.

Возражения вызывали не только материальные результаты науки, но и сама ценность научной мысли.

¹ «The Times» от 5 сентября 1927 г., стр. 15.

В результате социальных затруднений в конце XIX в. стал воскрешаться антиинтеллектуализм, нашедший свое выражение в философских теориях Сореля и Бергсона. Инстинкт и интуиция стали расцениваться как нечто более важное, чем разум. До некоторой степени сами философы и ученые-метафизики проложили путь к оправданию фашистского культа грубой силы, находящейся под мистически вдохновленным руководством. Говоря словами Вулфа: «Мы переживаем один из периодов борьбы и разрушения цивилизации, и всюду можно заметить хорошо известные симптомы умственного шарлатанства, вторгающегося в метафизическую мысль. Симптомы всегда одни и те же, хотя внешне они представляются различными. Разум отвергается как устаревшее понятие, а человек, требующий доказательства того или иного факта, чтобы убедиться в его достоверности, деспотически обвиняется в незнании азов; и ему велят написать 500 раз: «Я не должен требовать доказательств». Философы милетской школы обвиняют философов школы Сократа и Анаксагора в кошунственном атеизме. Римский ученый отбрасывает своего Лукреция и греческую философию, чтобы узнать истину о вселенной, открывшуюся левантийским волшебникам. Книги, а иногда и их авторы сжигаются, потому что требуют доказательств и ставят под вопрос истинность чьей-то интуиции в вопросе природы вселенной. Мистерии Диониса, бракадабра Изиды или Озириса, культ солнца или священного быка, мудрость, которая черпается из созерцания собственного пупа, или плохого самочувствия перед завтраком, откровения, получаемые из ножек столов или эктоплазмы, — вот некоторые из методов, которые засвидетельствовали свою эффективность в такие периоды для проникновения в тайну вселенной, бога или абсолюта. Когда сила человеческого убеждения принимается как мера истины, то низменное создание, которое все еще старается применять свой разум и достаточно слабо, чтобы допустить, что оно не знает, что с ним будет, когда оно умрет, или почему миллиарды звезд пылают в пространстве, или имеет ли его собака бессмертную душу, или почему существует зло на свете, или что Всемогущий делал до того, как он создал вселенную, и что он будет делать, когда наступит конец

света, — это глупое создание вряд ли пускают в общество умных людей и приличных философов»¹.

Мистика и отказ от рационального мышления являются не только признаком народных политических волнений; они глубоко пронизывают самую науку. Ученый может отвергнуть их сейчас так же твердо, как и раньше, но псевдонаучные теории, особенно метафизические и мистические теории, которые имеют дело со вселенной в целом или природой жизни и были высмеяны еще в XVIII и XIX вв., снова пытаются проложить себе путь ко всеобщему признанию.

* * *

Мы не можем больше закрывать глаза на тот факт, что наука влияет на общественные изменения нашего времени и в то же время сама испытывает воздействие последних; но чтобы это яснее осознать, их взаимодействие необходимо проанализировать намного внимательней, чем это делалось до сих пор. Прежде всего бесполезно выяснить, каковы современные взгляды на то, чем наука является и чем она должна быть. Здесь имеются две совершенно различные точки зрения, которые можно назвать идеалистическим и реалистическим определением науки. В первом случае цель науки понимается только как открытие и созерцание истины; ее задачу, в отличие от задач мифической космологии, видят в создании такой картины мира, которая соответствует опытным данным. Если наука имеет также и практическую ценность — тем лучше, но лишь поскольку ее истинная цель не потеряна. Во втором случае подчеркивается практическая полезность; что же до истины, то ее рассматривают лишь как средство полезной деятельности, ценность которой проверяется на той же деятельности.

Эти два взгляда на науку противоположны, но каждый допускает ряд вариантов и между ними имеется много общего. Те, кто придерживается первого взгляда, не признают за наукой какой бы то ни было практиче-

¹ «Quack Quack», p. 166. См. также L. H o g b e n, *The Revolt from Reason*.

ской общественной роли и в лучшем случае соглашаются с тем, что эта роль сравнительно незначительна и подчиненна. Обычное оправдание подобного взгляда на науку состоит в том, что цель науки якобы в самой науке и что ее задачей является получение чистого знания ради знания. В истории науки эта точка зрения играла огромную, но отнюдь не положительную роль. Этот взгляд преобладал в древние античные времена и был превосходно выражен словами Платона: «...часть же их (арифметических и геометрических выкладок. — *Ред.*) большая, простирающаяся далее, должна смотреть, что здесь направляется способствовать легчайшему усмотрению идеи блага. А направляется к этому, говорим, все, понуждающее душу обращаться к тому месту, где обитает блаженство сущего, которое она всячески должна видеть»¹.

В своей современной форме этот взгляд на науку выступает не как единственное, а как главное оправдание науки. Наука рассматривается как одно из средств нахождения ответа на самые сложные вопросы — о происхождении вселенной или жизни, о смерти и бессмертии души. Применение науки для этой цели парадоксально. Основой представлений о вселенной является не то, что наука уже установила, а скорее то, что она «не может» установить. Наука не может сказать, как была создана вселенная, следовательно, вселенная должна была быть создана мудрым Творцом. Наука не может синтезировать жизнь, значит, происхождение жизни — чудо. Неопределенность квантовой механики объявляется подтверждением существования свободы воли человека. Таким образом, современную науку превращают в союзницу древней религии и даже больше — в ее заместителя.

¹ Соч. Платона, ч. III, Политика или государство, СПб, 1863, стр. 372. Интересно отметить, что этот отрывок следует непосредственно за тем, в котором обсуждаются военные и поэтому для Платона наиболее благородные из полезных сторон науки: «Судя по тому, в какой степени приложима она (геометрия. — *Ред.*) к войне, сказал он, — явно, что идет; ибо и при расположении лагерей, и при занятии мест, и при стягивании либо растягивании войск, и при всех военных построениях как во время самых сражений, так и во время походов, геометр много отличается от не-геометра. — Но для таких вещей, примолвил я, достаточна малая часть геометрических и арифметических выкладок» (там же, стр. 371—372).

Нет сомнения, что это использование науки для аполгии религии является одним из ее социальных назначений в современном обществе, но оно не может служить оправданием существования науки, так как в той же мере удовлетворительные, как и недоказуемые решения космических проблем могут быть найдены с помощью простой интуиции. На самом деле применение науки в модернизированной религии является молчаливым признанием ее большого значения в культуре вообще. Никаким религиозным взглядам не удержаться в культурных кругах, если они не будут, по крайней мере, облечены в наукообразную терминологию и вступят в противоречие с положительными результатами современной научной теории.

Самый тощий идеалистический взгляд рассматривает науку просто как неотъемлемую часть духовной культуры; при этом для культурного человека знание современной науки является в такой же мере необходимым, как и знание современной литературы. Правда, в Англии, например, это далеко не так, но просветители часто пытаются оправдать науку только на этих основаниях и, таким образом, растворить науку в гуманистическом образе мысли. Так, Сартон, выдающийся историк науки, приводит следующие аргументы в пользу гуманизации науки: «Единственная возможность гуманизации научного труда состоит в том, чтобы внести в него немного исторического духа, духа уважения к прошлому — почтения к каждому свидетельству доброй воли на протяжении веков. Какой бы абстрактной наука ни стала, она в существе своем гуманна по своему происхождению и развитию. Каждое научное достижение — это плод деяний человечества, доказательство его силы. Почти непостижимые огромные размеры вселенной, обнаруженные усилиями человека, не делают его маленьким, кроме как только в чисто физическом смысле; это придает более глубокий смысл жизни и мысли человека. Каждый раз, когда мы узнаем о мире что-то более глубокое, мы острее ощущаем наше родство с ним. Нет большой разницы между естественными и гуманитарными науками. Нет естественных наук, противоположных гуманитарным; каждая отрасль науки или знания постольку естественна или гуманитарна, поскольку ее создает таковой человек. Прояви

глубокий человеческий интерес к науке — и ее изучение становится лучшим двигателем гуманизма, какой только можно придумать; исключи этот интерес, изучай науку только ради информации и профессиональной тренировки — и ее изучение, как бы оно ни было ценно с чисто технической точки зрения, теряет всякую воспитательную ценность. Без истории научные знания могут стать опасными для культуры; соединенные же с историей, умеренные духом почтения, они взрастят величайшую культуру»¹.

Эти взгляды на задачи науки совпадают со взглядами античных философов в том отношении, что они также изображают науку как чисто умозрительное занятие, касающееся, правда, скорее объективного мира, чем более чистых идей математики, логики и этики, но все еще строго созерцательно. Несмотря на то, что этих взглядов придерживаются многие ученые, они по сути своей внутренне противоречивы. Если бы задача науки состояла в созерцании мира ради созерцания, тогда наука, какой мы ее знаем сейчас, никогда бы не существовала, ибо самое элементарное ознакомление с историей науки показывает, что научные открытия явились результатом материальных потребностей и средства, с помощью которых эти открытия сделаны, были материальными. То, что этот взгляд на науку столь успешно поддерживался на протяжении большого периода, может быть объяснен только пренебрежением ученых и историков ко всему объему технической деятельности, хотя она имеет, по крайней мере, столь же много общего с наукой, как и абстракции, которыми занимались великие ученые и математики.

Противоположный взгляд на науку как на средство практического овладения природой через ее понимание повсеместно был распространен в прошлом, хотя с ним и боролись. Он ясно проявляется у Роджера Бэкона и у представителей Возрождения, но впервые принимает четкую и определенную современную форму у Фрэнсиса Бэкона:

«Хотя дороги к человеческому могуществу и знанию ближайшим образом соединены одна с другой и едва ли

¹ Sarton, *History of Science and the New Humanism*, p. 68.

не одни и те же, однако вследствие пагубной застарелой привычки обращения к абстрактному гораздо безопаснее начинать и строить науки от тех оснований, которые связаны с действенной частью, чтобы она сама обозначила и определила созерцательную часть»¹.

Этот взгляд на науку господствовал, по крайней мере, в течение двухсот лет.

«Древняя философия считала ниже своего достоинства быть полезной и была удовлетворена своим постоянством. Она в основном занималась теориями морального усовершенствования, которые были настолько возвышенными, что никогда не могли быть чем-либо иным, нежели теориями; пыталась решить неразрешимые загадки, призывала к достижению недостижимого. Она не могла снизойти до смиренной роли помощницы и утешительницы человека. Все школы презирали эту роль как унижение, некоторые рассматривали ее как аморальную». Так писал Маколей в своих «Очерках о Бэконе» в первый год викторианской эры. Для него, так же как и для огромного большинства передовых людей того времени, задача науки состояла в том, чтобы оказать всеобщее благодеяние человечеству: «Спросите последователя Бэкона, что новая философия, как она называлась во времена Карла Второго, сделала для человечества, и он вам сразу ответит: она продлила жизнь, облегчила страдания, уничтожила болезни; она увеличила плодородие земли; она сделала жизнь моряка более безопасной, создала новое оружие для воинов, построила такие мосты на больших реках и морских рукавах, какие были неизвестны нашим отцам; она сделала безвредным удар молнии, направив ее из небес в землю; она осветила ночь яркостью дня, расширила человеческий кругозор, умножила силу человеческих мышц; она ускорила движение, уничтожила расстояние; она способствовала общению, переписке, всем дружеским услугам и отправлению дел; она позволила человеку опуститься в глубины моря и парить в воздухе, уверенно раскрывать грозные тайны природы, пересекать землю в повозках, которые двигаются без лошадей, и океаны на кораблях, которые делают десять узлов в час против

¹ Ф. Бэкон, Новый Органон, Л., Соцэкгиз, 1935, стр. 199.

ветра. Это только часть ее плодов, и притом ее первых плодов. Ибо это — философия, которая никогда не останавливается, никогда не доходит до конца, никогда не становится совершенной. Ее закон — прогресс. Ее целью сегодня является пункт, который вчера был не виден, но завтра она будет отправляться от него».

У современного Маколея был бы другой и более сдержанный взгляд на плоды науки. Он мог бы указать на такие ее достижения и силу, которые превзошли бы все ожидания человека, жившего сто лет назад, — на действительно великие успехи в борьбе с болезнями, на возможность для человечества навсегда избежать опасности голода и эпидемий; но он должен был бы признать и то, что современная наука на самом деле решила проблему всеобщего богатства и счастья не больше, чем древняя наука морали — проблему всеобщей добродетели. Война, финансовый хаос, сознательное уничтожение товаров, в которых нуждаются миллионы, общее недоедание и страх перед новыми войнами, более ужасными, чем они были когда-либо ранее, — вот картина, которую можно нарисовать сегодня в связи с достижениями науки. Поэтому не удивительно, что сами ученые все больше и больше отказываются от того взгляда, что развитие науки само по себе ведет к лучшему миру.

«В современных взглядах мыслителей на то, что называется прогрессом механики, мы замечаем новый дух, — заявил президент Британской научной ассоциации Альфред Ивид в 1934 г. — Восхищение умеряется критическим отношением, удовлетворенность уступает место сомнению, сомнение переходит в тревогу...

Рог изобилия инженера трясли по всему миру, разбрасывая повсюду дары, обладавшие невиданными дотоле качествами и силой. Несомненно, что многие из этих даров являются благодеянием для человека, делая жизнь полнее, шире, здоровее и богаче по удобствам и интересам, и могут содействовать его материальному процветанию. Но мы, к прискорбию своему, хорошо знаем, что этими дарами можно злоупотреблять, и ими злоупотребляли»¹.

¹ «Nature», 130, 349, 1932.

Некоторые ученые покидают науку в полном отчаянии от плодов деятельности несовершенной человеческой природы. Другие погружаются в свои исследования глубже, чем когда бы то ни было, отказываясь вообще рассматривать общественные последствия своей научной работы, заранее зная, что они, вероятно, принесут вред. Только немногие счастливицы могут присоединиться к знаменитому высказыванию Г. Х. Харди о чистой математике: «Этот предмет не имеет практической ценности, то есть его нельзя прямо применить для уничтожения человеческой жизни или для усиления существующего неравенства в распределении богатства». Многие ученые разделяют субъективный и несколько циничный взгляд на науку как на игру, вроде бриджа или кроссворда, но более волнующую и занимательную для тех, кто имеет к этому вкус. В известном смысле такая точка зрения частично отражает истину. Всякий активный ученый испытывает удовлетворение от выполняемой им работы и наслаждается ею, и в этом он не так уж сильно отличается от художника или спортсмена. Резерфорд обычно делил науку на физику и коллекционирование марок, но если аналогию довести до конца, то сопоставление может принять форму: «что-то незначительное» и коллекционирование марок.

Однако подобные субъективные взгляды не могут дать нам ответа на вопрос о том, каково общественное назначение науки в целом. Нельзя делать заключения о науке на основании только того, что думает ученый о своей работе и какого бы отношения к ней он хотел. Он может ею наслаждаться, считать ее благородным призванием или занимательным времяпрепровождением — все это не может служить объяснением небывалого роста науки в современном мире и причин, благодаря которым она стала в настоящее время главным занятием многих наиболее способных и одаренных людей в мире.

Очевидно, что наука приобрела гораздо более серьезное общественное значение, чем это следует из обычной оценки научной деятельности как таковой. Но несомненно и то, что она используется не для повышения благосостояния народа. Поэтому необходимо установить, в каких же целях она используется в действительности; но это вопрос скорее социальный и экономический, чем философский.

Чтобы наука могла существовать на уровне современных требований, она должна приносить какую-то непосредственную выгоду для тех, кто финансирует ее деятельность.

Ученый должен существовать, но его работа только в самых редких случаях приносит непосредственную выгоду. Давно прошло то время, когда ученые были людьми, обладающими собственными средствами или зарабатывающими себе на жизнь какой-нибудь подсобной профессией. Говоря словами одного кембриджского профессора прошлого поколения, научно-исследовательская работа перестала быть «временпрепровождением английского джентльмена». Статистическое исследование, проведенное несколько лет назад в Соединенных Штатах, показало, что из двухсот наиболее выдающихся ученых страны только два имели состояние, а остальные занимали оплачиваемые научные должности. Современный ученый почти ничем не отличается от оплачиваемого государственного чиновника и среднего государственного служащего или служащего фирмы. Даже когда ученый работает в университете, он находится под сильным контролем — если не в мелочах, то в отношении общего направления исследовательской работы, — со стороны тех, кто контролирует производственный процесс в целом. Научно-исследовательская работа и обучение являются по сути дела небольшими, но исключительно важными областями промышленного производства. И именно в помощи производству мы должны искать подлинное социальное назначение науки.

История развития производства (включая специфически правительственную его отрасль — военную промышленность — и самую старую отрасль производства — сельское хозяйство) показывает, что важнейшую роль в изменении производственных процессов в сторону повышения эффективности производства — увеличения производительности труда и сокращения издержек производства — играет ныне применение научных достижений. Тремя главными техническими изменениями, которые вызваны использованием достижений науки, являются увеличивающаяся автоматизация производства, более полное использование материала при уменьшении потерь и эко-

номия капитальных затрат благодаря ускорению оборота. Эффект от последнего, повидимому, превышает расширение автоматизации производства за счет увеличения капитальных затрат. В целом результатом является снижение себестоимости продукции, или, проще, увеличение выпуска продукции на единицу затраченных для этого усилий. Поэтому наука является дополнением к другим средствам снижения затрат — лучшей организации производства, ускорению темпа работы или снижению зарплаты. Степень использования достижений науки зависит от ее преимуществ по сравнению с этими методами. Эти преимущества реальны, но ограничены, и вследствие консерватизма производителей из них ни в коей мере не извлекается полная выгода. Следовательно, как бы ни задерживалось развитие науки, она никогда бы не достигла своего настоящего значения, если бы не содействовала увеличению прибылей. Если бы прямые и косвенные субсидии от промышленности и правительства прекратились, наука немедленно дошла бы до такого низкого уровня, на котором она находилась в средние века. Это практическое соображение сводит на нет пожелания философов-идеалистов, вроде Бертрана Рассела, о развитии науки без одновременного развития промышленности. Помимо того что промышленность оказала огромное содействие науке в отношении оборудования и постановки проблем, она является единственным источником, из которого можно было бы соответствующим образом финансировать науку. Эта связь останется и в условиях социалистической экономики, так как там с уничтожением использования науки ради прибылей необходимость максимального развития производства для удовлетворения человеческих потребностей станет главенствующей. Поэтому потребуется еще более тесная связь науки с промышленностью, сельским хозяйством и здравоохранением.

В течение прошлого столетия результатом связи между промышленностью и наукой было незаметное превращение науки в некое учреждение, наподобие церкви или законодательных органов, но только еще более важное. Как и они, наука также зависит от существующего общественного порядка, ее кадры рекрутируются в основном из среды господствующих классов и она проникнута идеями

этих классов общества. Однако наука в значительной мере приобрела собственную организацию, интересы и мировоззрение. Продолжающееся существование науки как особого института в целом принимается как само собой разумеющееся; считается, что поскольку наука, будучи связана с промышленностью, достигла уже огромного развития, постольку это развитие будет продолжаться само по себе. По существу же для прогресса науки оснований не больше, чем для прогресса промышленности. События последних нескольких лет показали нам, насколько небезопасно основывать свои предположения относительно будущего экономического развития на поверхностном наблюдении тенденций недавнего прошлого. Необходим более глубокий и обоснованный взгляд.

НАУКА ПРОТИВ ВОЙНЫ ¹

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с планом данной статьи в первой ее части рассматриваются наиболее общие вопросы экономического и политического положения в мире, поскольку оно влияет на науку; вместе с тем выясняется особая роль Соединенных Штатов как центра мирового капитализма и Советского Союза как центра мирового социализма. Во второй части рассматриваются проблемы, связанные с кризисом капитализма, — план Маршалла, восстановление германской и японской промышленности, опасность войны, политика и стратегия атомной войны, а также их политические и экономические последствия для Англии. Эти две части образуют общий фон всей работы. Третья часть касается специфики влияния этих факторов на науку в Англии и во всем мире в связи с подчинением науки интересам частной наживы и военных исследований, а также с воздействием их как на отдельных научных работников, так и на научную деятельность в целом. Четвертая часть посвящена рассмотрению ответственности ученого за мероприятия в этой области, за обеспечение сотрудничества деятелей науки с другими прогрессивными силами с тем, чтобы наука могла быть использована для общественного благосостояния и мира.

Независимо от эпохи проблемы, стоящие перед наукой, никогда не могут быть разрешены безотносительно к существующему политическому и экономическому положению. Это было истиной даже тогда, когда наука эффективно использовалась только в весьма ограниченной сфере человеческой деятельности. Поскольку теперь каждый

¹ Из брошюры J. D. Bernal and M. Cornforth, *Science for Peace and Socialism*, Birch Books, написанной в 1949 г.

крупный экономический, политический и военный вопрос имеет отношение к науке, ученым более чем когда-либо необходимо принимать во внимание международную обстановку и учитывать взаимодействие этой обстановки с их собственной работой.

Мир, в котором мы живем, изменяется быстро, часто значительно быстрее, чем наши представления могут к этому приспособиться. В то же время текущие политические изменения являются лишь предвестниками более общих тенденций, которые должны быть поняты, прежде чем эти изменения можно будет видеть в их истинном свете. Главным, основным фактором является общий кризис капитализма. Этот кризис стал обнаруживаться на заре XX столетия, после того как империализм выявил свою неспособность справиться с последствиями перепроизводства: общий кризис капитализма привел к двум мировым войнам и величайшим экономическим кризисам. В то же время мы наблюдаем, как в Советском Союзе, а затем в странах народной демократии и Китае возник и неуклонно развивается социализм, представляющий собой отрицание капитализма.

Переживаемые нами в настоящее время трудности характерны для определенной фазы перехода от капитализма к социализму — фазы, в которой силы реакции после поражения своих фашистских штурмовых отрядов пытаются реорганизоваться и возобновить конфликт. Вместе с тем сама по себе война, ее социальные и экономические последствия не только расширили территорию, свободную от капитализма, но также чрезвычайно ослабили его, усилив присущие ему внутренние противоречия.

Главное противоречие, характерная черта общего кризиса капитализма, — это противоречие между гигантским развитием производительных сил, преимущественно в Соединенных Штатах, и нищетой рабочего класса во всем мире, в особенности в колониальных и полуколониальных странах¹. Невозможность найти такой рынок сбыта,

¹ Автор здесь указывает на одну из характерных особенностей империализма — высшей и последней стадии развития капитализма. Основным противоречием капиталистического способа производства является противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим способом присвоения. — *Прим. ред.*

который бы дал возможность загрузить производственные мощности и вместе с тем был бы прибыльным, — такова главная экономическая причина империализма и войны.

Ввиду технической отсталости своей промышленности, являющейся следствием устаревшего, паразитического, империалистического характера английской экономики, Англия особенно подвержена действию экономического кризиса. По той же причине она крайне зависит от снабжения сырьем и продовольствием из-за океана. И теперь, потеряв почти все свои заморские капиталовложения (процесс ускоренный, хотя и не порожденный войной), Англия находится в самом неблагоприятном положении — в особенности по отношению к Соединенным Штатам — в конкурентной борьбе за ограниченный мировой рынок.

Лейбористское правительство ничего не предпринимает для того, чтобы свести к минимуму эти опасности. Напротив, в надежде купить любой ценой временное облегчение лейбористское правительство придерживается политики, которая неминуемо приведет к дальнейшему ухудшению положения. Эта политика, представляющая собой традиционную политику английских капиталистов, рассчитана на ограничение потребления товаров рабочим классом, но не с целью развития основных отраслей промышленности, от которых зависит процветание страны в будущем, а лишь с целью производства максимального количества товаров, предназначенных для текущего экспорта. В то же время эта политика направлена на усиление эксплуатации колониальных стран, на подавление, поскольку это возможно, национально-освободительного движения, на поддержку реакционных элементов там, где невозможно воспрепятствовать движению за национальную независимость (например, в Индии, Бирме и на Ближнем Востоке).

Это продолжение традиционной британской империалистической политики явно превышает возможности страны и неизбежно заставляет опираться на непрерывную и все возрастающую «помощь» Соединенных Штатов. В результате Англия утратила свою национальную независимость и попала в экономическую и политическую за-

висимость от политики американского «большого бизнеса» — политики, враждебной Советскому Союзу и странам народной демократии. И ей отводится роль передовой базы в третьей мировой войне, требующей гонки вооружений, которая уже сама по себе делает невозможным экономическое восстановление страны.

От этого особенно страдают научные работники. Подобно рабочим они неизбежно должны терпеть лишения от общего наступления на жизненный уровень трудящихся, которое осуществляется в настоящее время; они стоят перед лицом неотвратимой угрозы массовых увольнений и безработицы, принимающих катастрофический характер, ибо политика лейбористского правительства ведет страну к неизбежной экономической разрухе. Однако использование науки в военных целях и для оправдания неизлечимых пороков капиталистической системы, хотя бы и едва видоизмененной, затрагивает в первую очередь именно ученых, ибо все это ведет к извращению и ограничению научной деятельности. Все большая и большая часть научных работников постоянно отвлекается от служения человечеству и направляется на изготовление самых ужасных, а в военном отношении бесполезных орудий массового уничтожения — атомной бомбы, радиоактивного и бактериологического оружия. Тем самым научный работник содействует эксплуатации людей в мирное время и их уничтожению во время войны, а если научный работник отказывается содействовать этому, он подвергается все возрастающему политическому давлению, которое в Соединенных Штатах, а теперь и в Англии принимает все более открытую форму преследования. При таком положении вещей у науки нет никаких перспектив. Только путем решительного проведения подлинно социалистической политики в области экономики, при обуздании, вместо поощрения, власти капитализма, только путем проведения политики солидарности с колониальными народами и международного сотрудничества, вместо политики «холодной войны» против Советского Союза и стран народной демократии, мы можем надеяться на создание эффективной международной науки, могущей быть использованной на благо всего человечества.

I. ОБСТАНОВКА ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ

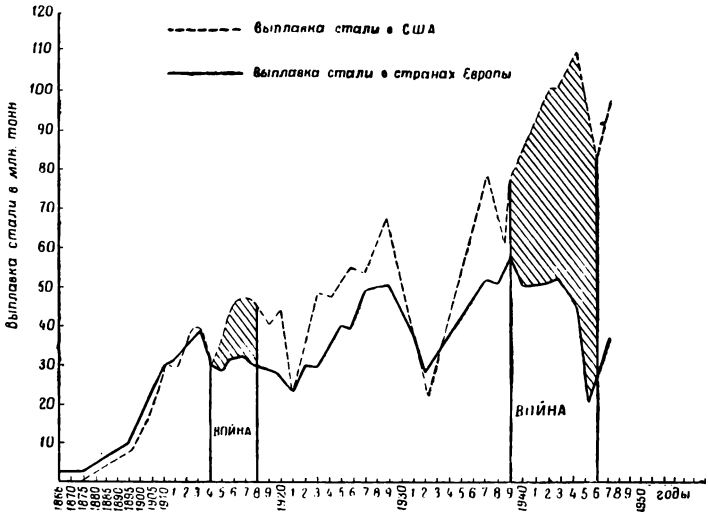
Рост американского империализма

Изложенные выше соображения дают только общее представление и поэтому нуждаются в детальной разработке и конкретизации, чтобы стать эффективным руководством к действию. Сделать это в настоящей статье не представляется возможным, но тем не менее все же можно указать на наиболее значительные детали как основных факторов, так и форм их теперешнего проявления, рассматриваемых с точки зрения их связи с ролью науки.

Главной чертой, определяющей современный загнивающий капитализм, является сочетание чрезвычайно быстрого роста производственной мощности Соединенных Штатов с присущей капиталистической экономике неспособностью равномерно распределять постоянно возрастающие блага. В 1948 г. промышленная продукция Соединенных Штатов составляла около 60 процентов всего мирового производства, тогда как население Соединенных Штатов составляло 140 млн. человек, или около 7 процентов населения всего мира. Стоимость этого огромного количества произведенных товаров распределяется среди американского народа крайне неравномерно: около 33 процентов всех произведенных товаров попадает в руки лишь 10 процентов населения, тогда как четверть населения получает меньше половины среднего дохода. Таким образом, все блага достаются небольшой кучке американских капиталистов, а контроль над всем огромным производственным аппаратом сосредоточен в руках восьми монополистических групп.

Причины того, что концентрация и контроль в настоящее время сосредоточены именно в Соединенных Штатах, носят отчасти географический, отчасти политический характер. Американский капитализм до сих пор был изолирован или, строго говоря, мог оставаться в стороне от наиболее катастрофических проявлений капиталистических противоречий, которые ныне сделали бóльшую половину Европы социалистической и привели к пробуждению и освобождению полуколониальные страны Азии. Это можно наглядно проследить путем сравнения производ-

ства Америки и Европы за минувшее столетие. В качестве показателя можно взять основную отрасль производства — выплавку стали. Общее движение выплавки стали за этот период показано на диаграмме, которая служит красноречивым свидетельством влияния экономических кризисов и войн на развитие и использование производительных сил общества.

На диаграмме можно увидеть, как сильно эти чисто экономические и политические последствия развития капитализма с присущим ему законом неравномерности препятствуют использованию производственной мощности. Особого внимания заслуживает то, что если в начале XX в. европейское производство несколько превышало американское, то последнее заняло ведущее положение лишь в период первой мировой войны, в течение которой значительная часть европейской производственной мощности была разрушена, тогда как производственная мощность Соединенных Штатов возросла.

Опустошительный кризис 1931 г. привел к тому, что выплавка стали в США упала по сравнению с выплавкой стали в Европе, и это показывает, как легко капитализм

может свести к нулю свои собственные достижения. Но положение Соединенных Штатов было спасено сначала подготовкой второй мировой войны, а затем в еще большей мере и самой войной, которая подняла американскую промышленность на небывалый уровень и причинила еще большие разрушения европейской промышленности.

Вторая промышленная революция

Соединенные Штаты по отношению ко всему остальному капиталистическому миру стоят теперь приблизительно в таком же положении, в каком находилась Англия в XIX в. по отношению ко всему миру. Подобно тому как Англия оказалась в состоянии извлечь из промышленной революции выгоду благодаря своей безопасности от вторжения извне и своей прогрессивной экономической системе, свободной от феодальных оков, — подобно этому Соединенные Штаты в настоящее время оказываются в состоянии использовать вторую промышленную революцию. Эта революция отличается от первой тем, что она основана не на применении механики к ремесленной промышленности, а на широком применении науки к механической, электротехнической и химической промышленности. Это революция, наиболее характерным результатом которой является атомная бомба, радар и пенициллин, но которая в действительности представляет собой нечто гораздо большее. Она означает применение науки к постановке и разрешению вопросов производства и организации промышленности.

Однако даже в наиболее развитой капиталистической стране вторая промышленная революция скована по рукам и ногам и имеет не больше возможностей для своего нормального развития, чем имела первая промышленная революция в условиях феодализма. В качестве необходимого предварительного условия она требует научной, сознательной, полностью взаимосогласованной и планируемой экономики, в сущности несовместимой с капитализмом. Конечно, даже первая промышленная революция, как указывал Маркс, по мере своего развития оказывалась несовместимой с капитализмом, но она все же могла процветать в течение известного периода времени; что же

касается второй промышленной революции, то в условиях умирающего капитализма использование ее результатов с целью обеспечения надежного капиталовложения может привести лишь к опустошительной войне.

Даже частичное и спорадическое использование науки при условии достаточного финансирования применение новой промышленной техники делает, однако, возможным достижение в Соединенных Штатах значительно более высокой производительности труда, чем в остальном капиталистическом мире¹.

Все это вместе с большим количеством дешевого сырья при наличии таких стимулов, как военное производство и застрахованность от вражеского нашествия, привело к тому, что общее производство товаров в Соединенных Штатах значительно возросло.

Погоня за сырьем и нефтью

Одним из важнейших результатов бурного роста американского производства, по самой своей природе чрезвычайно расточительного, явилось быстрое расхищение как ископаемых, так и постоянных источников энергии внутри Соединенных Штатов. Столь быстрое истощение не только прекратило прежний вывоз из Соединенных Штатов продовольствия и сырья, но и привело к тому, что американский капитализм протянул руку к источникам сырья за пределами своей страны.

¹ Интересное сопоставление Соединенных Штатов и Англии в послевоенный период дано Л. Ростасом в журнале «Международное рабочее обозрение» за сентябрь 1948 г. Автор статьи показывает, что хотя выпуск продукции на человеко-час в обрабатывающей промышленности США составлял 284 процента от продукции английского рабочего и выпуск продукции на каждого занятого в производстве человека равнялся 224 процентам (допуская более короткий рабочий день), все же общее количество продукции, приходящееся на одного рабочего, составляло только 170 процентов, а принимая во внимание меньший процент рабочего населения в США и учитывая существующую там безработицу, действительный выпуск продукции на душу населения не превышал 125 процентов по отношению к Англии, то есть соотношение национальных доходов на душу населения в этих двух странах оказалось приблизительно равным. Это показывает, между прочим, как техническую мощь, так и экономическую слабость ничем не ограниченного капитализма.

Расточительность американского способа хозяйствования обусловлена прежде всего его капиталистической природой. Эта расточительность не является неотъемлемой чертой научного преобразования промышленности — как раз наоборот. Подлинно научное ведение хозяйства должно быть значительно более экономным в использовании материалов, а этого можно было бы достигнуть как посредством снижения необходимого для любой цели их количества, так и посредством планомерной системы восстановления и повторного использования материалов.

Результаты этой стороны американского хозяйничания наиболее ясно видны на примере с нефтью, которая является типичным предметом потребления современной промышленности, подобно тому как сталь — наиболее характерный продукт ее производства. Если сравнить на основании таблицы 1 общее потребление нефтяных продуктов в Соединенных Штатах и в европейских странах, то, во-первых, можно заметить, что потребление нефтяных продуктов на душу населения в Соединенных Штатах — явление совершенно иного порядка, чем в остальных странах. В США их приходится приблизительно в шесть раз больше на душу населения, чем в Великобритании, от десяти до пятидесяти раз больше, чем в большинстве европейских стран, и в сотни раз больше, чем в остальных, менее развитых странах. Во-вторых, это неравенство за последние годы все более и более возрастает и представляет собой один из главных технических факторов, задерживающих развитие менее развитых стран. Жадная скупка американскими нефтяными компаниями нефтеносных районов — это один из самых действенных способов лишения нефти всех остальных капиталистических стран. Так, например, американская фирма «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси» ежегодно добывает 25 млн. тонн нефтяных продуктов из иностранных источников, то есть больше, чем потребляют несколько европейских стран вместе взятых. Кроме того, американские нефтяные монополии искусственно завышают цены на нефтяные продукты, в особенности на жидкое топливо, цена на которое с 1940 г. повысилась в три раза, что, конечно, затрудняет малым странам покупку нефтяных продуктов в достаточном количестве. Все это вместе с относительно очень низкими издержками

Таблица 1

*Ежегодное потребление нефти на душу населения
в Соединенных Штатах и в некоторых странах Европы **
(в килограммах)

Страны	1938 г.	1946 г.
Соединенные Штаты	1 263,8	1 685,9
Соединенное Королевство	254,8	284,6
Дания	236,6	153,1
Норвегия	234,0	Нет данных
Швеция	216,9	272,8
Франция	199,6	134,4
Нидерланды	198,6	178,5
Швейцария	104,0	92,9
Бельгия	94,0	80,9
Германия	92,9	Нет данных
Финляндия	73,8	38,7
Италия	60,9	36,9
Австрия	58,8	Нет данных
Греция	48,4	» »
Чехословакия	33,2	26,1
Венгрия	27,6	Нет данных
Польша	15,2	» »
Болгария	15,1	» »
Югославия	11,8	» »

* Эти цифры получены в результате подсчетов выпуска продукции и размеров импорта по материалам журнала «Moniteur du Pétrole Roumain» и на основании данных о численности населения по «Статистическому бюллетеню ООН» за июнь 1948 г.

по добыче нефти, как и других видов сырья, например каучука, благодаря эксплуатации низкооплачиваемого колониального труда более чем все остальное заставляет американских монополистов рыскать по всему свету в погоне за прибылью¹.

¹ Более старые империалистические страны, в частности Англия и Голландия, вынуждены довольствоваться тем, что им остается.

Капиталовложения — экспортирование кризиса

Все это вместе взятое увеличивает неравномерность капиталистического развития Соединенных Штатов и остального мира, усиливая в то же время власть господствующего класса. Огромная производительность Соединенных Штатов в условиях капитализма не может, однако, обеспечить ни экономической устойчивости, ни безопасности. Как раз наоборот. Столь высокое развитие производства США в условиях капитализма является главной причиной отсутствия безопасности. Развитие американской внутренней экономики в течение последних 10 лет характеризуется повышением цен, которое со времени начала войны значительно превысило увеличение заработной платы.

Этот классический признак капиталистического бума рано или поздно приводит к тому, что покупательная способность основной массы населения снижается и оно оказывается не в состоянии поглощать промышленные товары, — наступает кризис сбыта. Однако при существующих условиях на некоторое время можно предотвратить опасность кризиса в США путем его экспортирования. Накопленные прибыли (в 1948 г. была получена рекордная за все время прибыль — 20 млрд. долларов¹), которые не могут быть распределены среди американского народа, становятся основой для типично империалистической экспансии американских капиталовложений за границей, захвата внешней торговли и увеличения сфер влияния. В самом деле, капитал экспортируется в небывалых масштабах. За 1947 г. американские капиталовложения за границей увеличились на 744 млн. долларов, большая часть которых представляла прямые инвестиции крупных корпораций. В 1948 г. эта цифра должна была значительно повыситься. Благоприятные возможности для американских капиталовложений при их господствующем экономическом положении неограниченны. Самые крупные их капиталы прибыли в Западную Германию и

¹ За последующие годы прибыли американских монополий значительно превысили эту цифру; так, в 1951 г. они составили 42,9 млрд. долларов. — *Прим. ред.*

Японию. Однако Франция, Италия и Испания, хотя и в меньшей степени, также открыты для капиталовложений. Кроме того, нельзя не принимать во внимание и возможностей для капиталовложений в Англии. В самом деле, этот тип эксплуатации, повидимому, одинаково приветствуют и консерваторы и лейбористы, поскольку английский четырехлетний план фактически предусматривает привлечение подобного рода капиталовложений как способ устранения дефицита в 300 млн. долларов, который ожидается на 1953 г. «Предполагается, что этот дефицит может быть покрыт за счет добычи золота и поступлений долларов из других частей стерлинговой зоны *вместе с инвестициями Соединенных Штатов в Соединенном Королевстве* и в остальной стерлинговой зоне»¹.

Однако наряду с этим США необходимо также найти возможности для сбыта массы предметов потребления и промышленных товаров; отсюда — давление для обеспечения американского экспорта путем едва прикрытой тактики демпинга по плану Маршалла². Американские монополии теперь почти открыто выступают за установление своего экономического господства во всем мире, стремясь принудить все другие страны покупать дорогостоящие американские товары и снабжать Америку дешевым сырьем. Это политика экспортирования кризиса, политика ограничения внутреннего рынка путем установления высоких цен за счет расширения внешней торговли посредством демпинга.

Картина мира в американский век, как он мерещится тем, кто осуществляет контроль над всей жизнью в США, представляет собой картину экономически процветающих

¹ «European Co-operation», HMSO, Cmd., 7572.

² См. J. J. Joseph, *European Recovery and United States Aid*, «Science and Society», New York, Vol. XII, № 3: «Политика демпинга в соответствии с мероприятиями Европейского административного совета совершенно очевидна. Она тесно связана с намерением Соединенных Штатов захватить рынки и принять целую систему мер против возможных конкурентов. Таким образом, Великобритания должна по разверстке получить на 50 млн. долларов сахара из Кубы от компаний, принадлежащих главным образом Соединенным Штатам, хотя сахар можно было бы получить из доминионов. Европейский административный совет намечает отгрузку рыбы на Британские острова почти на такую же сумму».

Соединенных Штатов, защищенных зоной «бедной белой» Европы, где низкая заработная плата в промышленности служила бы главным аргументом против требований о повышении заработной платы со стороны американских рабочих. Как Европа, так и Соединенные Штаты будут все больше находиться в зависимости от продуктов рабовладельческой черной империи, захваченной и до сих пор управляемой старыми европейскими империалистическими странами. Но политика экспорта капитала и демпинга не в состоянии застраховать капитализм от опасностей надвигающегося кризиса. Как показали последние выборы, внутреннее положение американского капитализма не очень-то обеспечено ни в экономическом, ни в политическом смысле.

Больше того, американский империализм не может надеяться на разрешение своих политических и экономических трудностей при помощи одних только экономических мер. Теперь стало невозможным, как это было в начале XX в., осуществлять империалистическую эксплуатацию при небольшом сопротивлении или даже безо всякого сопротивления со стороны ее жертв. Целый ряд территорий, как, например, Восточная Европа, теперь закрыт для подобного рода эксплуатации, а в таких отдаленных странах, как Китай и Юго-Восточная Азия, сопротивление организовано значительно лучше и проводится более успешно, чем это было до сих пор. Далее, хотя и нет конкурирующих империалистических стран, против которых необходимо вооружаться, американские капиталисты видят воезде своей политике в росте экономического и политического могущества Советского Союза.

Мир социализма

В наш век прогресса человечество все меньше волнует будущее последних стадий разложения капитализма и оно все больше обращает свои взоры к первым стадиям роста противоположной ему политической и экономической системы. Русская революция 1917 г. явилась знаменем времени. С Советским Союзом в 1948 г. приходится все больше и больше считаться при решении любых экономических и политических проблем. К тому же теперь Советский Союз

не одинок. Вокруг него группируется все больше и больше народов тех стран, которые раньше были отдаленной, заброшенной и угнетенной окраиной капиталистического мира и которые теперь, главным образом в результате войны, обратились к Советскому Союзу за помощью и руководством в деле их собственной реконструкции и защиты от постоянной опасности капиталистического закабаления и порабощения. Мы видим, как всего за три года со времени окончания войны правительства стран народной демократии Восточной Европы сумели добиться невиданных во всем остальном мире успехов в деле реконструкции своего хозяйства. Но что значительно важнее любого материального достижения — это образование действительно новых наций, ставящих своей целью достигнуть собственными усилиями постоянного роста материального благосостояния и общественной культуры.

Освободительное движение

Имеется коренное различие между планами, создаваемыми и осуществляемыми самим народом, которому они служат, и великодержавными лицемерными планами западных держав, рассчитанными якобы на улучшение положения отсталых народов, находящихся или непосредственно под империалистическим гнетом (в колониях), или под косвенным контролем (в полуколониальных странах). Во многих странах мира, особенно в Китае, Вьетнаме и Греции, национально-освободительное движение одерживает все новые и все более значительные успехи в военных действиях против сил местной реакции, широко и открыто поддерживаемой империалистическими правительствами. Нет ни одной страны, находящейся под капиталистическим гнетом, которая бы сегодня не надеялась на свое освобождение. Это обстоятельство, как и пример успешной борьбы за освобождение в ряде стран, служит одной из главных причин возрастающих реакционных устремлений старых и новых империалистических держав. Однако главной побудительной причиной освободительного движения внутри каждой страны является присущая империализму неспособность обеспечить удовлетворение насущных нужд и стремлений народов малоразвитых

стран. Это движение представляет собой непосредственную реакцию на новую волну экономической экспансии США, имеющей своей целью извлечь с их территорий наибольшее количество минерального и растительного сырья ради выгоды крупных монополий, ради удовлетворения ненасытных потребностей своей экономики и обеспечения своей военной промышленности так называемыми стратегическими материалами.

Освободительное движение не ограничивается мало-развитыми или колониальными странами. Оно ведется также и в самих империалистических странах, хотя и принимает другие формы, соответствующие их экономической структуре и недавней политической истории. Во всех странах, испытавших немецкую оккупацию, движение Сопротивления с окончанием войны не потеряло своего *raison d'être* («смысла существования»). Люди не для того шли на пытки и смерть, чтобы возродить такой общественный строй, который предал их фашизму и при котором у власти стояли и все еще стоят коллаборационисты. Несмотря на то, что во Франции и Италии путем угроз и подкупа со стороны иностранных держав удалось сохранить у власти реакционные правительства, поддерживаемые раболепствующими социал-демократами, народное сопротивление политике этих правительств там попрежнему действительно и препятствует любой серьезной попытке втянуть эти страны в военную интервенцию против Советского Союза. Небольшим европейским странам еще труднее сопротивляться экономическому поглощению их американским капитализмом, в особенности когда такие страны, как, например, Бельгия и Голландия, являются одновременно империалистическими державами, сохранение власти которых над их колониальными владениями всецело зависит от «доброй воли» США. Но даже и здесь сопротивление существует и будет возрастать по мере углубления кризиса.

Совершенно особое положение занимает Англия. В капиталистическом мире после Соединенных Штатов Англия является самой крупной промышленной страной и обладает как достаточным опытом, так и престижем благодаря своему прежнему положению господствующей империалистической державы. Хотя в результате войны и губительной

экономической политики это положение и было утрачено, а страна попала в экономическую зависимость от Соединенных Штатов, тем не менее по соображениям выгоды в не меньшей мере, чем по соображениям «сентиментальности» Англии удается скрывать свою зависимость от Соединенных Штатов, чтобы не вызвать мощное и решительное противодействие, которое, несомненно, окажет английский народ, как только он поймет, куда его ведут.

II. КУРС НА ВОЙНУ

Все это ведет к войне, ибо сам по себе объем и размах устремлений капиталистов является источником опасности для них самих. Капиталисты все больше нуждаются в охране своих интересов от возмущения эксплуатируемых ими народов, вызванного грабительской политикой империализма. Было время, когда эту охрану могли осуществлять такие ставленники международного капитала, как немецкие и итальянские фашисты и японские империалисты. Тогда еще была надежда, что эти агенты смогут удержать в повиновении свои собственные народы, подорвать и в конечном счете уничтожить основной оплот сопротивления капитализму — Советский Союз. Но они не оправдали возлагавшихся на них надежд. Прежде всего фашисты сочли более удобным напасть на слабые капиталистические страны, а затем, когда они вторглись в Советский Союз, сами народы капиталистических стран вынудили своих правителей, вопреки их воле и желанию, помогать Советскому Союзу в ликвидации фашизма.

Соединенные Штаты — оплот реакции

Теперь, с устранением открытого фашизма, роль американского капитализма как оплота реакции во всем мире становится все более очевидной. Из этого положения вытекают и соответствующие действия. До сих пор Соединенные Штаты были сравнительно мирной страной, но ее правители стали ныне на путь бешеного милитаризма, спекулируя на страхе капиталистов перед ростом подлинного социализма, а также искусно запугивая остальное население ужасами современной войны.

Имеются, конечно, и другие, более глубокие причины роста милитаризма в Соединенных Штатах. Во время войны выросла новая огромная каста офицерства, вышедшего преимущественно из среды магнатов тяжелой промышленности и тесно связанного с ней. Эта военщина непосредственно заинтересована в том, чтобы держать страну в состоянии военной тревоги. Но еще большее значение имеют экономические соображения и выгоды, извлекаемые монополистическим капиталом из огромных вооружений. Так, американская авиационная промышленность обанкротилась бы много лет назад, если бы агенты авиационных фирм в кулуарах конгресса не добились бы ассигнований на создание огромных вооруженных сил¹. И тем не менее военное производство даже в таких колоссальных размерах само по себе не сможет предотвратить кризиса перепроизводства. Только война может обеспечить достаточный сбыт продукции военной промышленности, а также соответствующие прибыли ее хозяевам и тем самым полностью загрузить капиталистическую производственную машину. (Это наглядно показано на диаграмме.)

Итак, идет лихорадочная подготовка к войне, сдерживаемая в настоящее время лишь вполне обоснованными сомнениями самих милитаристов относительно успеха подобной войны и в конечном счете сопротивлением народов как самих Соединенных Штатов, так и их союзников. Однако до тех пор пока Соединенные Штаты остаются под властью монополистического капитала, несмотря на показательные жесты и отдельные уступки, которые время от времени он вынужден делать под давлением масс, всегда будет существовать и опасность экономической катастрофы и войны. (На таблице 2 показаны данные, касающиеся различных стран, о занятости населения в промышленности. Из этой таблицы видно, что Англия по числу занятых в промышленности рабочих занимает место между Америкой и Францией.)

Не прошло и трех лет со времени окончания второй мировой войны, как уже ведутся переговоры генеральных

¹ Одна из главных фирм, Локхид, сообщила в октябре 1948 г., что 95 процентов ее продукции было предназначено для военных целей,

штабов, заключаются союзы, осуществляется гонка вооружений и общая подготовка к третьей мировой войне, причем это происходит как раз в тот момент, когда капиталистические страны уже вовлечены или стоят на пороге глубокого экономического кризиса. Эти насущные вопросы заслоняют собой все другие и препятствуют всякой возможности длительного периода реконструкции промышленности. Наиболее характерной чертой современного международного положения является стремление к территориальному и идеологическому расколу мира, что влечет за собой возрастающую поляризацию народов, которые вынуждены выбирать между капитализмом и социализмом, и приводит к открытому признанию экономической и политической зависимости всех капиталистических стран от Соединенных Штатов.

Таблица 2

Занятость рабочих в промышленности, на шахтах, строительстве и транспорте (за исключением торговли, финансов, работы по личному найму и сельского хозяйства)

Страны	Число рабочих (в тысячах)
Соединенные Штаты (1946)	20 763
Великобритания (1946)	10 184
Франция (1946)	4 075
Канада (1941)	1 574
Германия (без Саара и Австрии) (1935)	16 289
Япония (1930)	7 057
СССР (1936)	22 млн. (данные не вполне сопоставимы с другими цифрами)
Всех рабочих и служащих (1941)	31 500
По плану на 1950 г.	33 000

Политика, основы которой были заложены союзниками во время войны и которая окончательно оформилась в Потсдаме, теперь открыто отвергается американской и английской сторонами. Эта политика предусматривала послевоенное сотрудничество в деле совместного обеспе-

чения мирного строительства, в особенности в опустошенных странах Европы и Азии, и должна была проводиться с помощью Объединенных Наций и осуществляться в каждой стране правительствами, представляющими все слои населения, которые боролись против Гитлера и Муссолини. Тогда казалось, что благотворное развитие мира будет продолжаться, по меньшей мере, десятилетия при наличии различных политических и экономических систем, сосуществующих друг с другом. Это было и остается целью советской политики, но все более решительно отвергается в Англии и в Америке, Черчиллем и де Голлем в теории, Бевингом и Трумэном на практике.

«Холодная война»

Между тем американо-английская политика стала политикой заключения все более милитаристских пактов и союзов, политикой создания их материальной базы и общего усиления колониальной эксплуатации. Наиболее важными и значительными результатами этой политики являются мероприятия по восстановлению германской и японской экономики под наблюдением наиболее реакционных элементов в этих странах — мероприятия, возрождающие именно ту опасность, предотвратить которую должна была вторая мировая война. Кроме того, эта политика рассчитана на поддержку реакционных режимов, где бы они ни находились, что находит свое выражение в вооруженном вмешательстве во внутренние дела Греции и Китая, а также в экономической и политической помощи фашистским режимам Испании, Португалии, Южной Америки и Среднего Востока.

Эта политика получила теперь свое собственное имя — «холодная война» с Советским Союзом, война, которая все более и более походит на прежнюю политику антикоминтерновской оси фашистских государств. Термин «холодная война» извращенно применяется сейчас, когда речь заходит о «войне», которую Советский Союз якобы ведет против своих союзников. В действительности же он появился главным образом как результат английских подстрекательств, названных Черчиллем в Фултоновской речи 1946 г. «твердой политикой по отно-

шению к русским», политикой, подкрепленной атомной бомбой.

В настоящее время все более явно обнаруживается тенденция к возврату, насколько это возможно, к довоенному состоянию капиталистического мира. Только такие ярые империалисты, как Черчилль, желали бы полной реставрации, включая воссоединение Индии и Бирмы с Британской империей и восстановление в странах Восточной Европы неспособных к управлению и тиранических правительств, которые были навязаны этим странам союзниками-победителями в первой мировой войне. Но теперь невозможно проводить реакционную политику теми же циничными приемами, которые применялись в период между двумя мировыми войнами. Народы слишком хорошо познакомились с ними, чтобы о них забыть. Вот почему лицемерие теперь стало правилом. Та же самая политика теперь выступает под новыми названиями: план Маршалла — для экономического восстановления; «Западный союз» и Атлантический пакт — для защиты демократии.

Преимущества подобной терминологии в том, что она обеспечивает им искреннюю поддержку огромного большинства тех честных людей, которые еще верят, будто все эти планы предназначаются их инициаторами для достижения экономического процветания и мира, тогда как для высокопоставленных вдохновителей этой политики, в особенности в Америке, лицемерие этих планов совершенно очевидно. Они достаточно хорошо знают о действительных целях этой политики: обеспечение эффективного господства Соединенных Штатов во всем мире, включая и Советский Союз, и в конечном счете восстановление капиталистической «свободы» во всех частях света.

План Маршалла

План Маршалла изображается как план восстановления экономики некоторых западноевропейских стран, предусматривающий, как сказал в своей речи в палате общин 11 ноября 1948 г. Стаффорд Криппс, достижение ими в течение пяти лет «полной независимости от сколько-нибудь значительной помощи извне». Но если бы даже программа

восстановления Европы оказалась выполнимой — что в свете недавних событий было бы более чем удивительным, — то к концу намеченного срока она фактически поставила бы европейскую экономику в полную зависимость от Соединенных Штатов, а ее политический строй — под господство реакционных капиталистических элементов. В памфлете лейбористской партии «Обеими ногами на земле» («Feet on the Ground») ясно показано, что в каждой стране, получающей американскую помощь, реакционные партии поддерживаются большинством¹ и по мере объединения Западной Европы, в особенности после включения в нее далеко не денацифицированной Западной Германии, господство реакции становится все более тяжелым. Результатом этих событий является восстановление власти капиталистов, что влечет за собой реставрацию именно тех экономических и политических сил, которые в свое время привели страны Западной Европы к фашизму и войне.

В экономическом отношении план Маршалла порочен уже в самой своей основе. Как указывалось в докладе Европейской экономической комиссии в 1948 г., западно-европейские страны со времени окончания войны проявили стремление к увеличению своего импорта из Западного полушария и сокращению ввоза из стран Восточной Европы, что, принимая во внимание более низкую производительность труда в странах Западной Европы по сравнению с Соединенными Штатами, не дает им возможности выйти из состояния постоянного дефицита торгового баланса.

Увеличение торговли с Восточной Европой, в особенности в восстановительный период, обмен промышленными товарами, производимыми в более индустриальных западных странах, на продовольствие и сырье из Восточной Европы, были бы исключительно выгодны обеим сторонам и представляют единственно возможный путь к созданию действительной прочной и процветающей европейской экономики.

¹ Они господствуют благодаря определенной системе выборов, и это показывает, что и сами лейбористы представляют меньшинство английского народа и что они говорят об этих законах только для того, чтобы оправдать свое прислужничество перед американцами.

Европа — американская колония

Одним из показателей подлинных намерений инициаторов плана Маршалла является их отношение к росту производства в Европе. План Маршалла ставит своей целью по возможности предотвратить индустриализацию Восточной Европы. Например, по плану Маршалла уже приняты меры против развития торговли между Польшей и Францией, и французское правительство вынуждено покупать дорогой германский уголь вместо дешевого польского и платить за него долларами. Подобного рода ограничения установлены и на импорт стали из Австрии в Чехословакию. Далее, специальное запрещение Соединенными Штатами торговли теми видами товаров, которые могут иметь военное значение, распространено на столь огромную часть продукции машиностроительной промышленности, в особенности на электротехническое оборудование, что становится очевидной не только военная, но и экономическая цель подобного запрещения¹. Предложение Советского Союза о том, чтобы Европейская экономическая комиссия учредила комитет содействия индустриализации разоренных войной стран, было отвергнуто по настоянию английского и американского правительств. Почти

¹ «В данный момент Соединенные Штаты отказали в выдаче лицензий на экспорт в Польшу примерно 70 видов товаров, которые та обычно ввозила из Соединенных Штатов; стоимость этих товаров составляет около 10 млн. долларов...

Можно было бы спросить, не объясняется ли отказ Соединенных Штатов в выдаче лицензий на экспорт в Польшу военными соображениями и не считает ли американское правительство, что эти лицензии могут способствовать военному усилению Польши. Судите сами: товары, о которых идет речь, — это хлопок-волокно, синтетический каучук, конденсаторы, радиолампы, измерительные приборы, пластинки для граммофонной записи, иглы для текстильной промышленности, шарикоподшипники и т. д. Можно ли поверить, что эти товары являются военными материалами, экспорт которых ставит под угрозу американские интересы?

Вы все знакомы с мероприятиями по... Акту об экономическом сотрудничестве (the Economic Co-operation Act) от 1948 г., который составляет основы того, что обычно называется планом Маршалла. Этот Акт дает администратору плана Маршалла право не допускать экспорт сырья и полуфабрикатов в любую страну, принимающую участие в плане Маршалла, если эти товары могут служить для производства готовой продукции, которая в свою очередь может быть

с таким же неодобрением было встречено ими и предложение об индустриализации в широких масштабах Западной Европы, исключая Германию. Например, новый план для Франции предусматривает производство гораздо большего количества продовольствия и значительно меньшую выплавку стали. В общем, становится очевидным, что в соответствии с планом Маршалла Европа не будет иметь возможности конкурировать с Соединенными Штатами по основным отраслям промышленности; ей разрешается лишь производство продовольствия, а также выпуск некоторого количества продукции легкой промышленности и предметов роскоши путем эксплуатации дешевой рабочей силы для собственных нужд и для того, чтобы компенсировать высокую заработную плату в самих Соединенных Штатах.

Часто говорят, что помощь по плану Маршалла ограничивается западноевропейскими странами потому, что страны Восточной Европы отказались принять в нем участие. Однако их отказ был вызван самим характером плана Маршалла, направленного на распространение принципов капиталистической эксплуатации под видом свободных экономических сношений. Еще в XIX в. было признано,

экспортирована этими странами в любую европейскую страну, не участвующую в плане Маршалла... Правительство Соединенных Штатов оставило за собой право руководить всей экспортной политикой этих стран, очевидно, чтобы иметь возможность не допускать экспорт в страны Восточной Европы...

Как можно примирить заявление мистера Гоффмана, администратора плана Маршалла, о необходимости экономического восстановления пострадавших от войны стран и укрепления экономических связей между Восточной и Западной Европой с его требованием, чтобы Западная Европа не допускала «военной контрабанды» в Восточную Европу? Означает ли это, что мистер Гоффман намерен запретить странам Западной Европы экспортировать в Польшу измерительные приборы или запасные части для тракторов, подобно тому как это запрещает теперь правительство Соединенных Штатов? Если это так, то каким образом мистер Гоффман намерен улучшить посредством вывоза из восточноевропейских стран снабжение продовольствием Западной Европы, если он в то же время отказывается Восточной Европе в необходимом для нее сельскохозяйственном оборудовании». (Выступление министра иностранных дел Польши и председателя польской делегации на заседании Второго комитета Третьей сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций, Париж, 2 ноября 1948 г.)

что свободная торговля между странами с различным уровнем экономического развития означает подчинение слаборазвитой в экономическом отношении страны стране экономически более сильной. Вот почему свободная торговля была столь популярной в царствование английской королевы Виктории, вот почему менее развитые страны защищались тогда против свободной торговли с помощью системы тарифов. План Маршалла, не имеющий ничего общего с защитой интересов слабых стран, обязывает их содействовать односторонней свободной торговле. Кроме того, много говорилось о «бескорыстности» плана Маршалла с его подарками и займами. Это старая история. Известно, что в давнопрошедшие времена банкиры в империалистических странах Европы часто предоставляли займы и оказывали поддержку турецким пашам и китайским мандаринам, но все это делалось отнюдь не бескорыстно. Западная Европа также начинает испытывать все прелести своего превращения в колонию, и последствия этого не заставят себя долго ждать. Страны, правительства которых оказались способными защитить их от подобного рода эксплуатации, не могли, естественно, принять план Маршалла на этих условиях. Но реакционные или слабые «социалистические» правительства Западной Европы предпочли подчиниться капиталистической Америке, жертвуя экономическим развитием и независимостью своей собственной страны.

План Маршалла удобен также тем, что противодействие любой его части может быть приписано влиянию «Коминформа» и сразу же расценено как государственная измена. Ссылаясь на это, во Франции и Италии становится возможным расстреливать бастующих, издавать антирабочие законы и препятствовать проявлению солидарности с ними их товарищей — рабочих Англии и Америки. В тех же странах, где события еще не зашли так далеко, во имя плана Маршалла замораживают заработную плату, одновременно повышая цены, а ставшие традиционными протесты профсоюзов подавляются угрозами обвинения их в содействии иностранному коммунизму.

Тем не менее какой бы то ни было неуклонный рост производительности труда может быть достигнут только при полнейшей поддержке борющихся рабочих, но о такой

поддержке не может быть и речи, пока наше правительство проводит политику сотрудничества с капиталистами, политику репрессий по отношению к рабочему классу.

Действие плана Маршалла на деле приводит к уменьшению возможностей экономического восстановления всех тех стран, на которые он распространяется; в особенности же это относится к Англии, где вследствие политики Криппса «все для экспорта» и сокращения капиталовложений потеряно драгоценное время, необходимое для повышения производительности труда на основе применения науки и техники. Успехи этой экспортной политики весьма сомнительны; кажущееся улучшение платежного баланса произошло главным образом в результате непосредственных поступлений, в том числе 100 млн. фунтов стерлингов за продажу аргентинских железных дорог, построенных на английские деньги. Как производственная, так и экспортная программы были снижены, и возможности их осуществления весьма сомнительны ввиду незавидного положения Англии на мировом рынке, которое еще более ухудшится, когда германские и японские товары (произведенные по плану Маршалла и благодаря американским капиталовложениям) начнут конкурировать с британскими товарами.

Все это должно обеспечить рынок для сбыта огромного излишка американской продукции на условиях, продиктованных американцами: заставить маршаллизованные страны покупать те товары, какие им предложат американские монополии, и ограничить развитие основных отраслей промышленности (сталелитейной, машиностроительной, химической), которые могли бы поставить маршаллизованные страны на собственные ноги, могли бы обеспечить их независимость и даже способность конкурировать с американской продукцией, сохраняя постоянную экономическую зависимость этих стран.

Таким путем американские капиталисты надеются, очевидно, предотвратить наступление неизбежного кризиса, опасность которого для них совершенно очевидна. Фактически происходит процесс экспортирования кризиса из Америки в маршаллизованные страны — распространение его из центра на периферию. Экономические мероприятия по плану Маршалла, которые привели к ограни-

чению капитального переоборудования промышленности и к снижению жизненного уровня, могут только ускорить начало экономического кризиса в его классической форме в Англии, Франции и в других западноевропейских странах.

Военная сторона плана Маршалла

Следует напомнить, что план Маршалла представляет собой только вторую стадию американской программы действий, исходным пунктом которой явилась так называемая «доктрина Трумэна» — доктрина, выражающая готовность правительства Соединенных Штатов поддерживать деньгами и оружием все правительства, стремящиеся подавить влияние коммунистов внутри страны или проводить политику, враждебную Советскому Союзу. Стоит ли распространяться о «демократическом» характере этих правительств, равно как и о том, сколько в них коллаборационистских или фашистских элементов! Что означает «доктрина Трумэна», хорошо видно из того, что она прежде всего была распространена на Грецию, Турцию, Иран и Китай. Все эти страны были избраны не по экономическим соображениям, а потому, что они являются удобными базами для военного нападения на Советский Союз. План Маршалла является распространением этой политики на Западную Европу с соответствующей маскировкой, потому что эти страны еще не связаны такими диктаторскими режимами, как режимы стран Среднего и Дальнего Востока.

Эта сторона плана Маршалла как средства защиты капитализма («индивидуализма», «свободы», «демократии», «американского образа жизни» и т. д.) от коммунизма совершенно открыто подчеркивается в Соединенных Штатах. Именно эта сторона плана Маршалла была главным доводом, сделавшим его приемлемым для конгресса. Президент Трумэн в своем послании конгрессу 19 декабря 1947 г. отмечал: «Наша глубочайшая забота о возрождении Европы объясняется тем, что оно является существенно необходимым для сохранения той цивилизации, на которой покоится американский образ жизни». Администратор Европейского административного совета Гоффман выразил это более неуклюже: «Процветание посредством

Программы восстановления Европы (ERP) — могущественное противоядие против коммунизма»¹.

С тех пор события зашли еще дальше.

Применение плана Маршалла проходит через две стадии: сначала политическая, а затем стратегическая подготовка войны. Политическая цель — добиться того, чтобы все охваченные этим «планом» страны имели правительства, послушные американской стратегической политике; это влечет за собой прежде всего раскол демократической коалиции, включающей коммунистов. Во Франции и в Италии под американским нажимом пришли к власти неустойчивые, реакционные правительства (а не коммунистические партии), которые разрушают экономику своих стран. Пока коммунисты оставались в составе правительства, они лояльно сотрудничали и действительно брали на себя инициативу в деле восстановления промышленного производства в своих странах. Их «преступление» состояло в том, что они настаивали, чтобы это не делалось в ущерб рабочему классу. Выведение их из состава правительства послужило сигналом для наступления на жизненный уровень рабочего класса и появления режима коррупции, черного рынка и инфляции.

Политическая цель плана Маршалла — создание устойчивых, послушных капиталистических правительств — не была и не может быть достигнута. Противоречия капитализма заложены очень глубоко. В Соединенных Штатах единственно логичным, но все же совершенно бесполезным дальнейшим шагом является установление фашизма. Но нельзя сбрасывать со счетов и военные приготовления. Во-первых, необходимо обеспечить базы для бомбардировщиков в Западной Европе и в особенности в Англии, во-вторых, перевооружать западноевропейские страны для создания наземных войск, способных удерживать эти базы до прибытия подкреплений из Америки, и, в-третьих, создать такую индустриальную базу в Германии, которая поставит снаряжение, рабочую силу и, наконец, солдат для нападения на Советский Союз.

Подобного рода планы открыто обсуждались не только в американских журналах, но и в официальной английской

¹ «Senate Hearings», January, 1948.

периодической печати, например в «Обсервер». О том, что эти планы в военном отношении бессмысленны, не говорится, но один американский официальный военный комментатор откровенно заявил, что народы Западной Европы не в состоянии и не желают играть роль своеобразного буфера в атомной войне между Соединенными Штатами и Советским Союзом. И тот факт, что американцы рассматривают большую часть континентальной Европы как своего рода «амортизатор», имеет некоторое отношение к ее народам. Военные планы Черчилля от Фултона до Лландидно¹ на деле могут оказаться столь же безрассудными, как и расчеты, соблаздившие Гитлера напасть на Советский Союз; но тем не менее эти планы энергично проводятся в жизнь.

Если бы не проводилась гонка вооружений, которая уже навязана странам Западной Европы, то совершенно не было бы и большей части ее экономических последствий. В частности, Англия, имея вооруженные силы в количестве 800 тыс. человек и расходуя — прямо или косвенно — на военные цели около 1 млрд. фунтов стерлингов ежегодно, была бы в состоянии сводить свой внешнеторговый баланс без особой помощи со стороны Соединенных Штатов. «Помощь» по плану Маршалла можно фактически рассматривать как замаскированную субсидию государствам Западной Европы на подготовку войны против Советского Союза — субсидию, прикрытую лживой пропагандой, будто мы в Англии должны относиться к американской помощи, как дальновидному великодушию и вкладу из высоких идеальных побуждений в дело мира во всем мире.

Впрочем, этого оказывается недостаточно. Ни Западная Европа, ни Западная Германия не создают вооруженных сил с такой быстротой, какая должна соответствовать американским темпам «холодной войны». Но мало того, что предусматривается вступление в силу военных пактов «Западного союза», создание и функционирование объединенных штабов: от нас требуется и дальнейшее усиленное

¹ В Фултоне (в марте 1946 г.) и в Лландидно (на конференции консерваторов в октябре 1948 г.) Черчилль выступал с известными речами, посвященными внешнеполитическим вопросам. — *Прим. ред.*

переворужение, а в ближайшем будущем предвидится Атлантический пакт, включающий в себя мероприятия по ленд-лизу и снабжение американским оружием. Если это произойдет, то будет очень трудно поддерживать иллюзию, будто Западная Европа является чем-либо иным, кроме совокупности буферных государств-сателлитов, население которых предназначено для того, чтобы работать, воевать и умирать за своих американских «благодетелей».

Атомная бомба

С приготовлениями к войне, столь усердно проводимыми сейчас под предлогом защиты «западной цивилизации», связано и самое деятельное усовершенствование и подготовка к немедленному применению новейших достижений нашей цивилизации — атомной бомбы, радиоактивных отравляющих веществ и бактериологического оружия. Война также приобретает «научный» характер, и правительства Соединенных Штатов и Англии затрачивают в несколько раз больше средств на производство и исследования этих ужасных средств войны по сравнению с тем, что они склонны израсходовать на улучшение здравоохранения и благосостояния своих народов.

Вышедшая недавно книга профессора Блэкетта «Военные и политические последствия использования атомной энергии»¹ показывает нам, что атомная бомба имеет гораздо большее значение в качестве психологического и политического средства, чем в качестве военного оружия. Другие виды «научной» войны, поражающие без разбора гражданское население, защитить которое значительно труднее, чем армию, только подтверждают приведенное выше соображение. Массовая бомбардировка городов доказала свою бесполезность в деле достижения победы во второй мировой войне. Но она оказалась чрезвычайно полезной для превознесения значения стратегических военно-воздушных сил в качестве самостоятельного рода оружия и тех отраслей промышленности, которые существуют единственно благодаря производству боевых самолетов.

Однако политическое значение новых террористических

¹ P. M. S. Blackett, *The Military and Political Consequences of Atomic Energy*, Turnstile Press, 1948.

видов оружия огромно. Сообщения о взрыве атомной бомбы посеяли страх и ужас в особенности среди американского и до известной степени английского народов. Вполне естественному страху перед атомной бомбой невольно способствовали некоторые ученые, которые, руководствуясь самыми лучшими намерениями, хотели так запугать весь мир, чтобы заставить его отказаться от этого оружия. Но это привело лишь к тому, что этот страх был искусно использован, чтобы добиться как раз противоположного результата, а именно: оправдания расходования наибольшей части народных денег для производства еще более ужасных вооружений как якобы единственного средства обороны. Следует также отметить глубокое чувство виновности, главным образом в Америке, за бессмысленное и ужасное убийство сотен тысяч мирных людей при демонстрации нового вида оружия в самом конце войны, когда победа была уже обеспечена. Как только народ поймет, что в действительности взрыв атомной бомбы открывал третью мировую войну против Советского Союза, а японцы были только невольными жертвами (тезис, достаточно обоснованный документами в книге Блэкетта), это чувство виновности усилится. Но вместе с тем усилятся и попытки избавиться от этого чувства посредством запугивания народа мощью Советского Союза, с тем чтобы любые средства уничтожения СССР показались бы оправданными.

Огромные военные преимущества атомной бомбы, как это усердно старается доказать американская военная клика и ее вдохновители, состоят в том, что, пока Соединенные Штаты владеют ею монопольно, войну, дескать, можно вести без потерь со своей стороны — только за счет противника. Хотя эта надежда и была в некоторой степени дискредитирована, все же она продолжает оставаться основой пропаганды превентивной войны. «От полного подчинения коммунистической тирании сегодня нас спасает лишь атомная бомба в руках Америки», — заявил Черчилль в своей пресловутой речи в Лландидно. Старый проповедник пацифизма лорд Рассел не может ждать нападения — он хочет сбросить бомбу немедленно. Основная экономическая несостоятельность подобного ходячего мнения о возможности вести войну с помощью одних атомных

бомб заключается в том, что оно не оправдывает ни денежных расходов, ни мобилизации солдат, одинаково необходимых как для поддержания капиталистического производства на уровне бума, так и для подавления сопротивления рабочего класса. Отсюда — все большее подчеркивание необходимости в других родах войск: военноморском флоте, артиллерии, танках и массовых армиях.

Призрак милитаризма, с которым мы боролись и стремились его искоренить в течение двух войн, возник снова и будет существовать до тех пор, пока существует капиталистическое господство, которое нельзя представить без сопутствующего ему милитаризма. Милитаризм издавна связан с реакцией в политике и культуре. Когда генералы начинают появляться на политической арене, то свобода вскоре исчезает. И совсем не случайно, что автором плана Маршалла явился начальник генерального штаба или что в роли претендента в диктаторы Франции выступает генерал де Голль. Военная и экономическая реакция — естественные союзники.

«Западный союз»

Но милитаризм нашей эпохи не является многонациональным или даже империалистическим милитаризмом первых десятилетий XX в. Это, по сути дела, — именно американский империализм, и ничто больше. Армии других капиталистических государств будут не более независимыми, чем были венгерская или румынская армии под властью нацистов. Они будут вооружены Америкой, обучены по американским военным уставам и будут действовать под командованием американских офицеров. Возможно, будет сохранена некоторая видимость самостоятельности путем назначения «союзных» командующих вроде генерала Монтомгери или, может быть, попытаются объявить «Западный союз» вместе с колониальной империей третьей силой, пользующейся равным статусом с Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом.

«Несомненно, что если бы страны Западной Европы могли действовать совместно, — говорится в уже упомянутом выше памфлете «Обеими ногами на земле», — то их общие ресурсы населения, промышленной мощи и сырья

составили бы такую силу в мире, которая была бы равной силе Советского Союза или Америки».

В действительности же страны «Западного союза», будучи прикованы к Соединенным Штатам экономически, политически и в военном отношении, к концу срока действия плана Маршалла попадут в еще большую зависимость. Только Англия и Германия представляют собой первоклассные промышленные страны. Как уже указывалось, план Маршалла не предусматривает какого бы то ни было развития тяжелой промышленности в Англии¹. Поскольку же это позволяет германской промышленности, и ей в этом даже оказывается помощь, она рассматривается как отрасль американской тяжелой промышленности. А без базы тяжелой индустрии и военной промышленности, для создания которых «Западный союз» не имеет ни достаточного количества рабочих, ни оборудования, он не может вести самостоятельных военных действий и способен лишь эксплуатировать колонии, которые вряд ли могут сделать что-нибудь, кроме снабжения Европы суррогатами продовольствия и Соединенных Штатов стратегическим сырьем.

Фактически «Западный союз» является отрицанием национальной независимости исторически сложившихся стран Европы. Причем правительства этих стран сочли отказ от своей национальной независимости меньшим злом, чем установление народно-демократического строя при руководстве со стороны рабочего класса. В экономическом и военном отношении этот союз представляет собой пустой и бесполезный жест. Правда, формальное объединение 260 млн. населения создает видимость большой силы. Однако сила союза или объединения никогда не может быть больше силы составляющих его единиц, а поэтому объединение стран Европы с их продажными и реакционными правительствами только умножит их слабости и раздоры. И, кроме всего этого, они не смогут заручиться поддержкой своих собственных народов, которые по мере

¹ И действительно, посредством ограничения импорта металлического лома и едва замаскированного политического давления была подорвана одна из важнейших отраслей тяжелой промышленности — судостроение, а другие отрасли поставлены под угрозу сокращения капиталовложений.

того, как события будут просвещать их насчет подлинных целей их правительств, станут оказывать все более действенное сопротивление.

Англия под игом плана Маршалла

Естественным следствием присоединения Англии к плану Маршалла и «Западному союзу» является усиление всех отрицательных и реакционных черт внутренней политики английского правительства. Консерваторы не замедлили указать, что чем больше Англия сотрудничает с правыми, антикоммунистическими правительствами, тем труднее будет формирование любого социалистического правительства в самой Англии. За вывеской социализма сохраняется капиталистическая экономика Англии, вопреки, или, скорее, даже благодаря национализации, принесшей с собой разом невыносимое бремя выплаты бывшим владельцам национализированных предприятий ренты, процентов и прибылей. Политика задержки развития производства средств производства приводит к тому, что промышленность не может получить требуемого оборудования, необходимого для достижения более высокого уровня производства. Это ведет к более тяжелой работе и к увеличению рабочего дня — процесс, который пытаются замаскировать использованием психологических побуждений. В то же время повышение цен вызывает снижение реальной заработной платы, а всякая попытка улучшить положение трудящихся отвергается как «пропаганда Коминформа»¹.

При таких тяжких ограничениях английская экономика оказалась не в состоянии оправиться от последствий войны и потерь многих своих имперских источников дохода.

¹ Вениамин Франклин говорил: «Желать снижения заработной платы для того, чтобы способствовать вывозу товара, — значит стараться свергнуть своих граждан в состояние нищеты, чтобы иностранцы могли покупать товары по дешевым ценам; это по большей части является попыткой обогащения немногих купцов путем разорения всей нации; это значит перейти на сторону более сильного в этой — и так уже столь неравной — борьбе между человеком, который может платить заработную плату, и тем, кто зависит от ее получения» [Extract from Political Economy (Works of Benjamin Franklin, Boston, 1847), p. 437].

Вместо того чтобы реконструировать саму базу британской промышленности и для этого использовать великолепное оборудование и рабочую силу, которыми обладает Англия, лейбористское правительство встало на гибельный путь зависимости от американской «помощи», за которую оно оказалось вынужденным расплачиваться превращением в простого агента американских монополий в деле восстановления капитализма в Европе вообще и в Западной Германии в частности, а также в деле восстановления власти империалистов во всем мире. Лейбористское правительство действительно превратило Англию в заповедник капитализма, или, быть может, более точно — в заповедник американского капитализма.

Политическая и экономическая жизнь в Англии определяется тем, насколько быстро она подчиняется экономической политике плана Маршалла, а также политике милитаризации, проводимой «Западным союзом». Если же подчинение Англии политике плана Маршалла и «Западного союза» ставится под сомнение, то это рассматривается как доказательство нелояльности или даже как измена. Гонка вооружений влечет за собой усиление реакции, что уже привело к увольнению с работы всех, кто хоть немного подозревался в оппозиции к официальной политике; чистка уже распространилась с министерства вооружений на государственную гражданскую службу и отсюда — на общественные и частные предприятия, а теперь затронула даже профессиональные союзы.

Создание все больших вооруженных сил неизбежно связано с пропагандой против наших бывших союзников, и с течением времени эта пропаганда все больше походит на пропаганду наших общих врагов — Муссолини и Гитлера.

Это означает все более и более тесное сближение лейбористской партии с наиболее реакционными элементами нашей страны, вплоть до фашистов, чью пропаганду с таким старанием защищал лейбористский министр внутренних дел. Конечная цель этой политики лейбористов заключается в том, чтобы обеспечить повиновение внутри страны и агрессивность вовне, к тому же сделать новую войну возможной еще до того, как будет забыта минувшая война.

Противоречия плана Маршалла

Очень важно понять, что план Маршалла, как и породивший его капитализм, раздирается многочисленными противоречиями. «Планы» различных маршаллизованных стран непримиримы потому, что каждая из них добивается сокращения импорта из других стран и в то же время увеличения своего экспорта. К тому же желание бороться против коммунизма несовместимо со стремлением предотвратить опасность распространения американского кризиса на Европу. Увеличение экспорта и сокращение импорта в странах Западной Европы предполагает восстановление в них независимой, конкурирующей капиталистической экономики, а это противоречит непосредственным экономическим интересам Америки. Эти противоречия будут выливаться в колебания и компромиссы. Возможно, станет необходимым, и особенно в случае, если перевооружение Западной Европы пойдет достаточно туго, предусмотреть несколько бо́льший масштаб промышленного развития (даже в Англии), чем этого хотели бы американские монополии.

Однако следствием политики гонки вооружений явится приток американских капиталовложений в тяжелую промышленность и быстрое восстановление германской и японской экономики, что из-за невозможности немедленного перевода ее целиком на производство вооружения приведет к затруднениям в сбыте товаров другими капиталистическими странами. Впрочем, господствующее положение американских монополий дает им возможность определять в конечном счете характер и направление западноевропейской экономики и политики, и какой бы она ни была, она останется реакционной и милитаристской.

В результате европейским странам, и в частности Англии, план Маршалла сулит следующие плоды: экономическую и политическую зависимость от Соединенных Штатов Америки; ограничение роста основных отраслей промышленности, сокращение капиталовложений и срыв послевоенного восстановления; увековечивание капиталистической системы под эгидой Соединенных Штатов Америки; начало нового экономического кризиса капитализма;

военные приготовления для войны против Советского Союза.

Эта политика гонки вооружений не имела успеха, на который рассчитывали ее вдохновители, ни в Англии, ни в Америке, не говоря уже о Франции и Италии. Измученные войной люди враждебно относятся к кампаниям по вербовке солдат и к реакционной политике крайне правых элементов. Чем более открыто политические вожжи начинают выступать в защиту реакции, тем скорее их отвергают избиратели. Действительная политика Трумэна является политикой засилия монополий внутри страны и военных приготовлений за рубежом, хотя избирательную кампанию он выиграл под лозунгом «права для рабочих и мир». Народы всего мира, и в не меньшей степени народы Америки и Англии, настроены против политики, которую проводят их правительства, их экономические и военные боссы. Но прежде чем это народное недовольство может стать эффективным перед лицом заградительного огня лживой пропаганды, народ должен научиться различать между мирными проповедями и воинственными действиями своих правителей.

III. ЗАВИСИМОСТЬ НАУКИ ОТ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ

Как настоящее, так и будущее науки всецело зависит от экономики и политики, развитие которых было рассмотрено выше. В целом направление и интенсивность научной работы следует за развитием экономики и политики данной страны, несколько отставая во времени, причем это расстояние сокращается с каждым годом. Любое важное изменение в политике немедленно изменяет и тип работы, выполняемой учеными или инженерами, по выпуску продукции или контролю за производством ее, а после небольшого промежутка времени происходит изменение и самого направления научной разработки и исследования. В целом же этот процесс оказывает влияние и на направление подготовки ученых будущего.

В настоящее время в Англии видно три главных направления, по которым стремятся использовать науку. Это, во-первых, тенденция к сосредоточению внимания науки

на военных исследованиях; во-вторых, тенденция к перенесению центра тяжести научных исследований на производство продуктов, предназначенных для немедленного вывоза, и к игнорированию проблем, решение которых обеспечило бы длительное развитие промышленности, и, наконец, тенденция к ведению изыскательских работ в колониях. А научно-исследовательские работы для непосредственного улучшения благосостояния народа, жилищного строительства, здравоохранения, огородничества и садоводства идут настолько медленно, что они занимают все меньшее место в программах научно-исследовательских работ всей страны.

Ту же картину мы видим и в других капиталистических странах с присущими им особенностями и видоизменениями. Тем не менее во многих европейских странах на нужды науки тратится более чем недостаточно средств, а отпускаемые на научные исследования средства настолько малы, что, несмотря на работу немногих блестящих ученых, дальнейшее существование науки находится там в опасности. Во Франции расходы на гражданскую научно-исследовательскую работу составляют всего лишь около 8 млн. фунтов стерлингов в год, из которых 1 млн. фунтов стерлингов предназначен на основную научно-исследовательскую работу. Таким образом, плохо оплачиваемые научные работники теряют всякую охоту заниматься своим делом.

Господствующее положение США в области науки

Тот факт, что наука в Америке обладает абсолютным превосходством в средствах, имеющихся в ее распоряжении, оказывает разлагающее влияние на науку всех остальных капиталистических стран. Это позволяет переманивать в Америку видных и способных ученых, соблазняя их более высоким жалованьем. В условиях политических и экономических потрясений в Европе это привело к массовому отъезду оттуда — вероятно, больше половины — самых выдающихся ученых.

Было установлено (в частности, комиссией по научным кадрам), что в Англии ощущается острый недостаток в

ученых, который станет, вероятно, еще более острым, если не будет улучшено дело подготовки научных кадров. Это привело к тому, что Англия была вынуждена обращаться с просьбой к Соединенным Штатам дать геологов для разведок в Британской империи, в то время как подготовка своих собственных геологов из года в год сокращалась из-за отсутствия перспектив для них на получение работы по специальности.

Вероятно, нет другой такой сферы человеческой деятельности, в которой влияние Соединенных Штатов на остальной капиталистический мир было бы столь очевидным, как в науке, и это влияние обнаруживается больше в прикладной науке и в военном деле, чем в старых, более фундаментальных отраслях науки. Интересно отметить, например, тот факт, что не так давно в одном обзоре было указано, что английские ученые читают больше американскую, чем английскую, научную литературу (доклад информационной конференции Королевского общества, 1948 г.).

Наука в Советском Союзе и в странах народной демократии

Полную противоположность положению при капитализме представляет развитие науки в Советском Союзе и в странах народной демократии. В советской стране с 1917 г. и по настоящее время проводится последовательная политика развития науки в соответствии с экономическими и общественными потребностями народа. Значительная часть планов развития науки, которые теперь приняты в Соединенных Штатах, Англии и Франции, основаны на опыте Советского Союза, но в этих странах нет того, что есть в СССР, — экономических принципов и плана, с которыми могут быть тесно увязаны научные исследования. В Советском Союзе ведется, разумеется, научно-исследовательская работа и в военной области, достаточная для того, чтобы преподнести врагам весьма неприятные сюрпризы, как это испытали на себе нацисты, но она не подменяет и не подчиняет гражданские научные исследования, как это делается в Англии и в Соединенных Штатах. Даже во время войны гражданская наука,

которая практически оказалась в тупике в других странах, в Советском Союзе процветала и развивалась.

Задача, вставшая перед наукой в странах народной демократии, была значительно более тяжелой, чем в любой западной стране, вследствие низкого уровня развития науки, обусловленного длительным германским политическим и культурным господством перед войной, а также проводимой во время войны нацистской политикой преднамеренного уничтожения всей интеллигенции. Тем не менее страны народной демократии за три с небольшим года своими героическими усилиями смогли развить организацию и практику науки в связи с проблемами реконструкции и приступить к подготовке многих тысяч новых научных кадров для дальнейшего поднятия экономического и культурного уровня своих народов. В этих странах, как и в Советском Союзе, огромным преимуществом является то, что будущие ученые готовятся не только из среды интеллигенции, ставшей почти наследственным сословием, гражданских служащих, людей свободных профессий и учителей, но и из представителей всех слоев населения. В Англии и в Соединенных Штатах с их мнимыми демократическими традициями ничего подобного нет. Считается, что только 20 процентов выходцев из рабочих семей в Англии и еще меньшая доля в Соединенных Штатах получает университетское образование.

Наука на службе войны

Величайшее и наиболее опасное извращение науки, имеющее место в Англии и в Соединенных Штатах, состоит в использовании ее для подготовки войны. Имеется три отрицательных момента, воздействующих на науку и усугубляющих друг друга. Прежде всего, цели разрушения все более становятся целями слепого массового уничтожения, не оправдывающимися военной необходимостью. Все это совершенно чуждо всем традициям науки и неизбежно деморализует не только тех, кто занят военными исследованиями, но также всех тех научных работников, которые, принимая все происходящее за дело естественное, обнаруживают тенденцию к потере всякого чувства социальной ответственности и моральной цен-

ности науки. В то же время это ведет к тому, что люди, не имеющие отношения к науке, начинают оправдывать связь науки с войной в ее самых ужасных формах. Все это, в свою очередь, усиливает общераспространенные настроения антипатии и недоверия к науке и ученым.

Военная тайна

Во-вторых, хотя чисто военные научные исследования по своему характеру должны вестись под секретом, установить пределы этой секретности чрезвычайно трудно. В результате широкого применения науки во время войны секретность вышла далеко за пределы военной науки. И действительно, если передать это дело на усмотрение офицеров службы безопасности, то практически не останется ничего в науке, что могло бы классифицироваться как нечто не секретное либо потому, что оно уже нашло свое применение к какому-либо оружию или части снаряжения, либо потому, что оно может через некоторое время получить подобного рода применение. Как указал сэр Роберт Уотсон Уатт, размер земли является секретом, ибо эти данные необходимы для точного нацеливания дальнобойных ракет; на тех же основаниях астрономические расчеты и наблюдения за положением звезд могут тоже стать секретными. В биологии всякий аспект физиологии и медицины может быть принят во внимание при новых формах химической или бактериологической войны. Если дело и не дошло еще до этого, то, во всяком случае, оно уже зашло достаточно далеко. Целые области новых отраслей науки, существование которых еще смутно представляется, изъяты из общего пользования. В то же время засекречивание и боязнь невольного раскрытия секретов разрушают свободное общение ученых как в рамках одной страны, так и в еще большей степени в международных масштабах, вне зависимости от того, является ли их работа секретной или нет.

Время военных исследований

В-третьих, сосредоточение внимания на военной научно-исследовательской работе приводит к тому, что как основными, так и прикладными отраслями науки зани-

мается все меньше людей и на развитие этих отраслей употребляется все меньше материальных средств. А ведь именно эти отрасли науки расширяют и увеличивают человеческие познания и господство человека над окружающей средой. Они дают возможность удовлетворить насущные нужды человечества в продовольствии, росте производства и обеспечении здравоохранения. До сих пор еще недостаточно поняли, до какой степени в Англии, а еще больше в Америке наука — восприимчивый показатель роста цивилизации — поставлена на службу войне. 10 процентов всего богатства страны и ее рабочей силы затрачивается на войну или военные приготовления. Это уже достаточно плохо. К тому же свыше 60 процентов всех затрат на научно-исследовательскую работу и ее развитие и около 80 процентов всех осуществляемых правительством научных исследований посвящается военным изысканиям, главным образом в области совершенствования вооружений, а силы 2 836 научных работников, то есть около 64 процентов ученых, находящихся на службе у правительства, и 20 процентов всех научных работников в области прикладных наук отвлечены по этой причине от выполнения конструктивных задач¹.

Правда, официальные источники говорят, что некоторые из военных научных исследований, например в области аэродинамики, имеют также и гражданское значение. Но это — несерьезный довод, поскольку множество гражданских изобретений, в свою очередь, используется в военном деле; во всяком случае, такие, как аэроплан, с самого начала гораздо больше применяются в военных, чем в гражданских, целях. Вполне можно было бы направить все научные силы, все оборудование и весь опыт для использования в гражданских целях. В этом направлении уже выдвинуты подробные предложения², выполнение которых, несомненно, привело бы к значительному и незамедлительному росту темпов исследовательской работы в области промышленности и более скорому достижению действительной экономической независимости Англии.

¹ См. «The Scientific Worker», August, 1948, p. 20 (журнал Ассоциации научных работников).

² См. там же, стр. 22.

Научное вооружение — атомные бомбы

Худшее, к чему ведет милитаризация науки, это использование ее для производства новых средств ведения войны — атомного и бактериологического оружия, то есть средств, столь курьезно названных генералом Мак-Ньютоном «качественными» вооружениями. И это ставит перед научными работниками, и прежде всего перед американскими учеными, вопрос об их политической и социальной ответственности. Тот факт, что они смогли организовать и в известной степени информировать публику относительно характера этих вооружений и их применения, показывает, по меньшей мере, что ученые могут нести политическую ответственность, так же как и пользоваться некоторой властью. Но не надо забывать и то, что в конце концов милитаризация научно-исследовательской работы в области атомной энергии¹ и неудача в деле достижения международного соглашения по ее контролю свели к нулю труд ученых и обнаружили отсутствие у них политического понимания действительности.

В своей книге Блэккетт указывает, что план Лиляенталя об установлении контроля над атомной энергией был разработан без учета — сознательного или бессознательного — политической действительности. Ученые со всей ответственностью считают, что они проделали огромную работу и заложили основы мира путем создания агентства по разработке проблем атомной энергии. Но их удивил и огорчил тот факт, что руководство этим агентством было

¹ «Шесть месяцев тому назад или около этого возникла необходимость сообщить, что работа в области атомной энергии находится в состоянии, близком к застою.

Это было в конце прошлого лета. И это было критическим моментом. Примерно в то же время существовавшая уже год Комиссия по атомной энергии принялась за осуществление своей огромной работы. Дела стали улучшаться. Сегодня положение все еще неопределенное: хорошо — здесь, плохо — там, но везде видны признаки к лучшему.

Программа, которую Комиссия по атомной энергии начинает теперь выдвигать на первый план, есть прежде всего программа вооружений.

В периодической печати все еще пишут об актуальном или потенциальном применении атомной энергии в мирных, гражданских

захвачено политическими деятелями и оно настолько изменило свой характер, что послужило самым сильным оружием в руках этих деятелей против любого международного соглашения, касающегося атомной энергии. Мероприятия по плану Баруха, которые, по существу, идентичны принятым теперь контролируемым американцами большинством Комиссии по атомной энергии ООН решениям, предусматривают прежде всего инспекцию и отмену «вето», а рассмотрение вопроса об уничтожении атомных бомб откладывают до решения этих вопросов. Принять план Баруха — значит допустить действенный контроль правительства Соединенных Штатов не только над атомной энергией, но и над наступательными и оборонительными вооруженными силами во всем мире¹.

Естественно, что план Баруха с энтузиазмом приветствуется теми, кто хочет, чтобы Соединенные Штаты обладали такой силой, и прежде всего человеком, который более всего способствовал этому, — Черчиллем. А многие

целях. Но дело заключается в том, что около 80 процентов денежных средств и усилий Комиссии по атомной энергии предназначено непосредственно для продолжения и увеличения производства бомб.

Эта концентрация на производстве вооружений неизбежно влечет за собой торможение гражданского применения атомной энергии. Самое ближайшее применение — производство и распределение радиоизотопов — не вызывает серьезной конкуренции из-за материалов или технических талантов. Вот почему оказалось возможным быстро продвинуть его вперед.

Но применение атомной энергии с неразрушительными целями определено порождает конкуренцию из-за сырья и ученых. В результате пришлось отложить работу в этой области и перевести ее на довольно медленный график, который важное в экономическом отношении использование атомной энергии отодвигает на целое поколение. Для того чтобы добиться экономии, в частности на использовании технических талантов, работа в области атомной энергии в значительной части была передана в руки ученых-академистов. Что же касается предпринимателей-подрядчиков от Комиссии по атомной энергии, то у них исчезает охота затрачивать слишком много усилий на атомную энергию» («Bulletin of the Atomic Scientists», July, 1948, p. 213).

¹ Так, например, когда американскому социологу Люису Момфорду указали, что предложения Баруха на деле означают, что Соединенные Штаты со своим постоянным большинством в агентстве по разработке атомной энергии контролировали бы весь мир политически и экономически, он ответил: «Почему нет? Ведь это демократично, не правда ли?».

честные ученые не могут понять, что план Баруха означает подчинение всего мира власти капиталистов, чему всеми силами будет сопротивляться — и в этом нет ничего удивительного — та часть мира, которая уже отвергла капиталистический режим.

Иллюзия всемирного государства

Ученые не учли того факта, что в настоящее время мир разделен на две части, основанные на совершенно различных экономических принципах: одна часть — на бесплановой экономике, приводимой в движение погоней за частной прибылью, а другая — на экономике, планируемой в интересах благосостояния народа. Если в настоящее время они пока еще могут сосуществовать без войн, то это не значит, что какая-либо из них захочет подчиниться внешней власти. Вот почему пропагандируемое такими американскими учеными, как Эйнштейн и Юри, решение проблемы об избавлении от опасности атомной войны путем учреждения всемирного государства является менее возможным или желательным, чем планы контроля над атомной энергией, по поводу которых за последние годы развернулось столь много бесплодных дискуссий¹.

Конечно, гораздо приятнее и легче забыть об экономических и политических факторах и составить идеальные планы реконструкции мира на научных основах. Так, например, почти все ученые признают, что в настоящее время главной мировой проблемой, как на это многократно указывал сэр Джон Бойд Орр, является угроза растущего недостатка продовольствия, который, по их мнению, может стать катастрофическим в связи с ростом населения и продолжающейся эрозией почв. Уже раздавались голоса за прекращение политических дискуссий и за сосредоточение усилий на техническом разрешении этой проблемы. И тем не менее она упорно продолжает оставаться поли-

¹ По этому поводу один французский ученый сказал: «Это все равно, как если бы американские ученые, установив, что система контроля, нарушающая второй закон термодинамики, не действует, начали бы исследование вопроса о всемирном государстве, которое нарушало бы также и первый закон термодинамики».

тической проблемой. Наиболее консервативные ученые видят опасность в перенаселении и выступают против мероприятий по здравоохранению, которые способствовали бы росту населения. Наиболее идеалистически настроенные ученые хотели бы, чтобы мы занялись главным образом планами учреждения всемирного государства, которое организовало бы рациональное производство питания и проводило бы правильную политику народонаселения. Сам факт существования угрожающего положения с продовольствием является прямым следствием, побочным продуктом капиталистической экономики. Погоня за прибылью приводит к тому, что уничтожают леса на холмах и урожаи снимаются с равнин до тех пор, пока плодородная почва не истощится и не сгонит толпы бывших поселенцев на необработанные плохие земельные участки, где их домашний скот едва влачит свое существование на скудных пастбищах.

При капитализме рациональное использование естественных богатств фактически невозможно и будет невозможным до тех пор, пока он не будет уничтожен. Точно так же обстоит дело и со многими другими благонамеренными планами, составленными и разработанными без учета политических и экономических факторов.

Научно-исследовательская работа в промышленности

В Англии, как и в других капиталистических странах, научно-исследовательская работа ведется главным образом крупными монополиями¹. Денежный вклад правительства в научно-исследовательскую работу в промыш-

¹ По подсчетам, на 30 млн. фунтов стерлингов, израсходованных частными фирмами на научно-исследовательскую работу, 15 млн. фунтов стерлингов составляют затраты пяти крупных фирм: одной химической фирмы и четырех фирм авиационной и автомобильной промышленности. Расходы на научно-исследовательскую работу каждой из этих фирм составляют ежегодно более 1 млн. фунтов стерлингов. В то же время только 1³/₄ млн. фунтов стерлингов было израсходовано 346 мелкими фирмами и затраты каждой из них на научно-исследовательскую работу не превышали 20 тыс. фунтов стерлингов (Statistical Survey on Scientific and Technical Research in British Industry, by the F. B. I. Industrial Research Secretariat, July 1947).

ленности хотя и возрастает, но составляет только около 15 процентов расходов частных промышленных фирм. Говорить же о вкладе национализированной промышленности в это дело слишком рано. Развитию научно-исследовательской работы в Англии в настоящее время больше всего угрожает недалёковидность, плохая согласованность, хаотичность и почти полная бесплановость работы. А экономическая политика правительства, вместо того чтобы улучшить это положение, наоборот, еще больше обостряет его. Упор на производство продукции, предназначенной для немедленного вывоза, заставил большинство научно-исследовательских отделов в промышленности обратиться к текущим проблемам, диктуемым требованиями момента, к «устранению неполадок» или к экспериментированию — и все это в ущерб систематическим, глубоким научным исследованиям, открывающим новые перспективы.

Вообще у нас никогда не было сколько-нибудь рационального распределения научно-исследовательской работы в промышленности. Рост новых отраслей промышленности, базирующихся на достижениях науки, привел к концентрации научно-исследовательской работы в электрической и химической промышленности в ущерб другим отраслям производства. В некоторых старых отраслях, особенно в сталелитейной и хлопчатобумажной промышленности, было положено известное начало централизации научно-исследовательской работы, но именно в них иногда бывает очень трудно добиться применения полученных наукой результатов. Группы научно-исследовательских работников еще более старых отраслей английской промышленности, как, например, шерстяной, кожевенной, гончарной, настаивают на необходимости координации исследований в этих отраслях, но они ничего не добились, ибо почти никаких мер в этом направлении принято не было.

Если бы мы пожелали на деле получить все самое лучшее, что может дать английская промышленность, то эти усилия были бы направлены на концентрацию научных исследований и развитие техники в тех отраслях, где они наиболее необходимы, принимая во внимание как будущие нужды, так и потребности настоящего времени, а это предполагало бы общее широкое перераспределение сил научных работников. Но правительство не пошло по этому

пути отчасти потому, что не желает вмешиваться в дела частной промышленности с конструктивными целями, но главным образом потому, что силы научных работников можно было бы эффективно перераспределить только в соответствии с генеральным промышленным планом, а такого плана у нас нет, равно как нет и никаких намерений его составить. Так называемое планирование представляет собой простую совокупность задач, которые ставят перед собой разные отрасли промышленности, чтобы приспособиться к существующим или доступным предвидению на самое ближайшее время тенденциям развития промышленности. Характеристика подобного рода планирования была дана вкратце в письме академика Струмилина в редакцию газеты «Манчестер гардиан», опубликованном 10 ноября 1948 г.

«Метод этого нового британского планирования, в отличие от старого, советского, где каждый государственный план является общеобязательным *законом* для всей страны, по разъяснению мистера Моррисона, сводится к тому, что английские планы, базируясь на «тенденциях развития», строятся как «прогнозы» на будущее. При этом их выполнение или невыполнение всецело предоставляется на усмотрение самих предпринимателей в каждом отдельном случае.

По существу в этом методе уже в полной мере осуществлен тот пресловутый «средний путь» британского компромисса между планом на словах и бесплановостью на деле... В классовом обществе, подобном тому, которое существует в Англии, государственный план лишь благодушно *рекомендует*, скажем, заморозить на время не только уровень заработной платы, но вместе с тем также и уровень цен и нормы прибыли предпринимателей. Нет никакого сомнения в том, что в этих условиях фактически будет выполняться последними только *первая* из этих рекомендаций. Уровень жизни рабочих будет падать, а прибыли предпринимателей — неуклонно расти...

Но для науки планирование уже давно стало азбучной истиной; ориентируясь на стихийные тенденции развития современного частнокапиталистического хозяйства, можно «запланировать» лишь один вполне безошибочный прогноз — прогноз неизбежности очередного кризиса да-

ного хозяйства. «Планы-прогнозы» — это, в сущности, вовсе даже *не планы*. Никого ни к чему не обязывая, они уже в своем зародыше обречены на неудачи...

В стране, где компромисс является высшим принципом государственной мудрости, где даже осуществление социализма не мыслится без активного ему сочувствия имущего класса и где поэтому и в колесницу планирования впрягаются в «свободном» сотрудничестве рак, лебедь и щука, — в такой стране не имеется еще условий для планирования».

Лучшим образцом такого рода планирования является преждевременно опубликованный меморандум об экономическом сотрудничестве. Не касаясь вопроса о нереальности предположений, на которых он построен, следует отметить, что этот документ представляет собой простую наметку будущих тенденций выпуска продукции в Англии в расчете на чрезвычайное расширение эксплуатации колониальных и полуколониальных стран. В общей таблице меморандума показано следующее: в то время как дефицит торгового баланса предполагается сократить с 1947 по 1953 г. на 1 112 млн. долларов посредством увеличения экспорта почти на 3 млрд. долларов, невидимые поступления намечается изменить не менее чем на 1 827 млн. долларов с переходом от дефицита в размере 774 млн. долларов к активному сальдо в 1 053 млн. долларов. Это относительно огромное увеличение зависит главным образом от предполагаемой добычи в 1953 г. свыше 100 млн. тонн нефтяных продуктов. Между прочим, в эту цифру включена продукция группы «Ройял Датч Шелл» — обстоятельство, которое может объяснить наше несколько нерешительное реагирование на голландские империалистические войны.

Действительные же капиталовложения, предназначенные для развития производства в Англии, значительно меньше, чем требуется для сколько-нибудь радикальной реконструкции основных отраслей промышленности в соответствии с современными требованиями. Они предусматривают ассигнование 600 млн. долларов на добычу угля, 1 млрд. долларов на производство стали, 800 млн. долларов на изготовление химических продуктов в течение более четырех лет. В самом деле, сэр Джордж Пейш

и др.¹ считают, что программа капиталовложений едва ли покрывает нормальный износ существующего оборудования, который оценивается в 4 млрд. долларов ежегодно, и совершенно очевидно, что ассигнуемой суммой невозможно покрыть все понесенные на войне потери основного капитала, составляющие около 40 млрд. долларов.

Хотя в меморандуме лицемерно и упоминается о научно-исследовательской работе и ее развитии, но ясно, что на нее не возлагается надежд в смысле сколько-нибудь серьезного вклада в дело развития промышленности. Поэтому может случиться так, что ведущееся капитальное переоборудование промышленности устареет еще до того, как оно войдет в строй.

Промышленная тайна

Наблюдающееся ныне в Англии оживление научно-исследовательской работы, которое было бы абсурдно называть организацией этой работы, совершенно несовместимо с каким-либо планированием. Использование исследования для извлечения прибыли приводит к дублированию работы и к секретности, которая имеет столь же плохие последствия, что и военная секретность, а к тому же бесполезна, ибо большая часть так называемых «секретов» известна многим конкурирующим фирмам. При нынешнем положении вещей быстрый рост научных исследований в области промышленности означает, что все большее число полученных знаний — и среди них фундаментальных, могущих привести к крупным открытиям, — изымается из сферы свободного обмена научными идеями. Разрешенная же информация, публикуемая в научной и технической прессе, так мало уделяет внимания порядку и расположению материала, что становится почти столь же трудным найти опубликованные данные по тому или иному вопросу, как и вести исследовательскую работу непосредственно по этому вопросу.

Поэтому первый необходимый шаг, который должен быть сделан до всякого планирования научно-исследо-

¹ См. «Westminster Bank Review», November, 1948, S. P. Chambers, «Lloyds Bank Review», January, 1949.

вательской работы в области промышленности, — это объединение технических знаний в общий фонд и создание эффективной службы по обмену производственной информацией.

К тому же необходимо, чтобы в случае принятия какого-либо рационального плана использования науки это было бы сделано в интересах нации, а не с целью извлечения частной прибыли, ибо иначе было бы очень трудно убеждать научных работников идти на риск и неудобства при переходе на другую работу.

Неотложная необходимость научных исследований и их развития

Невозможность использовать результаты научных исследований — достаточно отрицательное явление и в настоящее время, но оно грозит стать еще более губительным в будущем. Научное исследование всегда, даже при самых лучших условиях, по времени значительно опережает разработку рабочих проектов и еще больше — их реализацию. Отрасли промышленности, которые будут существовать через пятнадцать лет, зависят от фундаментальной исследовательской работы, ведущейся в настоящее время; промышленность, которая будет существовать через пять лет, зависит от ведущейся сейчас разработки проектов. Такие важнейшие достижения, как использование кислорода, непрерывная выплавка стали, электронные приборы, будут, вероятно, внедряться у нас в производство настолько медленно, что они раньше будут полностью использованы в других странах, таких, как Советский Союз и Соединенные Штаты, в то время как в Англии эти достижения будут находиться еще на стадии разработки.

Такое положение дел полностью признают ответственные лица — представители промышленности и правительства; но они большей частью не желают признавать его очевидных последствий, они охотнее ставят препятствия к проведению и применению исследований, являющихся абсолютно неотъемлемыми факторами развития промышленности. Сэр Генри Тайзард в своем послании Британской научной ассоциации заявил: «...по моему мнению,

первостепенную важность для оздоровления промышленности в стране представляет не общее расширение научно-исследовательской работы и, конечно, не расширение работы, осуществляемой правительством, оторванной от повседневных задач, стоящих перед промышленностью.

Первостепенную важность имеет применение того, что уже познано.

Все действительно новые достижения промышленности являются продуктом деятельности весьма немногих людей. Вообще знания, полученные естественными науками, накапливаются теперь гораздо быстрее, чем они применяются или могут быть применены на практике в промышленности. Существует огромное количество знаний, ожидающих применения на практике. Ни одно новое открытие в любой области не окажет, вероятно, столь быстрого и полезного влияния на английскую промышленность, как применение того, что уже познано».

Этими замечаниями сэра Генри, вероятно, хотел побудить английскую промышленность воспользоваться некоторыми результатами научных исследований, но их восприняли как выступление, направленное против самих исследований.

Разговоры о том, будто дальнейшие естественно-научные исследования не нужны и бесполезны, неправильны даже в случае отсутствия всякой разработки новых проектов или процессов. Опыт, и в особенности опыт войны, показал, что существующие знания не есть нечто такое, что можно взять из доклада и сразу применить на деле. Конечно, они всегда будут применяться при обстоятельствах, которые немного, а иногда и значительно отличаются от тех, при которых эти знания были получены. Полное использование накопленного знания предполагает проведение нового исследования, а это исследование, в свою очередь, может быть полностью оценено только при его использовании с целью дальнейшего развития. Без естественно-научных исследований и их развития промышленность в техническом отношении будет топтаться на месте и вскоре, в особенности при существующих темпах развития, фактически начнет приходить в упадок.

Социальное исследование вместо естественно-научного

Пока официальные круги будут считать, что естественно-научные исследования не могут дать результатов, имеющих непосредственную ценность для промышленности, до тех пор этого и не случится. При этом подразумевается, что вместо научного исследования и его развития, которые ведут к усовершенствованию промышленного оборудования, наилучшим использованием науки является социальное или психологическое исследование, на основе которых ведется пропаганда, призванная убедить рабочих производить больше товаров по сравнению с прежним планом, конечно, безо всякого упоминания о заработной плате или о прибыли в промышленности. Интересно отметить, что общественные науки, которые долгое время были золушками науки, заняли видное место только тогда, когда было признано, что их можно использовать в интересах предпринимателей.

Вместо того чтобы пытаться использовать знание для исправления и смягчения старых злоупотреблений, следовало бы в самое ближайшее время заняться подъемом английской промышленности до уровня, который дал бы стране возможность самостоятельного существования. Имеющаяся налицо промышленность почти также нерационально использует материалы, как и рабочую силу, но именно ее неэффективность делает более легким обеспечение поразительных успехов при наименьшем усилии. Если исследования будут направлены на разрешение проблемы борьбы с потерями при надлежащем учете извлекаемых из этого преимуществ, выпуск продукции может быть увеличен путем уменьшения потребления сырья без всякого ущерба для качества продукции.

Научно-исследовательская работа в сельском хозяйстве и медицине

Состояние научно-исследовательской работы в сельском хозяйстве и медицине отличается от состояния этой работы в области промышленности только тем, что на развитие ее направлены еще меньшие усилия. Израсходованные на

нее суммы — 2 446 840 фунтов стерлингов и 1 173 000 фунтов стерлингов — соответственно представляют только 2,5 процента и 1 процент всех ассигнований на исследования в Англии и только 3,5 процента и 1,5 процента суммы, израсходованной на военные исследования. Пренебрежение сельскохозяйственными и медицинскими исследованиями в Англии не является случайным: фактически нет достаточных денежных средств ни на то, ни на другое. При капитализме лейбористское, как и любое другое правительство, не расположено заботиться о нуждах общества и тратить деньги налогоплательщиков на такую «неопределенную» цель, как общественное благо. В этих областях царит настоящий организационный хаос и отсутствие планирования там еще более очевидно, чем в промышленности. В сельском хозяйстве сама система аренды земли с ее тысячами фермеров и недостаточным капиталом делает невозможным эффективное применение результатов исследования и препятствует всякому организованному и обобщенному выяснению вопроса, какие именно сельскохозяйственные культуры Англия должна выращивать на своей собственной земле и какие сельскохозяйственные товары она должна импортировать. Хотя у медицины теперь и есть свой административный орган — Национальная служба здравоохранения, однако и в этой области по-настоящему еще не приступили к осуществлению программы научно-исследовательской работы непосредственно по здравоохранению, работы, связанной через надлежащим образом оборудованные медицинские центры с жизнью народа.

Научно-исследовательская работа в колониях

Пытаясь восполнить нехватку сырья, испытываемую экономикой Англии, правительство с самого начала войны старалось использовать заброшенные прежде источники сырья в колониях. Это неизбежно повлекло за собой усиление исследовательской работы. В колониях должны были бы представиться огромные возможности, широкое поле деятельности для организации всеобъемлющей разработки всех научных проблем — биологических, сельскохо-

зяйственных, медицинских, индустриальных и социальных. Но это с самого начала стало невозможным ввиду самого характера колониальной политики, которая ставит своей целью быстрейшую эксплуатацию ресурсов, из чего туземное население извлекает пользу лишь постольку, поскольку это предоставляет ему работу в связи с осуществлением намеченных планов. Полное развитие отсталых районов возможно только при условии, если народ сам станет главной действующей силой, извлекающей пользу из этих планов, как это имеет место в среднеазиатских советских республиках.

Банкротство в деле использования науки

Эта картина дополняется тем, что на научно-исследовательскую работу затрачивается недостаточно усилий. Кроме того, научная работа терпит банкротство в достижении даже ограниченных целей вследствие ее извращения, обусловленного воздействием на нее экономических и политических факторов. Несмотря на огромный опыт, полученный в результате войны, и на значительные затраты на научно-исследовательскую работу, среди научных работников все еще преобладает чувство крушения надежд, смешанное с большей тревогой, чем в самые трудные дни перед войной. В науке кроется огромный потенциальный источник улучшения человеческой жизни, которым злоупотребляют и который страдает от злоупотреблений.

Многие научные работники, намереваясь использовать опыт научной работы во время войны в деле решения задач мирной реконструкции, определяли способы использования науки. Они даже в общих чертах планировали организацию и направление этого использования науки. Многие из них теперь превратились в разочарованных людей или в циников. Нет ничего неправильного в разработанных ими планах, они не предъявляли никаких необоснованных, неразумных требований денег или рабочей силы. Но эти планы не могли быть реализованы; они казались революционными, тоталитарными, а может быть, просто преждевременными. Во всяком случае, эти планы постепенно исчезли. Теперь мы видим, что бесполезно

рассматривать потенциальные возможности науки без учета экономического и политического факторов. Ни добрая воля, ни способности научного работника не могут иметь никакого значения до тех пор, пока наука, ставшая частью более крупного планового усилия, не будет полностью оторвана от монополистического капитализма, от военных приготовлений и колониальной эксплуатации.

Тот факт, что капитализм никогда не мог обеспечить полного использования науки, а в своем нынешнем состоянии кризиса и упадка применяет науку для все более и более разрушительных целей, не должен вызывать у тех, кто его признает, безразличного отношения к данному положению вещей. У научного работника есть чувство ответственности как по отношению к своим традициям, так и по отношению к своему народу, когда он рассматривает возможности и планирует практическое применение науки, полностью отдавая себе отчет о неблагоприятной экономической и политической обстановке настоящего времени. Ученые должны видеть как в деталях, так и в целом все присущие науке возможности и неуклонно добиваться, чтобы они были использованы. До тех пор пока на этой проблеме не будет заострено все наше внимание, нас могут обвинять в том, что в действительности наука не имеет почти никакого значения. Урок подобного рода часто извлекается, например, из приведенного здесь послания сэра Генри Тайзарда. В действительности будущее процветание, благосостояние и даже существование большей части населения Англии зависит от рационального развития и использования науки. Это может быть достигнуто только благодаря планированию, связывающему науку с постоянными потребностями народа, а не с конъюнктурными колебаниями капиталистических кризисов и политических сделок с Америкой или другими западными государствами.

Здоровая наука требует крепкой связи с народными массами и демократическими силами как в своей собственной стране, так и за границей. Это означает подготовку кадров будущих ученых преимущественно из рабочих, представляющих наиболее многочисленную часть населения. Это означает также воспитание и подготовку ученых не в стороне от народа, но в тесной связи с производством

и деятельностью профсоюзов. Это означает, наконец, организацию демократической по своему характеру науки и установление связи научной деятельности с общим экономическим планированием.

«Свобода науки» — это безответственность и реакция

Такое положительное отношение к науке служит также противовесом против полного отрыва научной деятельности от общественной жизни, когда «сбрасывают со счетов» общество и превращают науку из живого учения, тесно связанного с любой другой человеческой деятельностью, в безмятежное созерцание гармонии или, быть может, скорее, дисгармонии вселенной. Пассивная и идеалистическая проповедь поборников «свободы науки» является, однако, лишь прикрытием их действительных обскурантистских и реакционных тенденций. Становится также совершенно ясным, что лидеры этого движения заинтересованы больше в клевете на Советский Союз, тайно и явно настаивая на войне против него, а не в защите науки своей собственной страны от вмешательства в ее дела внешних сил, враждебных духу науки. Эти лидеры будут энергично протестовать против любого использования науки на благо человека под тем предлогом, что наука представляет собой внутреннее стремление к истине, что она не должна искажаться служением общественным целям. Между тем они никогда не выступали против использования науки монополистическими предприятиями для получения частной прибыли или против использования науки государством для совершенствования орудий разрушения, хотя и то и другое включает в себя установление секретности, которая противна духу свободного научного исследования. Равным образом они фактически не интересуются и открытием истины самой по себе, рассматривая поиски ее лишь как упражнение в виртуозности. Это совсем недавно нашло свое выражение в их вмешательстве в дело систематизации научной литературы с целью сохранения в ней существующего хаоса, который не только отнимает у ученых много времени, но и решительно препятствует им выяснить те вопросы, над которыми работают их коллеги.

Позиция научного работника

В Англии многие ученые, и особенно крупные специалисты разных областей науки, не разделяют мнения борников «свободы науки», но вместе с тем они опасаются и поддерживать какие-либо радикальные изменения в области руководства научной работой или в области ее организации. Характерной особенностью научных работников является сосредоточение внимания на том деле, которым они непосредственно занимаются, — черта, совершенно понятная, если учесть тот внутренний интерес, который вызывает любая научная работа; но эта особенность, закрепленная воспитанием ученого, делает его за пределами своей специальности гораздо более робким и нерешительным, по сравнению с представителями других видов умственного труда. Ученые готовы подчас признать крушение своих надежд, выразить недовольство, но они уверены в том, что им удастся кое-как довести свое дело до конца. Поскольку же ученые занимаются решением политических вопросов, они стоят на своеобразно «патриотических» позициях, которые предполагают готовность делать все, что прикажет правительство во имя «национальных интересов», но не выступать с критикой и не предпринимать активных действий самим.

Эта позиция, однако, постепенно изменяется. Отрывая ученых от их обычных занятий, война привела к тому, что они значительно лучше стали понимать современную действительность, а огромный рост Ассоциации научных работников в течение войны (с 5 тыс. до почти 20 тыс. членов) показывает возросший интерес ученых, и прежде всего широких кругов молодых научных работников, к экономическим и политическим причинам происходящих событий.

Проблемы послевоенного периода значительно более серьезны для научных работников, и разобраться в них становится все более трудным. При полной занятости и номинально хорошем жаловании научный работник должен был бы прилично жить, но в действительности он так же страдает от повышения цен, как и рабочий физического труда. Тенденция к расширению производства товаров, предназначенных для немедленного вывоза, отрывает его

от фундаментальной систематической научно-исследовательской работы. Хотя такое направление развития производства и дает ему работу, но оно может убить в нем талант и воображение. Больше того, отсутствие плана и указаний лишает ученого возможности проявить все свои способности и даже определить, чем ему лучше заниматься. Ассоциация научных работников должна мобилизовать всю свою энергию и энтузиазм, чтобы снова возбудить у действительных и потенциальных ее членов реальное и всеобщее чувство перспективы.

Научные работники по необходимости связаны с повседневными заботами, но они больше работников других профессий беспокоятся о будущем. Другие профессии, как, например, профессии юриста, священника или врача, являются крайне традиционными занятиями; будущее каждого из представителей этих профессий можно предвидеть, если у него есть разумное усердие. Наука же по самой своей природе не может стать такой традиционной профессией. Она либо растет и изменяется, либо приходит в упадок. Поэтому ученые лично глубоко заинтересованы в развитии науки, хотя они и не всегда отчетливо это сознают. Вот почему ученый должен иметь более широкий кругозор, чем представители других профессий. Кроме того, он должен составить себе общее представление о перспективах науки в Англии и меньше увлекаться только заботами о повседневных нуждах.

Научный работник на собственном опыте может убедиться, что на деле наука не используется и не может быть полностью использована до тех пор, пока правительство будет придерживаться своего нынешнего экономического и политического курса. Он сможет узнать, что вместе с замедлением развития капиталистической экономики Англии и с усилением подчинения интересам американских монополий ставятся под удар общие перспективы развития науки. Таким образом он может приблизиться к признанию того факта, что его действительный интерес как ученого тесно связан с интересами всего народа и с необходимостью создания в Англии, по возможности в самое ближайшее время, такой экономики, которая строилась бы с учетом ее будущего развития, что обеспечит подлинную национальную независимость страны.

Необходимость международного сотрудничества в науке

Научный работник отличается от работников других профессий также и тем, что он, как ученый, не может ограничиваться рамками своей страны. Ни для одной другой профессии, кроме профессии ученого, не характерны столь многочисленные связи — как личные, так и заочные — со своими коллегами за границей; и традиции интернационализма в науке постоянно укрепляются благодаря непрерывному развитию научного эксперимента и теории. Иногда весь успех труда научного работника может зависеть от данных, которыми он сам не располагает, но которые он может приобрести от ученых других стран. Поэтому весьма важно восстановить связи между учеными различных стран, столь серьезно нарушенные во время войны.

Однако это не является реставрацией прежних отношений между учеными. Во время войны наука во многих странах в корне изменилась. Как уже указывалось, в Соединенных Штатах наука достигла высокого уровня развития, но в то же время она все более и более попадала в зависимость от крупных капиталистических монополий и военщины. В оккупированных же странах Западной Европы в целом, и в частности в Германии и Австрии, наука не смогла полностью восстановиться не столько по причине военных разрушений, сколько из-за бездеятельности неустойчивых или обанкротившихся реакционных правительств, политика которых решительно направлена против использования науки и, следовательно, против поддержки ученых. С другой стороны, идет великий подъем науки в странах народной демократии и в полуколониальных странах — Индии и Китае. Связи ученых всех этих стран хотя и затруднены, но все же могут быть установлены и расширены.

Однако это не относится к центру современной научной деятельности — Советскому Союзу. Ученые разных республик, составляющих СССР, не испытывают тех затруднений, которые тормозят научную деятельность в капиталистических странах. Мы знаем, что в СССР совершаются величайшие преобразования, и до нас доходят некоторые

случайные, отрывочные сведения о характере ведущихся там работ. Но действительный и самый тесный контакт с учеными Советского Союза пока еще невозможно установить. Важно, чтобы мы поняли, что это обстоятельство является одним из наказаний, которое мы должны понести за реакционную политику английского и американского правительств. Так, приглашение Советского Союза на юбилейные торжества Академии наук в 1945 г. было фактически отвергнуто, поскольку некоторым самым видным ученым английское и американское правительства запретили присутствовать на этом юбилее. Кроме того, третирующее советской науки в печати, в том числе и научной, капиталистического мира отнюдь не способствовало установлению научных связей с учеными Советского Союза. И тем не менее, когда английские и советские ученые имели возможность встречаться на международных конференциях или при взаимных посещениях, установленные связи были самыми сердечными и плодотворными.

Первопричиной отсутствия контакта был вопрос об атомной бомбе. До тех пор пока нет соглашения относительно атомной бомбы, пока Соединенные Штаты продолжают накапливать атомные бомбы, которые могут быть предназначены только для разрушительных действий против Советского Союза, вся наука будет окутана тайной атомной бомбы и все международные научные связи с Советским Союзом будут взяты под подозрение.

Между тем, несмотря на эту важную оговорку, движение за эффективное сотрудничество ученых всего мира живет и развивается. С внешней стороны это движение находит свое выражение в восстановлении старых и создании новых международных союзов. Но гораздо большее значение имеет сотрудничество ученых в деле решения конкретных задач, в деле планирования научной работы в связи с восстановлением страны. Наиболее деятельные ученые всех стран уже нашли общую основу сотрудничества в сочетании своей работы ученого с работой плановой национальной экономики, а там, где планов подобного рода нет, — с созданием сильных профсоюзных организаций научных работников.

Всемирная федерация научных работников

Именно в духе этих идей и была создана Всемирная федерация научных работников — организация еще очень молодая, но уже оказавшая наиболее ценное воздействие на объединение опыта как в вопросах, касающихся профессионального положения ученых, так и в вопросах организации и планирования научной работы. Опубликование Устава научных работников представляет само по себе важную стадию в выработке политической линии для науки в каждой стране и для ее связей с международной наукой. В Уставе определяются обязанности и права научных работников.

IV. ЧТО НЕОБХОДИМО СДЕЛАТЬ

Характер деятельности научного работника при существующем положении вещей определен самим анализом этого положения, произведенным в настоящей брошюре. Как ученый, он кровно заинтересован в будущем экономическом и социальном развитии своей страны и всего мира. Но хотя его интерес и носит специальный характер, цели всех, кто заинтересован в общественном прогрессе, — общие, и поэтому ученый не может и не должен действовать изолированно; он должен идти вместе с другими группами, которые по тем или иным причинам озабочены создавшимся положением. Наряду с другими работниками умственного труда — артистами, писателями и т. д. — на нем в первую очередь лежит ответственность за защиту мировой культуры от опасности, которая угрожает ей в настоящее время.

Борьба за мир

Борьбе за мир был посвящен недавно состоявшийся во Вроцлаве конгресс деятелей культуры¹. Среди других деятелей культуры на нем присутствовало много виднейших ученых. Ученый может вместе с другими работниками

¹ Вроцлавский конгресс деятелей культуры в защиту мира состоялся в августе 1948 г. На нем присутствовали делегаты 45 стран.—
Прим. ред.

умственного труда эффективно бороться как против фаталистов, так и против тех, кто наиболее цинично и активно действует в целях подготовки немедленной войны. Роль ученых в борьбе против войны приобрела теперь решающее значение ввиду тесной связи факта существования атомной бомбы с развитием политических событий во всем мире, а также вследствие наличия того уже изложенного нами мнения, будто обладание атомной бомбой позволяет американскому правительству воевать безнаказанно, рискуя жизнью только своих европейских сателлитов. Долг ученых состоит в том, чтобы показать фальшь и опасность этого мнения, следуя превосходному примеру книги Блэкетта.

По характеру своей деятельности научные работники связаны с другими представителями умственного труда, а по результатам — также с рабочими и населением в целом. Наука — не изолированная область производства, а общественно-полезная производственная деятельность, в процессе которой научные работники действительно тесно связаны с каждой отраслью промышленного и сельскохозяйственного производства. Они должны повседневно сотрудничать с работниками других профессий как путем личного контакта, так и через организации — профсоюзы, комитеты фабричных старост и объединенные производственные комиссии.

Не должно быть никаких иллюзий относительно преимуществ или особого значения научных и технических работников. Важнейшие решения, касающиеся промышленности, могут быть проведены в жизнь только при поддержке их со стороны крупных профсоюзов работников физического труда. От политической мудрости членов профсоюзов зависит в конечном счете будущее страны. И тем не менее ученые играют существенную роль в жизни страны, отдавая свои знания и способности на пользу своим собратьям — членам профсоюзов и, следовательно, на благо всей страны. И те и другие непосредственно заинтересованы в широкой, перспективной программе развития английской промышленности, направленной на достижение полной независимости национальной экономики; и те и другие заинтересованы в устранении внутренних политических преград, препятствующих всякой честной

попытке достигнуть этой независимости; и те и другие заинтересованы в сопротивлении гибельной внешней политике подчинения американскому капитализму и подготовки войны — политике, отвлекающей промышленный потенциал Англии от выпуска продукции мирного времени и от созидательных целей промышленности. Здесь научные работники могут оказать помощь, так как по самому характеру своей деятельности они имеют дело с будущим и поэтому по необходимости являются более чуткими ко всяким проявлениям опасных тенденций и более других озабочены тем, чтобы найти решения кардинальных проблем.

Только в союзе с движением рабочего класса можно добиться условий, необходимых для процветания науки в Англии и упрочения мира во всем мире.

Трудности и оппозиция

При решении этой задачи мы должны с самого начала учитывать тот факт, что нам предстоит очень тяжелая борьба. Изложенные здесь идеи прямо противоположны тем идеям, которые с противоестественным единодушием выдвигаются лейбористской партией и лидерами консерваторов и поддерживаются всем арсеналом современных методов пропаганды. Нам говорят, что если мы будем работать достаточно усердно и не будем требовать повышения заработной платы, то с доброй и бескорыстной помощью американского народа по плану Маршалла мы сможем достигнуть экономической независимости к 1953 г., если к этому же времени успешно обуздаем опасный рост коммунистического «тоталитаризма», который якобы угрожает нашей свободе и ведет против нас «холодную войну».

Таким путем лейбористские апологеты пытаются свалить вину за экономический кризис, порожденный самой природой капитализма, на тех, кто стремится спасти от него народы Европы раз и навсегда.

На основе этих выводов они навязывают принятие союза между капитализмом и организованным трудом, союза, который является — и не может не являться — невыгодным для последнего,

Разоблачение реакции

Антикоммунистическая пропаганда может быть опровергнута только аргументами и доказательствами, основанными на действительном повседневном опыте и способствующими лучшему пониманию внутренней сущности капитализма. Лейбористская партия уже порвала с основными принципами социализма; она присоединилась к самым отъявленным реакционерам в своей стране и за границей и предпочитает объединяться скорее с ними, нежели с рабочими-социалистами России, Восточной Европы и Дальнего Востока. Тем не менее мы должны признать, что это объединение с реакцией и капитуляция перед реакционными идеями произошли постепенно, незаметно и что многие лейбористские лидеры и значительное большинство их последователей стали жертвой самообмана или были обмануты, принимая доктрину «меньшего зла», успокаивая себя такими фразами, как «защита свободы и подлинной демократии». Бессознательное лицемерие является сильной защитой социальной демократии¹; гораздо приятнее думать, что «помощь» по плану Маршалла является выражением великодушного и благотворного стремления американского народа содействовать росту благосостояния попавших в трудное положение стран Западной Европы и даже всего мира, если бы только «злые коммунисты» приняли ее. Вероятно, что в это верит значительное большинство самого американского народа. Однако, хотя американский народ несет расходы, он не контролирует распределения выплаченных им сумм, и реакционеры во всех странах — от палачей Греции и Испании до охотников за черепами в Малайе — имеют основание благодарить американский народ за его неспособность понять, чьим интересам он служит.

Мы знаем, что народы всего мира, даже в капиталистических странах, не хотят войны, как об этом свидетельствуют последние выборы в Соединенных Штатах. Для того

¹ «Социальная демократия» — понятие, которым пользуются идеологи современной империалистической буржуазии, пытаясь прикрыть им реакционную, антинародную сущность господствующего ныне в капиталистических странах общественно-политического строя. — *Прим. ред.*

чтобы вести реакционную политику и втягивать народы в войну, требуется держать их в полном неведении относительно характера тех действий, которые совершаются от их имени.

Наш долг в том и состоит, чтобы рассеять это неведение, поставить людей перед лицом фактов, характеризующих международное положение; причем эти факты будут не только раскрывать опасности, к которым ведет нынешняя политика, но и внушать сознание того — а это является еще более важным, — что во власти самих народов изменить эту политику и приступить к мирному строительству прочного фундамента для лучшего образа жизни. Нет необходимости в войне в ближайшем будущем. Представляется вполне возможным, как уже показал опыт многих лет, поддерживать гармоничные и взаимно выгодные отношения между странами с капиталистической и социалистической экономикой до тех пор, пока народ в капиталистических странах сможет удерживать финансовые и милитаристские группы от опрометчивой войны ради своих узкокорыстных интересов. В какой мере это может быть осуществлено при сохранении капиталистического контроля над экономикой и политикой, — это другой вопрос. Главное в том, чтобы, следя за развитием ситуации, определить, какая из систем может обеспечить благосостояние народа. Если, в конце концов, будет доказано, что капитализм и мир несовместимы, то капитализм не является необходимым условием для существования людей, тогда как мир стал таковым.

НАУКА НА СЛУЖБЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ¹

Никогда прежде за всю историю человечество не испытывало стольких страданий и такого страха, как в наши дни, и в то же время ни одна эпоха не открывала ему столько возможностей для лучшей жизни. И эта нищета и эта надежда на лучшую жизнь — прямое следствие развития науки. Те же самые силы, которые ныне направлены на изготовление атомных бомб, усовершенствование бактериологического оружия, использование тяжелой промышленности в военных целях, могли бы привести весь мир к такому росту благосостояния и расцвету физических и духовных способностей людей, какие в настоящее время трудно себе даже представить. Даже простое перечисление перспектив, которые открываются перед человечеством благодаря последним научным открытиям, все еще пребывающим втуне, вышло бы далеко за рамки данной статьи. И, тем не менее, небесполезно напомнить об основных возможностях использования новейших достижений науки для улучшения условий жизни человека, ибо сейчас многие фаталистически относятся к грядущему человечества, уделом которого они считают лишь войны, разрушения и нищету. Этому фатализму противостоит совершенно ясная цель и подлинная решимость народов всего мира бороться за ее достижение, а не довольствоваться существующим положением вещей.

Действительно, у нас уже имеется убедительное свидетельство того, что народы стремятся к осуществлению

¹ Статья опубликована в журнале «В защиту мира» № 9 за 1952 г. Перевод сверен и уточнен по оригиналу, присланному автором в Издательство. — *Прим. ред.*

этих возможностей и даже претворяют их в жизнь. Страны земного шара, население которого достигло в настоящее время двух с четвертью миллиардов человек, можно подразделить на три основные категории. К первой из них можно отнести Соединенные Штаты, Великобританию, Западную Германию, Францию и некоторые другие менее индустриализованные страны, объединяющие 300 млн. человек, все еще живущих в условиях капитализма. Ко второй категории относятся Советский Союз, страны народной демократии и Китайская Народная Республика с населением, примерно, 800 млн. человек. Эти страны, отрешившись от капитализма, находятся на различных ступенях развития социалистической экономики. Хотя уровень развития производства и уровень жизни в странах этой группы еще не так высоки, как в старых привилегированных индустриальных державах, они уже достигли огромных успехов в деле использования науки и техники в целях преобразования природы и роста благосостояния народа, и притом достигли этого столь быстро, что, наверняка, вскоре эти страны оставят далеко позади достижения старых индустриальных держав. Наконец, третья категория состоит из так называемых отсталых стран — таких, как Индия, Южная Азия, Африка, большая часть Южной и Центральной Америки. Они насчитывают, примерно, 1 100 млн. человек, что составляет половину населения земного шара. Их жизненный уровень и техническое развитие, за редким исключением, значительно ниже, чем в странах первых двух категорий, причем в нынешних условиях возможности их подъема сведены почти к нулю, ибо капиталистические страны рассматривают их лишь как поставщиков сырья и потребителей своих низкосортных товаров. Но именно эти страны в силу своей отсталости особенно остро испытывают потребность в помощи науки и могли бы, таким образом, извлечь наибольшую пользу посредством применения у себя ее достижений.

Когда мы говорим о применении науки, это не значит, разумеется, что мы имеем в виду одно лишь практическое ее применение, которое направлено на улучшение технологии производства продуктов питания, на содействие здравоохранению и жилищному строительству; гораздо боль-

шее значение наука приобретает благодаря своему непосредственному воздействию на людей, содействуя росту способностей как отдельных личностей, так и общественных групп, открывая безграничные возможности для физического и духовного роста людей. Наука предоставляет нам возможности не только для познания мира, но и для управления им. Когда научные идеи пустят глубокие корни в народе, никакая сила не сможет остановить его духовного роста и поступательного движения по линии развития промышленности, правильного и целесообразного использования людских и природных ресурсов. Научные и технические блага не преподносятся народу в готовом виде. Люди сами должны развивать науку и технику, изучать их важнейшие проблемы, находить решение этих проблем соответственно своим силам и способностям и совершенствовать их по мере возможности.

В прошлом западноевропейская цивилизация, основанная на науке, несла с собой разрушение и развал той части мира, с которой она соприкасалась. Она обращала в руины традиционную экономику и индустрию этих стран, устанавливая на их месте нечто совершенно для них неподходящее: их производство, являвшееся по сути дела плохим подражанием европейской цивилизации, ограничивалось крайне узким кругом; основным результатом подобного «усвоения» европейской цивилизации явилось резкое снижение жизненного уровня народов этих стран. Эти последствия можно будет ликвидировать лишь благодаря превращению науки в общенародное достояние, а в процессе такого превращения смогут возникнуть и новая наука, и новый тип общества. Я не собираюсь утверждать, что новая наука и новые общественные отношения явятся простым следствием использования и применения науки; для этого необходимы прежде всего соответствующие общественно-экономические условия.

* * *

В данной статье мне особенно хотелось бы показать, каких материальных изменений следует ожидать после или даже в процессе осуществления общественных преобразований.

Теперь мы должны учесть, особенно после опыта Советского Союза, стран народной демократии и нового Китая, что процесс общественного преобразования следует начинать не с немедленной реализации последних достижений техники — производства автомобилей, телевизоров и холодильников, — а с создания и развития тяжелой промышленности, без которой немислимо достижение чего-либо прочного.

Первым шагом на пути создания тяжелой промышленности является выработка энергии, а в наши дни энергия — это электричество, получаемое либо путем сжигания естественных видов топлива, таких, как уголь или торф, либо же путем использования энергии воды. В прошлом производство электроэнергии было сосредоточено преимущественно в районах угольных месторождений и в высокогорных местностях, обладающих большими запасами гидроэнергии. Однако опыт Советского Союза показал, что это отнюдь не обязательно — любая река, любой поток, каким бы медленным ни было их течение, при ответственном планировании могут быть использованы в качестве источника энергии. Подобно этому, любое топливо, например торф или некоторые быстрорастущие растения в тропических странах, могут быть также использованы для производства электроэнергии. Может показаться нелепым, что мы упоминаем о таких источниках энергии в наш век атомной энергии; но как ни велики ее потенциальные возможности, весьма сомнительно, что в ближайшее время атомная энергия найдет широкое применение непосредственно в промышленности. Еще очень много предстоит сделать, прежде чем будут найдены способы полезного применения атомной энергии; пока же большая часть радиоактивных веществ, имеющаяся в распоряжении человечества, сконцентрирована в США и используется для изготовления атомных бомб. До тех пор, пока атомная бомба не будет запрещена, перспективы использования атомной энергии в мирных целях еще весьма сомнительны.

За энергией следует тяжелая промышленность; и здесь существует еще большее несоответствие между странами, подобными США, где производство стали достигло колоссальных размеров, и огромными территориями Азии, где

сталь вовсе не производится. Сталь, алюминий, магний и другие металлы должны производиться повсеместно, или во всяком случае каждая страна должна обладать ими в количествах, достаточных для изготовления машин. Совсем нет необходимости потреблять столько металла, как в США, где громадное количество его расходуется непроизводительно. При равных условиях можно было бы добиться гораздо больших успехов в деле использования металла при хорошем знании его свойств и умелом его применении.

Металлургия представляет собой лишь отрасль химической промышленности, один из элементов того комплекса, который мы называем тяжелой индустрией. На опыте Советского Союза мы все больше и больше убеждаемся в том, что путем координации ряда отраслей химической промышленности, а также сочетания этих отраслей с металлургией можно получить громадные выгоды. В этом мы можем убедиться на следующем примере.

В природе есть достаточное количество необходимых человеку химических элементов. Не говоря уже об угле, азоте, входящих в химический состав нашей пищи, эти элементы находят свое применение для всевозможных промышленных и строительных целей. И нет причин, которые бы препятствовали бесконечному использованию этих элементов посредством преобразования их химическим способом в такое состояние, при котором они могут быть нам наиболее полезны, а затем, когда они уже не могут быть использованы в прежнем виде, подвергнуть их такой переработке, которая бы сделала возможным их дальнейшее использование. Для этого необходим научный и рациональный контроль над химическими элементами. В настоящее время металл наиболее непроизводительно используется в военных целях. Большая часть металлов, включая редкие, почти ничем не заменимые, добытые с величайшими затратами, обрабатывается и превращается в сложное оборудование, предназначенное лишь для того, чтобы взрывать, убивать, уничтожать, — и потерю этих металлов будет невозможно возместить. Для более наглядной иллюстрации того, что может быть достигнуто, возьмем использование лесных ресурсов. Лес — это не только

ценный, легко поддающийся обработке и многосторонний строительный материал, из которого можно делать дома и изготовлять мебель, причем гораздо более экономно, чем это имеет место сегодня. Добиваясь максимальных результатов при минимальных издержках производства, лес можно также использовать в качестве основного, исходного продукта для получения продовольствия. В разумно организованном хозяйстве мы смогли бы употребить дерево сначала в строительных целях, затем, когда оно отслужит свой срок, переработать на бумагу и, наконец, превратив его в сахар, прямо или косвенно использовать как корм для скота.

За основными отраслями индустрии — металлургией и химической промышленностью — следует обрабатывающая промышленность. В этих отраслях наука находится накануне завершения процесса, начатого во времена промышленного переворота, когда механизмы стали замещать физический труд человека и работу животных. При этом оказывается возможным усовершенствовать как самый процесс производства, так и его организацию и тем самым освободить рабочего от однообразного труда. Благодаря введению электрических приборов управления производство стандартных товаров может быть полностью автоматизировано, и тогда труд рабочего может быть сведен к изыскательским работам и эпизодическому ремонту машин.

* * *

С тяжелой промышленностью тесно связано развитие транспорта. Покорение воздуха, к сожалению, до сих пор служило прежде всего военным целям, целям разрушения. Но даже если бы авиация использовалась целиком для мирных целей, она все равно была бы лишь частью единого комплекса транспорта наряду со старинными его видами, особенно такими, как перевозка тяжелых грузов по рекам и каналам.

Одна из наиболее заманчивых новых черт в современной технике — это огромный рост технических возможностей для строительства каналов и плотин. Все сооружения прошлого, даже такие, как Панамский и Суэцкий каналы, теперь выглядят пигмеями по сравнению с тем, что сейчас

сооружается, например, в Советском Союзе. Родилась новая идея: преобразование природы в интересах человека. Но здесь неприменимы простые понятия промышленного развития, ибо преобразование природы является не только техническим, но и биологическим и историческим делом.

До сих пор люди селились лишь на незначительной части земли. Большая же ее часть была либо слишком холодной, либо слишком засушливой, либо слишком суровой, — так что ее считали совершенно непригодной для жизни. Теперь все это может быть изменено. Преобразование природы в громадных масштабах уже осуществляется в Советском Союзе, а в последнее время и в Китае. Самым необходимым элементом производства продуктов питания является обычная вода, а вода в природе распределена без всякого учета нужд человека. И вот в наши дни человек стал исправлять ошибки природы. Реки должны течь так, чтобы они орошали районы, которые в этом особенно нуждаются; вода не должна течь к морю лениво или слишком бурно, но должна быть сконцентрирована и эффективно использована. Это достигается путем издания целой системы водохранилищ, разгороженных плотинами с электрическими станциями, дающих воду для всех засушливых районов.

Все это сочетается с соответствующим использованием растительности на земле, насаждением лесов в тех местах, где они были уничтожены, и даже там, где в течение тысячелетий не выросло ни одного деревца; развести повсюду растения, необходимые как для питания, так и для промышленных целей, — словом, навести порядок на всем земном шаре — вот грандиозная задача для инженеров, биологов, экономистов, для всех людей! То, что уже сделано в этом направлении в Советском Союзе, с тем же успехом могло бы быть осуществлено в Северной Африке, в Индии и во многих частях Америки. Точно так же можно было бы подойти и к решению самых различных вопросов, связанных с зоной тропических лесов с их жарким и дождливым климатом, если на этих землях хозяевами будут сами населяющие их народы.

Однако необходимо не только выращивать больше сельскохозяйственных продуктов, но и использовать их

возможно рациональнее. Достаточно сказать, что $\frac{4}{5}$ общего количества сельскохозяйственных продуктов непроизводительно теряются из-за того, что они не всегда пригодны для потребления человеком или животными. Здесь могла бы помочь отчасти химия, отчасти биология. Так, например, доказано, что, выращивая особым способом некоторые травы, можно получить определенное количество хорошего корма для скота и вместе с тем богатую растворимыми белками пищу для свиней и домашней птицы. Можно удвоить или утроить урожай с одной и той же посевной площади. Неисчерпаемым источником всяких ценных ресурсов является также море, а между тем до сих пор мы извлекаем из него лишь ничтожную долю того, что оно может дать. А если бы мы искусственно разводили морскую фауну и планктон, то имели бы очень много рыбы и могли бы получать водоросли, необходимые для производства ценных химических продуктов.

Комбинируя все эти способы, можно было бы решить проблему питания всех народов мира, прокормить не только ныне существующее, но и гораздо более многочисленное население земного шара. Мальтузианство — это признание своего бессилия. На самом деле на земле могло бы жить интересной и полнокровной жизнью неограниченное число людей. Сумма химических элементов, поглощаемых всем населением земного шара, составляет бесконечно малую частицу общего количества этих элементов, содержащихся только в земной коре. Не должно быть даже мысли о каких-либо ограничениях, и испытываемый в настоящее время недостаток в продуктах питания должен быть для нас стимулом к тому, чтобы при помощи науки постараться решить эту проблему.

У науки есть много других возможностей для повышения производительности растений — использование подземных вод при помощи насосов, работающих за счет энергии солнца или ветра, предохранение воды от испарения при помощи покрышек из глины и прочие мероприятия, которые могли бы привести к резкому увеличению производства, особенно в условиях зоны пустынь.

Подобным же преобразованиям поддаются и другие

стороны человеческой жизни. Достижения химии дали нам возможность носить более прочную и легко очищаемую одежду, чем раньше. Они позволяют, в случае надобности, изготавливать одежду из пластических масс, которые не надо ни пряхть, ни ткать, гораздо более дешевую по сравнению с известной нам до сих пор одеждой; ее будет дешевле купить, чем стирать. В других случаях, и это относится особенно к полярным и прилегающим к ним областям, применение науки может дать нам одежду, достаточно удобную и вместе с тем теплую, какой еще никогда не было.

То же самое относится и к жилищам. Почти повсеместно человек живет во вредных для здоровья и дорогостоящих домах. Но при условии правильного учета требований, предъявляемых к домам, и правильного применения новых строительных материалов, полученных из особо дешевого сырья, при условии применения новых скоростных методов строительства, использующих все те преимущества, которые уже дали о себе знать в обрабатывающей промышленности, не осталось бы причин, мешающих всему человечеству иметь лучшие жилища, чем современные дома даже самых богатых людей. Не вина науки, что сейчас этого не делается. Плохие жилищные условия объясняются тем, что наука не используется для этих целей, а все больше и больше применяется в совершенно иных целях.

* * *

Итак, наука может совершенствоваться и видоизменять те методы, которые человек применял задолго до появления самой науки. Но есть одна область, в которой без применения науки нельзя ничего добиться, — это человеческое здоровье. И разве не позор, что средства, отпускаемые на научно-исследовательскую работу в области медицины, намного меньше средств, ассигнуемых на усовершенствование способов и орудий истребления людей. А между тем, даже то немногое, что уже сделано, зачастую в связи с потребностями войны, как, например, изобретение пенициллина, показывает, какие колоссальные возможности таятся в этой области. Я имею в виду не только более ясное понимание химических процессов, происходящих в

нашем организме, и изобретение соответствующих лекарств в целях улучшения работы всех органов человека, но главным образом то, чего можно достигнуть путем более глубокого изучения связи нервной системы и мозга со всем остальным организмом для поддержания здоровья человека, ибо сам по себе факт лечения больных является по сути дела признанием нашего бессилия. Подлинно здоровое общество вообще не должно допускать возникновения болезней. Ни старость, ни болезнь нельзя рассматривать как неизбежное зло. Они — лишь такое «зло», которое требует величайших усилий человеческого ума — сначала для того, чтобы их изучить, затем — чтобы их устранить. Даже смерть не является абсолютной неизбежностью, а только неизбежностью, обусловленной существующими обстоятельствами: когда мы будем больше знать, мы сумеем продлить жизнь, а может быть, и победить смерть.

Таковы некоторые из перспектив, которые наука открывает перед человечеством. Но сама наука — не какая-то отвлеченная муза, далекая от повседневных дел и забот человека. Наука — это составная и неотъемлемая часть жизни и труда человека, часть культуры и прогресса общества. Уже одно то, что люди посвящают или могут посвятить себя творческим задачам, которые ставит перед ними наука, несомненно содействует общественным преобразованиям.

Мы видим, как в Советском Союзе и других странах, где люди отдают все силы своего ума творческому труду во имя общего блага, возникает ныне новая культура, новая духовная жизнь. И эта новая культура глубоко оптимистична; она не признает никаких границ и все с новыми и новыми силами берется за решение самых различных проблем. Она противопоставляет себя в этих странах отчаянию, разложению и фатализму, которые царят ныне в другой части мира.

Точно так же, как мы не признаем войну неизбежной, мы не должны считать неизбежными болезни, нищету, невежество, стесненную и убогую жизнь. Все отрицательные явления жизни тесно связаны между собой, но точно так же тесно взаимосвязаны и все положительные явления! Каждая из способностей человека может найти себе то

или иное применение. Возможности, тающиеся в науке, могут принести как наибольшие благодеяния, так и наибольший вред.

Проникаясь сознанием всего этого, ученые мира все больше и больше объединяют свои усилия в борьбе за то, чтобы их знания и их открытия были поставлены на службу человечеству, а не использовались в целях разрушения, чтобы наука служила жизни, а не смерти.

СУДЬБЫ НАУКИ ¹

В статье, напечатанной почти год тому назад в журнале «В защиту мира» ², я говорил о тех возможностях, которые откроются перед наукой, если она будет служить на благо человечества, а не целям разрушения, как в настоящее время. В данной же статье я хочу затронуть другой вопрос: рассмотреть условия, способствующие прогрессу науки и определяющие характер ее применения.

Научные открытия совершаются не по мановению волшебного жезла, они являются результатом упорного и разумно направленного человеческого труда. Для процветания науки прежде всего необходимо, чтобы достаточно большое количество людей имело возможность знакомиться с научными достижениями и плодотворно применять их на практике, чтобы научные открытия не оставались мертвым капиталом.

Но в наше время, несмотря на огромные успехи науки, ее развитие в общем далеко не соответствует тому, чего можно было бы ожидать. Нашими успехами мы обязаны трудам очень небольшой группы людей в нескольких странах. Это объясняется отнюдь не тем, что человечество недостаточно богато талантами. История говорит о том, что научно-исследовательская деятельность получила широкий размах в Вавилоне, Египте, Индии, Китае, Греции еще в глубокой древности. Объяснение вышесказанному надо искать в основном в причинах экономического и политического порядка.

В наше время война и подготовка к войне косвенным образом тормозят серьезную научно-исследовательскую

¹ Статья из журнала «В защиту мира», № 19, 1952 г.

² См. предыдущую статью. — *Прим. ред.*

работу и мешают плодотворно использовать ее достижения. Человечество хочет (и желание это вполне законно), чтобы научные открытия были использованы на благо всех, а также, чтобы каждый человек имел возможность участвовать в развитии науки и помогать ее применению на практике. Это право непосредственно вытекает из общего права всех людей, без различия рас и классов, к которым они принадлежат, деятельно участвовать в культурной жизни своей эпохи, ибо наука представляет собой один из элементов культуры, значение которого все возрастает, так же как возрастают и возможности его использования для создания материальных ценностей.

Говоря об «участии» людей в прогрессе науки, я имею в виду не только подготовку какого-то количества специалистов, хотя и это необходимо, но объединение человеческих сил, до сих пор не известное истории, то есть установление тесных связей между учеными, которые трудятся в своих лабораториях, и людьми, работающими на заводах и в поле, людьми, осуществляющими задачи непосредственного производства.

История подтверждает правильность этой идеи; мы видим, что наука особенно процветала в те эпохи и в тех странах, где рабочие и ученые-специалисты, ремесленники и люди богатые и располагающие досугом имели возможность действовать сообща, обмениваться опытом и своими мыслями. Так было при итальянских дворах в эпоху Возрождения, а во Франции, Англии и Голландии — в тот великий век, когда созданы были Королевское Общество и Королевская Академия; так было в Швеции, России, Америке во времена Линнея, Ломоносова и Франклина; в Англии и Франции XVIII в. — века промышленных революций и политических переворотов, да, наконец, и в другие эпохи, вплоть до наших дней, когда наука начинает развиваться в общемировом масштабе.

История пишется людьми учеными, образованными; поэтому роль рабочих и крестьян в деле прогресса всегда недооценивается. Но ведь первые удары невежеству нанесли чаще всего руки ремесленника, и только затем их увековечивали ученые в своих книгах. Так, основные законы земного магнетизма были впервые открыты Робертом Норманом, изготовившим компас и описавшим явления

магнетизма в своем сочинении на английском языке «The New Attractive» («Новое о притяжении») за пятнадцать лет до того, как знаменитый доктор Жильбер, королевский лейб-медик, возвестил всему миру об этом открытии в книге, написанной по латыни под заголовком «De Magnete». И точно так же ремесленник — оптик Липпершей — собрал и наладил тот телескоп, которым пользовался Галилей для своих астрономических наблюдений. А мысль о вакцине родилась у Женне в то время, когда он наблюдал, как крестьянки доили коров. Наконец, в более близкие к нам времена дополнительный электрод лампы Эдисона, этого чистейшего практика-электротехника, послужил прототипом радиолампы.

* * *

То, что я говорил об эпохе ремесленников и искателей-одиночек, трудившихся в своих лабораториях, в еще большей степени относится к нашей эпохе, эпохе массового промышленного производства, эпохе, для которой характерно стремление всякую работу вести на научной основе. Конечно, я хорошо понимаю, что действительное положение вещей, в особенности в Западной Европе и Америке, как будто бы противоречит такому утверждению. Исследователь в тиши своей лаборатории изобретает тот или иной производственный процесс, инженеры конкретизируют его, разрабатывая соответственные конструкции машин, другие инженеры создают проект завода и налаживают новый процесс производства. Но рабочим ничего не известно об этом. От них требуется только, чтобы они вертели какую-нибудь рукоятку или следили за стрелкой.

Так обстоит дело там, где наблюдается стремление к централизации, сопутствующее системе монополий и тесно связанное с военной экономикой. В этих условиях научная работа, как и все богатства страны и сырье, подвергаются централизации, то есть сосредоточиваются в немногих определенных промышленных центрах, где есть возможность достигнуть наиболее высокого уровня производительности. А всему остальному миру предоставляется скромная роль сбывать это сырье и разрешать сравни-

тельно несложные задачи монтирования и перевозки. При такой перспективе странам отсталым — а изрядная часть европейских стран относится к этой категории — нет никакой надобности стремиться к высокому уровню развития науки.

Однако такая политика, хотя она и осуществляется на практике, представляет не более чем карикатуру на те возможности переворота в науке и промышленности, который начинается в настоящее время. Такая дискриминация еще позволяет организовать прибыльное производство и, в частности, удовлетворять требования военного характера, но при этом используется лишь ничтожная доля человеческого опыта, знаний и инициативы, представляющих собой богатство бесконечно более ценное, чем все естественные ресурсы сырья и энергии.

Но в мире существует и противоположная тенденция: стремление к широкому распространению знаний, к полному использованию новых ресурсов.

Распространение научных знаний среди широких слоев населения и подготовка исследователей, специалистов, техников идет рука об руку с уничтожением перегородок между учеными и рабочими и крестьянами. Это стало возможным (впервые в истории!) в стране, где больше нет классов, то есть в Советском Союзе, и в тех странах, которые сознательно стремятся к общей с ним цели, — например в Китае. В таких странах интересы рабочих совпадают с интересами нанимателей и ученый должен соотноситься с ними.

При таком порядке вещей, по мере того как совершенствуется механическое оборудование и машины становятся все сложнее и дороже, рабочий все в большей мере не только следит за нормальной работой машины, но и поднимается до уровня инженера и ученого, которые ее изобрели и усовершенствовали. Именно таким путем новая промышленная революция может повсеместно привести к улучшению положения трудящихся в социальном и в интеллектуальном плане. Внутренняя логика механизированного производства именно и заключается в том, чтобы поднять рабочих и работниц — контролеров машин — до уровня инженеров и ученых. Новейшие гигантские экскаваторы, применяемые на советских стройках и

выполняющие труд тысяч рабочих, управляются инженерами, которые учились в университетах. Только путем сочетания основательного знания механики и практического опыта можно, во-первых, найти максимально экономичные методы работы, затем придумать технические усовершенствования, с тем чтобы разработать совершенно новый производственный процесс, значительно отличающийся от прежнего; нередко рождение нового производственного процесса приводит к тому, что машины, применявшиеся ранее и при помощи которых были найдены новые методы работы, устаревают.

Улучшение социального положения людей всех классов и рас во всем мире, повышение их культурного уровня тесно связано с внедрением науки в жизнь: это две цели, неотделимые одна от другой, два аспекта одного общего усилия. Ни один народ не может полностью приобщиться к культуре, не может по-настоящему двигать науку вперед, если в то же время другие народы будут коснеть в невежестве. Перед наукой всех стран земного шара стоят общие задачи.

В настоящее время более половины населения земного шара страдает от нищеты, голода и болезней. Оно нуждается в помощи. Но эта помощь не принесет никакой пользы и даже может причинить вред, если сведется к поставкам продовольствия. Только народ может сам себе помочь, развивая свои научные знания и свою промышленность и сельское хозяйство. Но для этого ему необходимо освободиться от иностранного политического и экономического влияния, освободиться от угнетения и перестать играть вспомогательную роль только лишь поставщика дешевого сырья и покупателя сбываемых ему третьесортных товаров. Каждый народ имеет право на свою долю богатств, которыми располагает мир, и нуждается в ней. Это право подразумевает и право на законченное научное образование всех слоев населения, и право участвовать в развитии науки.

Часто приходится слышать, что, мол, это, конечно, весьма желательно, это, так сказать, идеал, но его осуществлению мешают нищета и отсталость народов, и чтобы достигнуть этого идеала, потребуются века глубокой и разумно направляемой культурной эволюции,

Такая теория всегда была опасной, ибо в основе ее глится мысль о расовой «неполноценности», а в настоящее время она полностью обнаружила свою несостоятельность.

В настоящее время видные ученые, которым следовало бы проявить больше истинной учености, считают, что даже благодетельному применению науки, как, например, излечению болезней, следует препятствовать, так как оно может привести к чересчур большому увеличению народонаселения. Они придерживаются того мнения, что народное здравоохранение и просвещение следует распространять лишь постепенно, с осторожностью, начиная с «цивилизованных» областей Америки и Западной Европы, и что весь остальной мир в ожидании своей очереди должен пока коснеть в невежестве и погибать от болезней. Эта программа трусов несет в самой себе зачатки своего краха. В наш век державы-колонизаторы, следуя именно этой программе в своем стремлении опередить другие страны в распространении благ цивилизации, ввергли мир в две мировые войны, не говоря уже об экономических кризисах. Во всяком случае, сейчас уже слишком поздно пытаться применять эту программу. Народы колониальных стран, воодушевленные примером Китая, вовсе не склонны принять ее. Они и раньше понимали, что подобное направление развития несправедливо, а в настоящее время они уже не верят, что оно неизбежно. Получив в свое распоряжение земли и воды, освобожденный народ, избавленный от ослаблявших его болезней, трудится с энтузиазмом, ибо каждый работает теперь на себя, свою семью и своих близких и это устраняет угрозу голода, а индустриализация и наука обеспечат ему в будущем полную безопасность в этом отношении.

Правильность этой второй программы проверена на практике в самых различных природных и социальных условиях. Что же мешает осуществить ее повсюду? Это всем нам ясно: война и угроза войны. Но есть еще одна причина, более глубокая. Осуществлению чаяний и стремлений человечества препятствуют те, для кого выгодна экономика, построенная на колоссальном расточении богатств, так как это расточение приносит им лично большие прибыли,

Первой жертвой такой политики оказывается наука. Во многих странах девять десятых научно-исследовательской работы прямо или косвенно служат военным целям. Две важнейшие области науки — авиация и раздел атомной энергии — почти целиком «милитаризованы». В металлургии, машиностроении, химии и электротехнике, даже в тех отраслях промышленности, которые в настоящее время в основном выпускают продукцию «гражданскую», вся научно-исследовательская работа и производство ориентируются на военные нужды. Даже медицина и агрономия сейчас имеют свою «оборотную сторону» — они привлечены к созданию бактериологического оружия.

Чистая наука отодвинута на второй план, хотя ее в какой-то степени и двигают вперед для того, чтобы обеспечить возможность некоторых теоретических обобщений, полезных для военных целей. Развитие научных исследований в военных целях не может быть оправдано. Громадные суммы, которые тратятся на это — по меньшей мере полтора миллиарда долларов в США, 152 миллиона фунтов стерлингов в Англии, стране сравнительно бедной, — несомненно, могли бы быть затрачены на научные исследования, служащие «гражданским» целям и двигающие вперед промышленность, сельское хозяйство, народное здравоохранение; в этом случае был бы достигнут такой расцвет науки, какого еще не знала история.

Однако война наносит науке ущерб не только в плане, так сказать, финансовом, но и в гораздо более важном отношении. Это «секретность», которую надо соблюдать, ослабление связей между учеными, политическая тирания и идеологический контроль, приводящие к «милитаризации» науки, причем, как в области исследований для военных целей, так и во всех других областях научной деятельности. И все те, кто приемлет такое положение вещей, хотя бы как неизбежное зло, впитывают в себя воздух нездоровой моральной атмосферы. Эти люди представляют себе будущее человечество в виде унижительной и нескончаемой войны. Легче всего сослаться на то, что такова уж, мол, человеческая природа, так устроен наш мир, и искать выхода в том, чтобы ограничить сферу действия науки. Рассуждать подобным образом — значит снимать с себя всякую ответственность, безропотно до-

пустить ужасы атомной и бактериологической войны, отказать во всех правах и человеческом достоинстве своим противникам и жертвам. Мы знаем, к чему это ведет: вспомним Аушвиц и Нюрнберг.

Однако все возрастает число ученых, которые отказываются идти по этому пути или, если их уже заставили на него вступить, понимают, куда он ведет, и успевают вовремя с него свернуть. Они понимают, что раскол мира на два лагеря ведет, в свою очередь, к распаду международного союза науки. Они знают, что прогрессу науки мешают ограничения поездок ученых за границу, обмена научным опытом между учеными разных стран... Они отдают себе отчет в том, что научная деятельность проводимая под покровом тайны, и «проверка лояльности» представляют собой серьезную угрозу. Они сожалеют, что науку используют для создания бесчеловечного оружия.

* * *

Такую именно позицию заняла Всемирная федерация научных работников и ее филиалы, созданные в тринадцати странах, начиная с Америки и кончая Китаем. Эта позиция весьма знаменательна. В особенности интересно то, что ее заняли и вновь созданные организации, как, например, английское общество «Наука за мир». Первый национальный съезд этого общества в январе 1952 г. принял манифест, который получил поддержку многих видных английских ученых. В манифесте, в частности, говорится:

«Наука может в равной мере приносить пользу и причинять вред, и это, безусловно, налагает на нас большую моральную ответственность перед человечеством...

Мы, ученые, верим, что, для того чтобы покончить с разногласиями между нациями, необходимо обратиться к разуму людей и объективно освещать все факты. Наш долг призвать народы и правительства к тому, чтобы было выработано какое-то соглашение, разумное и прочное, которое положит конец применению все более и более разрушительных видов оружия для новой войны.

Мы хотим подчеркнуть международный характер науки, этой всемирной республики мысли. Ученые всех

стран являются собратьями, которых роднит общее стремление проникнуть в тайны природы. Их могло бы объединять и общее стремление улучшить жизнь людей на земле. Мы должны добиться того, чтобы повсюду уважались гражданские права ученых, и наш долг — попытаться устранить все преграды, стесняющие и ограничивающие свободное общение и обмен научным опытом между учеными всего мира».

Такую задачу ставят себе не только ученые, включившиеся уже ранее в Движение сторонников мира. Она волнует ученых Англии, Франции, Италии. За нее борются, несмотря на все трудности, ученые и в Японии, и в Германии. Даже в США ученые, разделяющие точку зрения, выраженную в манифесте, составляют довольно значительное число. Недавно целый номер американского «Бюллетеня атомной науки» был заполнен протестами, подписанными наиболее уважаемыми в Америке деятелями науки, против практики отказов в визах и паспортах ученым по чисто политическим мотивам.

Несомненно, большинство тех, кто мирится с ограничением свободы науки и с ее милитаризацией, кто тормозит ее движение вперед и мешает использовать ее на благо людям, делают это потому, что они убеждены, будто это — «неизбежное зло», которого требует политическая обстановка. В глубине души они, может быть, и хотели бы, чтобы положение изменилось, хотели бы жить в едином мире, где угроза войны была бы устранена. Эти люди, не занимающиеся политикой, не сочли для себя возможным присоединиться к какому-либо движению за мир. Но, быть может, мы добьемся их поддержки сейчас, когда идея мира захватывает все большие и большие массы людей, доказательством чему явится предстоящий в декабре Конгресс народов в Вене, на котором будут представлены все политические течения и взгляды.

Только защищая мир, наука вновь обретет свое подлинное назначение, а народы смогут вновь доверять ей и участвовать в научной деятельности во имя общего блага.

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ НАУКИ¹

Британская научная ассоциация всего лишь четыре года тому назад ставила своей задачей перековать мечи на плуги. Тогда, кажется впервые, была предпринята попытка исследовать вопрос о том, что могла бы сделать наука, если бы она была освобождена от обслуживания войны. Однако этому освобождению науки не суждено было осуществиться: наступило время гонки вооружений, ускорился темп милитаризации науки и надежды на ее полезное применение в «свободном» мире рухнули. Сейчас создано такое положение, когда даже наиболее лояльные и правоверные ученые сбиты с толку и встревожены. Типичными произведениями, характеризующими отношение этих ученых к создавшемуся положению вещей, являются: патетическая ничего не решающая «Этическая дилемма науки», избранная А. В. Хиллом темой своего президентского послания Британской научной ассоциации², затем трагикомическая книга Бертрانا Рассела «Воздействие науки на общество»³ и как признание окончательной безнадежности и бессилия — книга внука великого английского естествоиспытателя Чарльза Дарвина «Следующий миллион лет»⁴.

Общей идеей, связывающей воедино эти различные произведения, которые своеобразно реагируют на современное

¹ Рецензия Дж. Д. Бернала в журнале «The Modern Quarterly», New Series, Vol. 8, № 1, Winter 1952—1953, pp. 44—50.

² См. «Annual Meeting, British Association for the Advancement of Science», Belfast, september, 1952.

³ Bertrand Russell, Impact of Science on Society, Geo Allen Unwin, 1952.

⁴ Charles Galton Darwin, The Next Million Years, Rupert Hart-Davis, 1952.

положение, является зловещая доктрина попа Мальтуса. Согласно этой доктрине население увеличивается быстрее, чем средства его существования; война, голод и эпидемии являются неизбежными спутниками нехватки продовольствия, и им подвержено большинство людей. Лишь избранные — путем воздержания, а сейчас посредством контроля над рождаемостью — могут избежать этой участи, да и то лишь на время, потому что их поредевшие ряды рано или поздно захлестнут орды обнищавших и размножающихся, подобно кроликам, голодных людей.

Хилла особенно беспокоят слишком-де большие достижения науки в борьбе с болезнями и эпидемиями. Свое послание Хилл начинает с общеизвестных избитых истин, которых придерживаются некоторые ученые, чтобы, отпавляясь от них, показать шаткость позиции этих ученых. Следующие цитаты коротко передают его аргументацию.

«Совершенствование человеческой природы посредством применения науки является одним из самых благородных предприятий, — пишет Хилл, — но убеждение в том, будто этого можно достичь с помощью одной лишь науки, без изменения моральной основы общества, представляет собой опасную иллюзию. Если бы методы по совершенствованию человека и улучшению его расы, применявшиеся нацистами, могли рассматриваться исключительно как прикладная биология, тогда можно было бы многое сказать в их пользу. Но большинство из нас убедилось в том, что без веры (которая непосредственно не имеет никакого отношения к науке) в святость человеческой личности и морального закона эти опыты ведут прямо к катастрофе. Более того, в дальнейшем вы увидите ту дилемму, перед которой ставят нас важнейшие мировые проблемы...

Эта дилемма заключается в следующем. Все побуждения добропорядочных людей, все предписания религии и все традиции медицины настойчиво требуют, чтобы страдания облегчались, излечимые болезни лечились, доступные для предупреждения болезни предупреждались...

Все это может быть и так, но, руководствуясь этим правилом, человечество пришло бы к нищете и вырождению, и в результате цивилизация была бы обречена на вечное обеднение...

Кто осмелился бы заявить, что не следует принимать никаких мер по борьбе со всевозможными болезнями, и особенно такими, как холера, протестовать против улучшения здравоохранения в городе и деревне и обеспечения населения лекарствами и медицинским оборудованием, но при этом необходимо принять во внимание и последствия: и именно дальнейшее увеличение населения на миллион человек в год. Таким образом, науки — биологическая, медицинская, химическая и техническая, — применяемые по соображениям порядочности и гуманности, которые не могут вызвать никаких упреков и лишены какой бы то ни было задней мысли, приводят к чрезвычайно важной общественной проблеме, требующей для своего разрешения мобилизации всех ресурсов науки, гуманности и государственной власти».

Следовало бы предположить, что по этому вопросу Хилл, как биолог, должен был бы указать на некоторые практические меры общественного и научного характера, направленные на увеличение снабжения населения продовольствием. Но он вовсе не ставит перед собой такой задачи. Он предпочитает проповедовать безнадежность и занять безответственную позицию ученого, который столкнулся лицом к лицу с неразрешимой проблемой.

«Можно ли предположить, что люди даже при условии очевидных успехов практического применения науки, согласятся на такое ограничение роста народонаселения, которое бы шло в ногу с другими параллельными процессами (производством средств потребления. — *Ред.*), то есть на то, чтобы человечество могло развиваться планомерно и упорядоченно? Некоторые, становясь на чисто биологическую точку зрения, могли бы сказать, что люди будут размножаться и умирать, подобно кроликам, до тех пор, пока образование и потребность в более высоком уровне жизни не научат их лучшему. Однако большинство людей все же сказало бы нет. Но допустим, что усиленный рост населения, который умеряется болезнями, приведет не только к повсеместному истощению почвы и других естественных богатств страны, но также к непрерывному, все возрастающему международному напряжению и беспорядку, ставя под вопрос само существование цивилизации. Изменило бы тогда большинство гуманных и разумных

людей свои взгляды? Если нравственные принципы не позволяют нам причинять зло ради достижения блага, то имеем ли мы право совершать добро, когда заранее знаем, что последствием этого будет зло?..»

Как могло случиться, что человек такого ума, как Хилл, позволил ввести себя в подобного рода трагическое бессмысленное заблуждение? Это произошло потому, что его мысль работает лишь в одном направлении; все остальное ему просто не приходит в голову, а если и приходит нечто противоположное, то сразу же с возмущением отвергается. Применение науки в условиях капиталистической системы приводит к неразрешимой этической дилемме: мы должны отвергнуть либо науку, либо этику, либо и ту и другую. Меньшая посылка, то есть экономическая система, никогда не принимается во внимание. Быть может, стоило бы поискать лучшую систему, прежде чем отказываться от плодов тысячелетий цивилизации. До тех пор, пока громадные ресурсы, как материальные, так и научные, которые теперь расточаются на подготовку войны, не будут направлены на развитие сельского хозяйства и промышленности, до тех пор, пока хищническая земельная система и система товарного производства «свободного» мира не будет уничтожена, — до тех пор мы не можем надеяться найти решения дилеммы Хилла. Но все это для Хилла является недостижимой областью. Сформулированная же им дилемма есть дилемма, присущая капитализму, а не дилемма науки.

* * *

На первый взгляд кажется, что Бертран Рассел в своей книге «Воздействие науки на общество» видоизменяет безнадежную картину, нарисованную неомальтузианцами. Он в состоянии предвидеть проблеск надежды в случае соблюдения всем миром трех условий, по его мнению, вполне достижимых. Этими условиями являются: упразднение войны, равномерное распределение верховной власти и ограничение роста населения. Все это зависит, согласно Расселу, от установления мирового господства Соединенных Штатов. Война, как он считает, может совершенно исчезнуть: «Теперь существуют только два суверенных государства, — пишет Рассел, — Россия (с сателлитами)

и Соединенные Штаты (с сателлитами). Если одно из них получит перевес либо в результате победы на войне, либо при помощи очевидного военного превосходства, оно сможет установить единую власть во всем мире и сделает таким образом в будущем войну невозможной. Сначала эта власть в известных районах будет основана на силе, но если контроль будут осуществлять западные нации, то сила так быстро, как это только возможно, уступит место согласию. Когда это будет достигнуто, наиболее трудная часть мировых проблем будет разрешена и наука целиком будет использована в благородных целях».

Из дальнейшего содержания книги Бертрана Рассела становится ясным, что он стоит за установление над всем миром именно американского господства, ибо только в этом случае, по его мнению, ограничение населения происходило бы автоматически и вместе с тем имело бы место равномерное распределение власти. В противоположном случае Рассел не может считать себя счастливым, потому что его всегда преследует жуткий облик Советского Союза, который заставляет его закрывать глаза на все бедствия капитализма, в том числе на атомную и водородную бомбы, ради уничтожения коммунизма и всего, что, по мнению Рассела, стоит за коммунизмом. По той же причине он не в состоянии понять, что представляемая им «лучшая жизнь», когда каждый человек «как герой должен иметь возможность проявлять инициативу, как простой человек должен пользоваться безопасностью, как «винтик» механизма должен быть полезным», — эта лучшая жизнь может быть достигнута лишь в коммунистическом обществе и только в коммунистическом обществе. Расселу не дано понять, что успехи Советского Союза — по вкусу они ему или нет — оказались возможными лишь благодаря инициативе и сознательной самоотверженности миллионов людей и что лишь такое общество может заложить основы реальной безопасности.

В равной мере Бертран Рассел обнаруживает слепоту и по отношению к ограниченному и неустойчивому характеру процветания Америки. Он не видит, что обильный рай, благами которого он пользовался в течение своей долгой жизни, сохранялся ценой невероятных страданий в течение двух мировых войн и постоянного разорения двух

третей населения — угнетенных классов и народов колониальных стран. Эта слепота объяснима, но непростительно столь умному человеку так невыносимо лицемерить, проповедуя любовь и оплакивая жестокость как в гитлеровской Германии, против которой он почти никогда не выступал, так и в Советском Союзе, который он охотно забросал бы атомными бомбами.

В конечном счете философия Бертрана Рассела рисует столь же безнадежную картину, как и философия Хилла. По Расселу, единственный способ решения мировых проблем — это прибегнуть к силе для сохранения существующего порядка. Вопреки опыту нашей жизни, он надеется, что капиталистическая система, предоставленная самой себе, обеспечит счастливую и культурную жизнь одинаково для всех на том уровне, которым сегодня пользуется население Соединенных Штатов.

Как и следовало ожидать, Рассел так нигде и не подходит к разрешению вопроса, поставленного самим названием его книги «Воздействие науки на общество». История в его книге изображена тривиально и неверно. Успехи науки, на которые он ссылается, являются теперь общеизвестными избитыми истинами. Он не видит, какого громадного размаха может достигнуть наука в мире, который сумеет реализовать все ее силы и возможности, — в мире естественной и действенной социальной системы.

Более серьезная попытка рассмотреть эту проблему, исходя, в сущности, из той же самой либеральной доктрины, была предпринята сэром Чарльзом Дарвином в его претенциозной истории «Следующего миллиона лет».

* * *

Эта книга свидетельствует о банкротстве века и класса. В отличие от грубого американского пророка «страшного суда» Вильяма Фогта, Чарльз Дарвин более деликатно пытается убедить людей в том, что им нечего ожидать в следующий миллион лет, кроме нужды и разрушения. Он использовал весь престиж и аппарат современной науки, чтобы показать беспомощность людей перед лицом неумолимых законов природы и бесперспективность развития человечества, ибо с течением времени (почему он и

говорит о миллионе лет) человечество вырастет настолько, что практически ничего не достигнет.

В общем, сэра Чарльза не усматривает в будущем ничего, кроме повторения заколдованного круга ошибок прошлого, освещаемого смутными проблесками возможных успехов искусства и неизбежно бесполезной науки. Он показывает, что большую часть следующего миллиона лет население земли по своей численности больше чем в 3—5 раз не превысит существующее; что человечество будет подвержено всяким случайностям и насилиям и будет вести борьбу за истощающиеся естественные ресурсы. Уголь и нефть будут исчерпаны, обрабатываемая земля будет истощена. Большинство людей чаще всего будет находиться на грани голодной смерти, ведя ожесточенную борьбу за то немногое, что осталось.

«Что же касается менее счастливых граждан, — пишет внук Дарвина, — то уровень жизни любого общества, живущего исключительно за счет своих сил, — а это можно заранее предвидеть — неизбежно окажется ниже уровня жизни такого общества, которое, как современное общество, имеет возможность использовать ресурсы, накопленные сотнями миллионов лет. Голодная смерть и впредь будет угрожать более слабым гражданам будущего общества. Поэтому можно предположить, что условия работы в этом обществе будут гораздо более суровыми, чем в настоящее время...

Конечно, нет правила без исключений; подлинные способности будут соответственно вознаграждаться, но в перспективе неизбежно, что люди неквалифицированного труда будут обречены на необеспеченность и подвержены всяким случайностям. Одной из величайших побед нашего «золотого века» было уничтожение рабства на значительной части земного шара. Трудно предвидеть, каким образом это завоевание может быть сохранено в суровом мире будущего, постоянно находящемся на грани голода, и следует опасаться, что слишком часто некоторая часть человечества должна будет находиться в положении, которое, как бы его ни называли, не будет отличаться от рабства».

Сэр Чарльз так рассуждает о будущем потому, что, вопреки биологии, которой он занимается, его взгляд упорно

обращен в прошлое. С его точки зрения, «мы живем в «золотом веке», возможно в конце «золотого века», который, как легко может подтвердиться, является величайшим «золотым веком» всех времен, тогда как мы слишком склонны думать, что живем в обычное время». Он окончательно утратил безграничный оптимизм своего прапрадеда Эразма Дарвина, который вместе со своими друзьями Уаттом и Пристли, творцами промышленной революции в Англии, провозгласил наступление эры всеобщего прогресса. Чарльз Дарвин утратил даже веру своего деда в эволюцию. Он предпочитает обратиться к попу Мальтусу, этому оракулу реакции мрачных времен Питта и Кэстльри, с его законом народонаселения. И действительно, книга «Следующий миллион лет» представляет собой не что иное, как обновленное издание мальтусовского «Опыта о законе народонаселения» с гробовыми гвоздями, забитыми в него с помощью непогрешимой теории генетики.

Сэр Чарльз, как это делал до него и Мальтус, признает существование науки, но старается убедить, что от нее нельзя ожидать никакого спасения. С помощью точно такой же арифметики, к какой прибегал и Мальтус, он утверждает, будто население, увеличиваясь в геометрической прогрессии, удваивается каждое столетие и в течение двух тысячелетий обгонит любое возможное с помощью науки увеличение производства продовольствия. Единственными сдерживающими факторами попрежнему будут война, чума и голод. Не находя никакого пути спасения, он даже более пессимист, чем Мальтус.

«Прямой путь установления равновесия, — пишет Ч. Дарвин, — это тот, каким природа создает избыток (населения. — *Ред.*), а затем убивает его эпидемиями или голодом. Мальтус, а вслед за ним и другие, более поздние писатели пытались предложить решения, которые бы позволили нам избежать этой угрозы, но никто не смог найти сколько-нибудь убедительного решения этой проблемы. Следовательно, в течение очень длительного времени — миллиона лет — общий ход истории человечества в значительной мере должен быть таким же, каким он был по большей части в прошлом, то есть население будет вечно зависеть от средств существования и лишние не будут иметь возможности жить».

Доводы Мальтуса и поныне остаются столь же упрощенными и ложными, как и прежде, когда они впервые появились на свет. Ответ на них был дан Энгельсом свыше ста лет тому назад, и этот ответ есть ответ науки, ибо «...наука растет, по меньшей мере, с быстротой роста населения; население растет пропорционально численности последнего поколения, наука же движется вперед пропорционально массе знания, унаследованной ею от всех предшествующих поколений, следовательно при самых обычных условиях она также растет в геометрической прогрессии. А что невозможно для науки?»¹

Как же произошло, что сэр Чарльз не видит дальше Мальтуса, хотя он отлично знает о великих достижениях науки за последние сто лет? Просто потому, что он не понимает или не хочет обращать внимания на мир, где наука больше не является заповедником для немногих избранных интеллигентов — браминов и мандаринов, которыми он так восхищается, — но становится методом, применяемым всем народом для претворения в жизнь своих чаяний и устранения по видимости непреодолимых препятствий.

Силы, творящие современную историю, выпали из его фантастических прогнозов на следующий миллион лет. Он закрывает глаза на то, что мир сейчас находится на грани голодной смерти не из-за недостатка земли, а из-за феодального землевладения и капиталистической эксплуатации сельскохозяйственных рабочих. Он не видит, что с ликвидацией и того и другого количество обработанных земель увеличится и улучшится дело научного использования обработанной земельной площади, что и произошло в Советском Союзе и Китае. Осуществляемые советским народом планы, которые будут выполнены к 1957 г., обеспечат продовольствием сотню миллионов людей, а те планы, которые уже приняты, обеспечат еще несколько сот миллионов — и все это только начало. Сэр Чарльз закрывает глаза на то, что расточительное расходование угля, нефти и стали вовсе не необходимо связано с прогрессом науки, но представляет собой идиотство, патологический продукт капитализма, который направляет материальные ресурсы,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. II, стр. 316.

энергию и, что хуже всего, человеческий ум главным образом на извлечение прибыли и на войну. Если бы ресурсы, которые сейчас столь злонамеренно расточаются в Соединенных Штатах и в других капиталистических промышленных странах, в частности в Англии, были бы целесообразно использованы в общественных интересах в течение каких-нибудь десяти лет, — миллиард полуголодных, неграмотных и угнетенных людей мог бы зажить полнокровной, здоровой жизнью. И в течение тридцати лет была бы создана процветающая и населенная преобразенными людьми цивилизация.

Однако сэр Чарльз и те, кто думает, как он, пришли бы от всего этого в ужас. Что случилось бы с превосходством хорошо образованного и хорошо воспитанного меньшинства, которое столь искусно управляет Англией на протяжении последних двухсот лет? В общем, мы можем ответить, что если сейчас западный мир есть плод этого интеллекта, то мы хотим чего-то совершенно иного. Нам необходимо воспитывать мыслящих людей, не столько озабоченных сохранением существующего порядка или убежденных, что ничего нельзя сделать, сколько понимающих капитализм как определенную систему и отыскивающих ему альтернативу, которая вселяет надежду и которая всем принесет счастье.

Но что же остается сказать по поводу следующего миллиона лет, относительно которого сэр Чарльз проявляет такую заботу? Очевидно, ответ заключается в том, что если мы обратим внимание на следующие сто лет, тогда следующий миллион лет позаботится сам о себе. Многие из проблем, которые автор считает столь трудными, как, например, проблемы энергии и снабжения продовольствием, уже решены. «Окажется возможным, например, — пишет сам же сэр Чарльз, — превратить траву и деревья в удовлетворительные продукты питания для человека». Осуществление этого уже возможно, хотя, повидимому, пока не рентабельно, ибо мы еще располагаем гораздо более легкими способами получения продовольствия. Четыре пятых стоимости урожая наших обрабатываемых полей в настоящее время не используются ни в качестве продовольствия для людей, ни в качестве корма для скота. Точно так же дело обстоит и с энергией. В настоящее время мировые

ресурсы энергии расхищаются и расточаются. По произведенным подсчетам установлено, что только два процента энергии, используемой на предприятиях, расходуется на полезную работу, но даже и эта энергия идет на изготовление товаров, которые вовсе не являются крайне необходимыми. Более рациональное использование энергии дало бы возможность в миллион раз большему количеству людей, чем теперь, жить комфортабельно за счет такого источника, как солнечная энергия. В самом деле, при условии использования одного процента падающей на землю солнечной энергии можно было бы обеспечить существование 10 человек за счет каждого квадратного метра поверхности земли.

И действительно, этому процессу нет никаких пределов. На протяжении нескольких столетий, не говоря уже о миллионе лет, человечество, открыв новые колоссальные источники энергии, выйдет за пределы земли и сделает первые шаги по освоению пространства. Равным образом человечеству не нужно ждать миллиона лет, чтобы измениться самому и притом в гораздо большей степени, чем это произошло бы путем слепой эволюции. И задача науки будущего состоит в том, чтобы определить способы осуществления этого изменения. А то, что оно произойдет, это в свете событий прошлого и настоящего времени не вызывает никаких сомнений. Никто не обладает такими знаниями, чтобы положить предел человеческим способностям. Вот почему старательно написанная и ни на что не претендующая книга сэра Чарльза Дарвина представляет собой в действительности самую дикую фантазию. Эти установки в сочетании со всеми мрачными пророчествами его друзей-мальтузианцев являются кошмаром, свойственным только сумасшедшим. И менее всего вероятно, чтобы подобные кошмары сбылись сейчас, когда человечество пробуждается и начинает осознавать свою коллективную силу.

МИР
БУДЕТ СОХРАНЕН

РЕЧЬ НА ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТОРОННИКОВ МИРА В МОСКВЕ

27 августа 1949 г.

Товарищи и друзья!

Я считаю для себя большой честью приветствовать от имени Всемирной федерации научных работников эту конференцию, созданную советским народом, единым в своей борьбе за мир. Ученые несут особую ответственность за сохранение мира, так как их работа в прошлом в значительной степени способствовала ведению войны. А тогда это пагубное использование науки еще не достигло таких размеров, как теперь, когда для загнивающего капитализма война остается последней, но зато очень выгодной возможностью вложений капиталов. Научные исследования все более приспособляются к военным нуждам. Радиолокация, ракеты дальнего действия, атомная бомба, радиоактивные отравляющие вещества и последнее извращение науки — бактериологическая война занимают все больше ученых, которые могли бы использовать свои знания в мирном строительстве. В настоящее время судьбы науки в капиталистических странах находятся в руках тех, кто ненавидит мир, чьей единственной целью является обречение людей на муки и смерть ради сохранения своих прибылей. Это видно уже из самого выбора ими оружия, которое не является средством борьбы против противника, имеющего то же вооружение, а является оружием массового разрушения и уничтожения жилищ и посевов, оружием истребления детей и женщин. Но не таким оружием выигрывают войны, как заявил в своей книге об атомной бомбе мой коллега и друг профессор Блэкетт. Фашистскую Германию сломали не мощные фугасные и зажигательные бомбы, а героическая Советская Армия; не атомная бомба повергла Японию, а сознание превосходства сил Советского Союза. Но тем не менее капиталисты полагают, что

это оружие даст им возможность вести войну путем контроля издалека, путем нажатия кнопок. Отвратительное и, более того, гнусное чувство вызывает откровенное бахвальство генерала Бредли о тщательном отборе городов Советского Союза в качестве мишеней для атомных бомбардировок, — городов, построенных и восстановленных с такой энергией и любовью советским народом, спасшим остальное человечество от ужасов фашизма.

Вот какую ненависть и страх перед народом испытывают эти поджигатели войны! Но они знают, что подобные средства ведения войны не дадут желательных результатов. Вот почему они стремятся ввергнуть народы Западной Европы в кровавую бойню во имя Атлантического пакта.

Во всех странах капиталистического мира работники науки начинают осознавать, какими методами их используют для усугубления ужасов войны. Быстро распространяется международное движение протеста. Всемирной федерацией научных работников, которая сейчас представляет 30 тыс. ученых 15 стран, руководит такой великий ученый и борец за мир, как профессор Жолио-Кюри, который был президентом Конгресса сторонников мира в Париже и председателем Постоянного комитета движения сторонников мира. Эта организация (ВФНР) последовательно борется против подчинения науки целям войны. Использование науки в милитаристских целях достигло фантастических размеров. В Великобритании более 60 процентов всех расходов на науку предназначено на военные цели. В Соединенных Штатах более 1 млрд. долларов в год расходуется на научно-исследовательскую работу, имеющую прямое или косвенное отношение к войне. Но этим не исчерпывается вредное значение милитаризации науки: все большее использование ее в военных целях расширяет область засекреченного. Секретом является не только производство атомной энергии, но и свойства бактерий. Даже размеры участков земли стали военной тайной!

Скоро на все отрасли науки распространится японский призыв к подавлению опасных мыслей. Скоро в Соединенных Штатах наступит такое положение, что всем, кто не был и не является открытым врагом Советского Союза, будет запрещено преподавать и заниматься научно-исследо-

вательской работой; Великобритания покорно следует по этому пути.

В тех же областях, где наука не может быть использована в военных целях, ее используют для колониальной эксплуатации. В «четвертом пункте» своего послания конгрессу при вступлении на пост президента Трумэн говорит об использовании научных и технических ресурсов США для оказания помощи отсталым странам и для превращения их в благодатную сферу приложения американского капитала. Однако доставляющие доходы своим «покровителям» народы этих стран могут рассчитывать на помощь не больше, чем негры в южных штатах или рабочие в Южной Америке, получающие одну десятую часть заработной платы американского рабочего.

Совершенно очевидно, что в руках гнивающего капитализма наука никогда не сможет быть применена с пользой для человечества, а может привести лишь к растущей эксплуатации, к безработице, кризисам и войне. И не удивительно, что в капиталистических странах это вызывает неприязнь и враждебность к науке даже среди самих ученых. Возрождение взглядов о чисто «объективной» науке, пренебрежение к какому бы то ни было ее практическому применению в интересах общества является попыткой увести науку от ответственности. Заслуживает внимания тот факт, что подобные соображения не удерживают их защитников от злобной антисоветской пропаганды и в то же время заставляют их обходить молчанием или открыто одобрять использование науки в военных целях. При капитализме война отравляет науку. В то же время вне научного мира выявилось стремление вообще отвергнуть науку и подменить ее мистицизмом, который в конечном счете легко может привести к мракобесию фашистов. Из Америки уже прозвучал призыв к сокращению населения земного шара, призыв, который логически ведет лишь к употреблению более «совершенных» с научной точки зрения гитлеровских газовых камер. Вы достаточно хорошо знаете бессмысленную алчность и жестокость капитализма, сделавшую невыносимой жизнь человека в капиталистическом мире. Только в руках народа жилье и пища станут доступными для всех. Но народ еще недостаточно это понимает. Для капиталистов и их социал-демократических

пособников нет будущего, нет перспектив. Они утверждают, что обречена цивилизация, тогда как обречен только капитализм. При капитализме наука приносит не счастье, а одни разрушения. Ученый лишен свободы — он раб потерявших рассудок господ.

Как быть? Ответ на этот вопрос я вижу в этом зале, на улицах Москвы, украшающихся новыми парками и зданиями, в гигантских стройках будущего, ведущихся по всему Советскому Союзу. Я слышу его в речах академика Вавилова, в речи президента Академии наук Узбекской ССР, во всех выступлениях представителей Советского Союза, стран народной демократии и Китая. Здесь наука больше уже не служит капиталистам, а является достоянием всего народа. Народ должен овладеть ею и использовать ее для создания бесконечно прекрасного и счастливого будущего.

Советский народ силен потому, что он мудр, потому что он стремится, здесь и сейчас, претворить в жизнь лучшие мечты человечества. Сила советского народа не только в его собственных мужественных сердцах, но и в сердцах сотен миллионов угнетенных и поработанных людей всего мира. Для этих людей вы являетесь надеждой, вдохновляющей их на преодоление того отчаяния и угнетения, на которое обречены люди в капиталистическом мире.

Вот почему я так горд тем, что могу приветствовать от имени ученых и борцов за мир во всем мире великий советский народ, который своим героизмом спас науку и обеспечил ее развитие в будущем на благо человечества, и вместе с народом — его великого вождя и защитника мира и науки товарища Сталина!

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВАРШАВСКОМ КОНГРЕССЕ СТОРОННИКОВ МИРА ¹

Друзья по борьбе за мир!

Мы собрались сегодня здесь в этом великом историческом городе — Варшаве, чтобы найти пути предотвращения все более усиливающейся угрозы войны. Перенесение этого конгресса из Шеффилда в Варшаву, с Запада на Восток, симптоматично для единства движения сторонников мира во всем мире. Изменилось место проведения конгресса, но не его цель. Мы приехали в Шеффилд для того, чтобы возвестить миролюбивому народу Англии, что он не одинок, что он составляет часть великого, растущего всемирного движения. Теперь благодаря гостеприимству и сознательности народа Польши мы прибыли в Варшаву, и вместе с нами приехали представители английского народа, которые, вернувшись на родину, принесут весть о единстве борцов за мир.

Наша цель не изменилась. Напротив, она еще больше укрепилась после того, как мы прибыли сюда.

Весь смысл нашей работы по существу сводится к выбору между миром на основании переговоров и миром на основании вооружения. Западные державы, державы — участницы Атлантического пакта отказывались и отказываются обсуждать какие бы то ни было предложения о мире до тех пор, пока они не будут считать себя достаточно сильными, чтобы добиться принятия остальным миром любых условий, которые они сочтут нужными предъявить. Своим народам они заявляют: «Вы не будете в безопасности, пока не будете сильны». История учит нас,

¹ Из сборника «Второй Всемирный конгресс сторонников мира, Варшава, 16—22 ноября 1950 года», Госполитиздат, 1951, стр. 267—275.

что такая политика, из каких бы побуждений она ни исходила, всегда ведет к войне. Мы должны помнить об этом уроке. Не так много лет прошло с тех пор, как эта теория выдвигалась в более грубой форме, хотя ничем не отличалась по существу. Не следует забывать, что Гитлер тоже выступал под флагом мира. У него был план нового порядка, который весь мир обязан был принять. Германия с ее преобладающей мощью должна была навязать этот порядок остальному миру. Но как только народы оказывались настолько «непокорными» или «глупыми», что оказывали сопротивление, начиналась война. Планы Гитлера были столь жестоки, неистовы в своем выражении, сколь они были ужасны на практике, как об этом свидетельствуют развалины этого города и страдания польского народа.

И все же опасности, которые угрожают нам в новой войне, повидимому, еще более ужасны. Тот факт, что народы стран — участниц Атлантического пакта еще не прониклись тем агрессивным духом, в каком был воспитан народ гитлеровской Германии, не уменьшает материальных и моральных факторов, определяющих характер войны, которую они могут развязать.

Сейчас в мире существуют такие средства уничтожения, как атомная бомба, радиоактивное и бактериологическое оружие, гораздо более губительное, страшное и опустошительное, чем любое оружие, применявшееся в прошлой войне. Нет никакой гарантии, что оно не будет применено.

При всем важном значении этих материальных факторов глубоко укоренившееся и в значительной мере бесознательное чувство превосходства, свойственное правителям и в известной мере народам стран — участниц Атлантического пакта, представляет собой еще более серьезную угрозу. Они черпают в своей истории уверенность в том, что они являются прирожденными господами мира, что им предназначено поддерживать закон, порядок среди низших народов и что они имеют право обрушивать любую кару, которую сочтут необходимой, на тех, кто им не подчиняется. Это сочетается сейчас с глубоким страхом перед народными силами, которые все больше и больше расстраивают их планы господства, страхом, который

порожден нечистой совестью и сомнениями в том, действительно ли они всегда правы и справедливы, стремясь к господству над другими народами.

В основе политики атлантических держав лежит принцип, что нигде в мире нельзя допустить дальнейшую утрату власти теми, кто ее сейчас осуществляет. Они считают правильным и непреложным, что более половины населения мира должно находиться под господством менее одной десятой. Такова система, которую они считают неизменным и нормальным состоянием мира. Всякую критику этой системы в колониальных странах или в метрополиях клеймят как подрывную, а всякое восстание против нее — как агрессию.

К сожалению, в эти теории верят не только, те кто извлекает из них выгоду. Действительно, в них искренне верят многие миллионы порядочных людей в Англии и в Соединенных Штатах, и именно об этих людях мы должны помнить, когда пытаемся найти путь к миру. Им говорят, что им угрожает подлинная опасность войны со стороны нового, советского империализма. Многим из вас, может быть, трудно понять это. Нам не приходилось читать, что Красная Армия восстанавливает закон и порядок в Ирландии ввиду агрессии южных ирландцев против северных с целью воссоединения этой страны, подобно тому, как американцы восстанавливают закон и порядок в Корее. Как это ни парадоксально, именно потому, что Советский Союз не поступает таким образом, в глазах правителей западных держав он является особенно опасным. Они, повидимому, считают, что стоит только Сталину отдать приказ, и никто во всем мире не станет более добиваться независимости, свободы или социальной справедливости. Тот мир, который хотят навязать атлантические державы и в особенности США, — это мир, при котором их господство будет безоговорочно признано повсюду. Чтобы обеспечить такой мир, они хотят создать превосходящие силы и разрушительное оружие и использовать их там и в тех случаях, когда они считают, что их господство находится под угрозой. До тех пор, пока они не смогут сделать этого, они не примут никаких предложений, ведущих к ослаблению напряженности международного положения, какими бы разумными они ни были сами по себе и как бы они ни

отвечали желаниям народов мира. Наоборот, именно разумность этих предложений в настоящее время вызывает наибольший страх и ненависть. Для них те, кто хочет мира на основе переговоров, являются злейшими врагами. Именно вы, собравшиеся здесь, и сотни миллионов людей, которых вы представляете, являются с их точки зрения более опасными, чем самые могучие вооруженные силы.

Война, сказал Фадеев, ломится в дверь. Но несколько дней тому назад в двери Англии стучался мир, и именно перед ним Эттли захлопнул дверь так подло и так грубо. Они боятся самой идеи мира. Они не хотят, чтобы их народы даже обсуждали ее. Они не могут допустить возможности сосуществования двух систем в мире. Это означает, что в действительности они не верят в то, что при свободном и мирном соревновании их система может выжить; это значит, что они в основном рассчитывают сохранить свое нынешнее положение с помощью силы. Война — это единственная цель, к которой они стремятся. Но об этом редко говорят открыто. Напротив, движение сторонников мира поносят, как попытку помешать перевооружению и, следовательно, ослабить западные державы.

Мы против войны, мы не имеем ни малейшего желания ослаблять какое-нибудь государство. Мы хотим усилить все государства, обеспечив им возможность использовать свои силы не для разрушительных, а для созидательных целей. Целью движения сторонников мира является всеобщее, а не одностороннее разоружение. Но мы должны убедить народы наших стран в том, что наши намерения серьезны. Им сейчас говорят об огромной мощи Советского Союза и в то же время, как это ни парадоксально, о полной секретности, которая, казалось бы, делает невозможным узнать об этом. Нас обвиняют в том, что мы хотим уничтожить атомную бомбу и сохранить нетронутой эту мощь. Мы никогда не придерживались такой политики и сейчас, на этом конгрессе, узнали из исчерпывающего и авторитетного выступления Фадеева о том, что Советский Союз готов предложить и осуществить подлинное всестороннее разоружение, которое распространится на атомные бомбы и наземные войска.

Скоро уже нельзя будет скрыть от всех народов мира, что действительно существует реальная возможность под-

линного разоружения и возвращения к мирным условиям во всем мире. И действительно, в Англии под влиянием событий люди начинают понимать смысл официальной поддержки безграничного перевооружения и отказа вести переговоры. Усиливающиеся темпы военной подготовки уничтожили надежды на лучшую жизнь, на которую народ считал себя вправе рассчитывать после усилий и жертв, понесенных в минувшей войне. Ремилитаризация Германии под руководством нацистских генералов заставляет их осознать, что война была напрасной. Однако события в Корее больше, чем что-нибудь другое, довели до сознания английского народа ужасы войны, хотя многих из них убедили — и они поверили в это, — что правительство вмешалось в защиту Объединенных наций против агрессии. Им сейчас все более и более трудно примириться с несоответствием между преступлением, которое якобы было совершено, и непомерностью кары, которая сейчас применяется. 200 лет тому назад в Англии мужчин и женщин могли повесить и вешали за кражу даже носового платка. Такого рода правосудие, защищавшее собственность, было отвергнуто народом, когда он обрел некоторую степень власти. Международное «правосудие», которое влечет за собой сожжение городов и деревень, пытки и истребление мужчин и женщин, начинает представляться столь же нетерпимым. Английский народ возмущен зверствами, соучастником которых — пусть даже невольным — его делят. В то же время он начинает пугаться последствий. Он видит опасность распространения войны из Кореи на Китай и дальше до тех пор, пока все страны не будут втянуты в эту войну. У английского народа нет никаких споров с Китаем. Наоборот, китайский народ, который, наконец, стал хозяином своей страны, уже приобрел глубокое сочувствие и поддержку среди английского народа. Английский народ ужасается самой мысли о возможности быть втянутым в войну с китайским народом. Он начинает задумываться над тем, нет ли какого-нибудь способа положить конец всему этому и свернуть с пути, видимо, неизбежно ведущего к мировой войне.

Задача движения сторонников мира заключается в том, чтобы убедить сперва народы, а через них правительства, в том, что войну можно и должно предотвратить. Сейчас

не должно казаться трудным предотвратить развязывание агрессивной войны. Для того чтобы начать агрессивную войну, требуется длительная подготовка народа, как мы это наблюдали в гитлеровской Германии. Но сегодня подлинная опасность заключается в том, что агрессивную войну можно изобразить с помощью хитрой пропаганды, как войну оборонительную. Наша первая задача заключается в том, чтобы путем определения или — что еще лучше — разоблачения характера агрессии уничтожить эту иллюзию. К этому ведет и война в Корее.

Именно на основе пробуждающегося понимания обстановки надо будет развертывать движение сторонников мира в Англии. Нам в прошлом приходилось сталкиваться с самыми разнообразными средствами запрещения обсуждения вопроса о мире, которые применялись во всех странах. Печать вначале игнорировала, а потом начала опроверживать наше движение. Лейбористская партия запретила своим членам и организациям принимать в нем участие, и если бы она могла, то она запретила бы всякое серьезное обсуждение вопроса о мире. Теперь, после Шеффилда, уже невозможно сохранять более такое положение. Об этом свидетельствует находящаяся на этом конгрессе многочисленная делегация английского народа, представляющая все классы и профессии. Политика, которую английское правительство проводит по указке американского крупного капитала, противоречит всем традициям английского народа. Как только будет пробита брешь в стене репрессий и предрассудков, окружающей движение сторонников мира, оно неизбежно быстро прорвется через нее и распространится среди миролюбивого народа Англии. Интерес, пробужденный к этому движению в связи с попытками сорвать в Шеффилде конгресс мира и с перенесением его в Варшаву, вполне возможно, послужит той вехой, которая ознаменует решительный перелом.

Мы собрались на этот великий конгресс во имя единой общей цели. Однако мы прибыли из стран с самыми различными формами правления и соответственно должны найти различные средства добиться этой цели. Каждая страна, каждая организация должна найти наилучший способ борьбы за мир. Мы понимаем, что в Советском

Союзе, Китае и в странах народной демократии мирное производство с целью повышения благосостояния народов само по себе является величайшим вкладом в дело мира. Кроме того, сделан еще один вклад, символом которого является данный конгресс. Когда двери Польши открылись для людей, единственным паспортом или визой которых было стремление к миру, был сделан первый большой шаг на пути к уничтожению вредного мифа о железном занавесе. Мы теперь видим, что такое в действительности железный занавес: это завеса слепоты и предрассудков, которую реакционеры стараются опустить перед народами западного мира. Если мы будем разоблачать это, то это поможет в значительной мере рассеять предрассудки и страхи, на которых зиждется политика военной подготовки. Мы искренне надеемся, что Варшава — это лишь первый из городов, в которых люди со всех концов мира смогут свободно собираться во имя дела мира.

Перед нами в Англии стоит еще одна задача. Всех нас вдохновляет опыт Варшавы. Мы должны вернуться на родину, исполненные решимости рассказать все, что мы видели и узнали. Мы должны быть готовы к тому, что нам придется преодолевать недоверие, которым, быть может, нас встретят вначале. Мы должны заставить людей понять, что только на основе объединения всех без исключения народов может быть создано подлинное движение сторонников мира. Докажем, опираясь на свой опыт, что это возможно. Люди различных политических убеждений также должны научиться действовать сообща в едином движении сторонников мира. При нынешнем международном положении невозможно представить себе действенное движение сторонников мира без поддержки коммунистов, которые пользуются приверженностью половины народов мира. Но движение, ограниченное коммунистами и их сторонниками, несомненно, было бы столь же неэффективным. Такая обособленность может лишь усилить «холодную войну». В интересах социалистов, либералов и консерваторов, чтобы коммунисты участвовали в движении сторонников мира так же, как в интересах коммунистов действовать сообща с людьми, придерживающимися совершенно иных экономических и политических взглядов. Если мы утверждаем, — а мы это делаем, — что война не

неизбежна и что различные системы в мире могут мирно сосуществовать, то мы должны с самого начала исходить из единства самого движения сторонников мира.

Нам было поручено заняться на этом конгрессе практической работой и воплотить свои идеи в определенные предложения. Я хотел бы предложить вниманию конгресса проект резолюции, которая является попыткой осуществить наши стремления расширить движение сторонников мира, что и было основной темой моего выступления. Эта резолюция, которая уже передана в соответствующую комиссию и единодушно одобрена английской делегацией, сводится к следующему:

Предложения

о расширении движения сторонников мира, одобренные английской делегацией

1. В целях максимального расширения движения сторонников мира Второй Всемирный конгресс сторонников мира, помимо своих общих воззваний, должен обратиться в отдельности ко всем организациям — к политическим, религиозным или иным — во всех частях света, которые в настоящее время борются за мир или могут бороться за мир.

Он должен предложить им установить самое тесное сотрудничество между ними и соответствующей организацией всемирного движения сторонников мира на основе общих принципов своей программы, не требуя полного ее принятия. Сотрудничество должно строиться на основе отсутствия дискриминации по расовому, религиозному или политическому признаку и должно обеспечить подлинно международный характер всемирного движения сторонников мира.

2. Для того, чтобы такое сотрудничество было установлено возможно быстрее и эффективнее, всемирное движение сторонников мира и входящие в него национальные организации должны употребить все свое влияние, чтобы добиться обеспечения в каждой стране самой полной свободы общения, передвижения и собраний как в национальном, так и в международном масштабе.

Эта резолюция ставит своей целью уничтожить барьеры, которые до сих пор препятствовали распространению движения, и придать ему более широкий международный характер.

Те, кто, подобно мне, наблюдал весь процесс развития всемирного движения сторонников мира от Вроцлава до этого великого конгресса в Варшаве, должны сознавать, что в мире появилась новая реальная сила и что она быстро и успешно растет. Это сила, которая, будучи основана на мире, создает новое единение между всеми народами. Все здесь собравшиеся — друзья. С каждым днем и с каждым месяцем мы приобретаем все больше друзей среди всех народов мира. Мы собрались здесь, в этом зале, — мужчины и женщины, придерживающиеся всевозможных религиозных и политических убеждений, и выяснили, что все мы согласны с необходимостью жить вместе в мире.

Взгляните на статуи, стоящие вдоль стен с голубями мира в руках. Выпустим же этих голубей на волю, и пусть они полетят во все уголки мира!

ЗА РАЗОРУЖЕНИЕ ¹

Мир уже достаточно, и даже более чем достаточно, познал, что такое война. Даже если бы мы и могли забыть бессмысленное кровопролитие в Корее, то все равно война ежедневно вторгается в нашу жизнь. Ухудшение питания, повышение цен на одежду, урезывание необходимых расходов на научные исследования, на школы, на больницы и даже на жилищное строительство — таковы результаты военных приготовлений. Но хуже всего то, что утрачена надежда на лучшую жизнь, которая так или иначе заслонила собой те разрушения и страдания, которые принесла последняя война. Пока мы не порвем с нынешней политикой, — в лучшем случае можем надеяться лишь на неограниченный период перевооружения, который будет поглощать все больше и больше природных и людских ресурсов и наполнять мир подозрительностью и ненавистью, а в худшем случае — ожидать ужасов атомной войны. Мы переживаем экономический и топливный кризис, кризис электроэнергии и кризис рабочей силы. Нам говорят, что уровень жизни должен быть снижен, и в то же время нас призывают работать больше и дольше.

Теперь все убедились в том, что постигшие нас нищета и разочарование, страх за будущее обусловлены не ошибками или слабостью английского народа, а прежде всего и исключительно политикой гонки вооружений. Если бы мы не несли бремени вооружений Англии и высоких цен, установленных из-за вооружения Соединенных Штатов,

¹ Брошюра «Профессор Бернал о разоружении» была издана в 1951 г. Английским комитетом защиты мира с целью разъяснения английскому народу задач движения сторонников мира. В качестве приложения к этой брошюре был помещен текст Стокгольмского воззвания и призыв Всемирного Совета Мира к подписанию Пакта Мира между пятью великими державами. — *Прим. ред.*

мы сами могли бы отлично справиться со своими делами и даже имели бы возможность оказывать действительную помощь народам менее развитых стран. Но нам говорят, что как ни неприятно перевооружение, оно необходимо, ибо без него мы могли бы оказаться беззащитными и подверглись бы опасности потерять все, чем мы обладаем. Гонку вооружений нам изображают как основу для переговоров, подкрепляемых силой, как якобы единственно верный путь к миру. А между тем опыт двух больших войн XX в., кажется, должен был бы показать, что рост вооружений на деле ведет к войне и что еще не было случая, когда бы он приводил к миру. Перевооружение не может обеспечить безопасности. Все страны, принимавшие участие в минувшей войне, очень сильно пострадали от убийства множества мужчин, женщин и детей, от уничтожения жилищ, заводов и фабрик. И все это было сделано еще оружием устаревших образцов; а мы знаем, что в настоящее время имеются сотни атомных бомб, каждая из которых может убить сотни тысяч людей.

Вот почему народы, несмотря на все то, что им говорят правительства, отказываются теперь безропотно становиться на этот опасный и безнадежный путь и требуют, чтобы был найден какой-нибудь иной путь, а именно: прежде чем бесповоротно вручить себя воле правительств, народы должны быть уверены в том, что их правительства предпримут все, чтобы обеспечить реальную безопасность и устранить риск и жертвы, которые становятся нестерпимыми.

Это народное требование, находящее свое выражение в организованном движении в защиту мира, в профсоюзном и кооперативном движении, а также в той общей волне настроения, которое политические деятели называют общественным мнением, сделало мир главным вопросом последней предвыборной кампании в Англии. Именно это требование, выражающее чаяния всех людей земного шара, заставило Соединенные Штаты, а вместе с ними Англию и Францию впервые выдвинуть свои планы разоружения.

Именно давление общественного мнения, встревоженного безудержной гонкой вооружений, принудило даже президента Трумэна выступить с предложением о переговорах, чтобы найти «другой путь». Но до тех пор, пока

безопасность не будет обеспечена, до тех пор, пока слова не будут подкреплены делами, это давление общественного мнения должно усиливаться и сторонники мира должны быть хорошо информированы обо всем. Теперь уже недостаточно содрогаться от страха перед войной в ее новом и самом варварском облике — в облике атомной войны. Важно, чтобы достаточное количество людей осознало и поняло основные черты подлинного и практически осуществимого плана разоружения еще до того, как произойдет поворот к лучшим временам. Люди должны найти путь к разоружению настолько ясный, быстрый и практически осуществимый, что в случае необходимости можно будет заставить правительства выступить с его пропагандой.

Это будет нелегко; проблема разоружения в целом настолько запутана всевозможными осложнениями и недоразумениями (частью искренними, но в большинстве умышленными), что многие не видят ее в истинном свете, а некоторые просто сбиты с толку и склонны передать ее решение «верхам», которым-де в этом легче разобраться. Цель этой брошюры и состоит в том, чтобы внести ясность в эту проблему. Брошюра стремится показать, в чем сущность военных и политических трудностей разоружения и каковы способы их разрешения. В этой связи в брошюре использована работа Комиссии по разоружению Всемирного Совета Мира. Комиссия изучала эти проблемы в свете напряженного и неустойчивого современного международного положения и наметила основные пути решения этих проблем.

Политика гонки вооружений

Однако было бы трагическим заблуждением рассматривать вопрос о разоружении как обычный спорный вопрос. До сих пор, несмотря на все разговоры о разоружении, оно так и остается нереализованным пожеланием. Реализация же его — это ускорение разоружения. Тем же самым напряжением и страхом, которые вызвали у народов стремление к миру и разоружению, пытались и пытаются воспользоваться для оправдания как раз противоположной политики — политики гонки вооружений и даже превең-

тивной войны. Мы не можем надеяться на то, что мы действительно добьемся разоружения, пока мы не выясним действительных причин, мешавших и все еще мешающих разоружению, то есть до тех пор, пока мы не вскроем корни политики подготовки к войне.

Эта политика, которой твердо придерживается английское правительство вместе с другими правительствами атлантических государств, есть политика ускоренного формирования армий и накопления вооружений для того, чтобы занять позицию «переговоров, подкрепленных силой». Это политика, проводимая под «надежным щитом атомной бомбы», как выразился мистер Черчилль. Эта политика стремится к ликвидации достижений послевоенного мира путем перевооружения Германии и Японии под руководством некоторых прежних лидеров фашистов и милитаристов при подготовке третьей мировой войны.

Хотя сам по себе факт подготовки к войне атлантических государств достаточно очевиден — производится вооружение, войска обучаются, строятся военные базы, накапливаются атомные бомбы, — сторонники гонки вооружений пытаются его оправдать целым рядом соображений и доводов, очень часто весьма различных в зависимости от того, для кого они предназначены. Сторонники политики подготовки войны имеют в своих рядах как тех, кто хотел бы начать войну уже в следующем году, если даже не раньше, так и тех, чьим идеалом является своего рода бесконечная «холодная война» вооруженных до зубов сторон, страшащихся начала военных действий.

Откровенных поджигателей войны немного, но они могущественны и крикливы. К ним относятся такие люди, как генерал Макартур, секретарь по военно-морским делам Соединенных Штатов Мэттьюс, советник президента США по внешнеполитическим вопросам мистер Джон Фостер Даллес и, к несчастью, слишком много богатых и влиятельных людей в Соединенных Штатах. Их позиция лучше всего может быть охарактеризована их же собственными словами.

«Нашей неизменной целью, — заявил, например, Макартур 17 октября 1951 г. на съезде Американского легиона во Флориде, — является сохранение бесспорного контроля над морями, обеспечение неоспоримого контроля

в воздухе, энергичное выполнение нашей атомной программы с обязательством в случае необходимости применить атомное оружие и вместе с тем поддержание достаточных по численности и хорошо подготовленных наземных вооруженных сил, возлагая на наших союзников главную ответственность за наземные операции при обороне их собственных сфер территориальных интересов».

«Развязывание военной агрессии, — как провозгласил 26 августа 1950 г. Кеннет Мэттьюс, — снискало бы нам славный и популярный титул — мы стали бы первыми агрессорами ради мира».

«Пусть свободные нации, — говорил в Детройте 27 ноября 1951 г. Джон Фостер Даллес, — объединяются для создания ударной силы огромной мощи, а затем опираются все более и более на эту карательную силу как на средство устрашения и все менее и менее на ряд местных оборонных узлов».

Эта «школа насилия»¹ существует не только в Соединенных Штатах. За последнее время все чаще и чаще ей вторят и ответственные политические деятели Англии. Так, например, выступая в палате лордов, лорд Брабазон 28 февраля 1951 г. заявил: «Россия обладает лишь обычным вооружением, тогда как у нас есть атомная бомба... Я полагаю, что мы, пожалуй, сильнее в настоящее время, чем будем через четыре года... Угроза атомной бомбардировки Баку, предупреждая о необходимости эвакуации населения, была бы самой неприятной угрозой; она означала бы не насильственную смерть, но обрекала бы на голодную смерть в последующие годы».

«Нам говорят, — подпевал ему Дафф-Купер в «Дейли телеграф», — что проводить твердую линию — значит рисковать мировой войной. Мы должны пойти на такой риск».

Исходя из этого крайне тяжелого положения, если правительство Северной Кореи откажется принять эту резолюцию, поручит ли премьер-министр своему представителю в Организации Объединенных наций потребовать

¹ Здесь автор намекает на комедию Шеридана «Школа зловония», где высмеиваются аристократы, изощряющиеся от нечего делать в сплетнях, наговорах, клевете и т. п. — *Прим. ред.*

применения атомной бомбы... и сбросить ее над столицей Северной Кореи?» — запрашивал в палате общин Питер Робертс.

Эта школа «войны завтра» достигла своего кульминационного пункта в пресловутом выпуске американского журнала «Кольерс мэгезин», где атомная война описана в зловещих и ужасающих подробностях. В выпуске этого номера журнала принял участие английский писатель Дж. Б. Пристли, который, к своему вечному позору, присоединил и свой голос к одобрению атомной войны. Глетворность влияния этой пропаганды сказывается в том, что под ее воздействием люди свыкаются с мыслью о войне и представляют ее как нечто совершенно неизбежное. Более того, принимая во внимание попустительство некоторых реакционных политических деятелей Америки, существует реальная опасность, что война может быть спровоцирована действиями какого-нибудь безответственного местного военачальника, который вполне может оказаться немцем или японцем.

Но, быть может, еще большую опасность представляют действия правительства, которые хотя и не ведут к войне немедленно, но принимают форму целой системы мероприятий и «контрмер», которые с неизбежностью ведут к военным действиям. Это почти так и произошло в 1950 г. в Корее, а ныне угрожает произойти в Иране.

Переговоры, подкрепленные силой

Как бы ни была велика опасность подобной политики, все же она не так уж страшна по сравнению с высокопарно провозглашаемой политикой «переговоров, подкрепленных силой». Эта политика, хотя и не призывает открыто к войне, может привести лишь к такому положению, при котором война станет абсолютно неизбежной. К тому же эта политика имеет значительно более сильную и более серьезную поддержку, чем политика «войны сегодня». Сторонники немедленной войны, по словам генерала Омара Бредли, выступившего с порицанием генерала Макартура, виновны в том, что хотят начать «не ту войну, не в то время, не в том месте и не против того противника».

Те, кто добивается «справедливой войны» или, по крайней мере, выгод от этой войны, составляют верхушку советов атлантических держав. Их можно встретить повсюду — в правительстве, в верховном командовании, в руководстве деловых кругов, и они тем более опасны, что отвергают обвинение в подготовке войны и заявляют о необходимости вооружений лишь в качестве основы для переговоров. Эти фразы выглядят вполне убедительными до тех пор, пока мы не вскроем их подлинный смысл. Сторонники этой политики отнюдь не горят желанием обнародовать свои планы, но они время от времени просвещают своих собственных сторонников через уважаемые и дорогие журналы, чтобы достаточно ясно показать направление своей политики.

Первое заявление относительно этой политики было сделано Черчиллем в его знаменитой фултонской речи 4 марта 1946 г., которая является ключом к доктрине Трумэна и к «холодной войне». «Что мы должны рассмотреть сегодня, пока еще есть время, — это постоянное предотвращение войны и создание условий для свободы и демократии настолько быстро, насколько это возможно во всех странах. Наши трудности и опасности не будут устранены, если мы закроем на них глаза или просто будем ожидать, что случится, или проводить политику умиротворения. Что действительно необходимо, так это урегулирование, и чем дальше оно откладывается, тем труднее его будет достигнуть и тем более грозными становятся наши опасности. Из того, что я видел у наших русских друзей и союзников во время войны, я убедился, что нет ничего, что пользовалось бы у них большим уважением, чем сила, и нет ничего, что они менее всего уважали бы, чем военную слабость. По этим соображениям прежняя доктрина равновесия сил отныне непригодна. Если мы хотим содействовать соглашению, мы не должны обрекать себя на ограниченные действия, поощряя соблазны к разрешению споров силой».

Сущность речи выражена здесь в словах «создание условий для свободы и демократии», под которыми, как разъяснил Черчилль в других местах, подразумевается не что иное, как реставрация положения, существовавшего в странах Восточной Европы до 1939 г., то есть требование

возвращения их к прежней жизни посредством насильственной ликвидации народной демократии. О состоянии, которого достигла эта доктрина силы, можно судить по учтивой статье Себастьяна Хафнера в английской еженедельной газете «Обсервер» 11 ноября 1951 г.

«...Если одна сторона явно и неизмеримо превосходит другую, — пишет Хафнер, — то слабая сторона не возьмет на себя смелость вступить в войну, а сильная сторона не имеет нужды воевать. Факторы страха и неуверенности будут устранены, и мир может стать возможным, по крайней мере, на целое поколение или около того на основе покорности одной стороны и терпимости другой.

Идея «мира посредством силы» — посредством подавляющей силы — составляет основу нынешней политики западных держав, и она предлагает самую реалистическую надежду на мир, которую мы имели за последние шесть лет.

...Для достижения этого требуется постоянная мобилизация сил Запада и в равной мере постоянное объединение всех развитых стран мира, за исключением самой России, в единую политическую, военную и экономическую систему, которая со временем должна приобрести атрибуты сверхгосударства. Сверхгосударство такого рода будет достаточно могущественным, чтобы пользоваться безопасностью, несмотря на враждебность России; не допускать русской агрессии; оказывать давление с целью территориального урегулирования в Европе и в Азии и терпеть независимость русских. Это — минимальные «требования для обеспечения мира».

В Азии подобное «урегулирование» повлекло бы за собой возврат Китая под власть Чан Кай-ши, насильственную реставрацию французского режима в Индо-Китае. Роковая ошибка этой политики заключается в том, что ее мыслится достичь мирным путем. Народы Восточной Европы и Китая ныне заняты строительством новой жизни и экономики, впервые освобожденной от господства феодальных помещиков и иностранных капиталистов. Быть может, в Англии многим и не нравится то, что они слышат о путях, по которым идет развитие стран Восточной Европы и Китая, но они не должны предаваться иллюзиям, будто народы этих стран не будут бороться и не борются как

один против любых предпринятых извне попыток их «освобождения».

Любое требование, чтобы народы Восточной Европы, Китая и Индо-Китая повернули вспять, какой бы силой его ни подкрепляли, либо позорно провалится, либо приведет прямо к войне. Причина этого состоит в том, что «покоряющая сила», как убедился Гитлер, заключается не в пушках и солдатах и даже — в наши дни — не в долларах и атомных бомбах. Никакая сила подобного рода не может покорить мужчин и женщин, нашедших новый путь в жизни, путь, в который они верят и ради которого они готовы скорее умереть, чем вернуться назад, к бесперспективному и несправданию прошлому. Это уже показали народы Советского Союза и Китая при ликвидации своего тяжелого и несправдательного положения. И они меньше всего склонны вернуться в прежнее положение.

Надежда, что гонка вооружений якобы может «сдерживать» или даже сокрушить коммунизм, не является единственным оправданием политики перевооружения. Проведения этой политики требуют экономические интересы крупных дельцов, главным образом в Америке. В самом деле, вся экономика Соединенных Штатов спасается от кризиса лишь благодаря ежегодным правительственным заказам в размере 70 млрд. долларов. В других странах, таких как Франция и Англия, хотя гонка вооружений подвергает тяжелым испытаниям миллионы людей и угрожает национальным банкротством, она, тем не менее, является источником самых высоких прибылей для фирм, выполняющих военные заказы. Ради тех немногих, кто наживается на гонке вооружений, подавляющее большинство вынуждено страдать от этого и от них еще требуют поддержки политики гонки вооружений, преподнося им ее как абсолютную необходимость.

Гонка вооружений «для обороны»

В Англии большинство искренно поддерживающих политику гонки вооружений не отказалось от этой политики лишь потому, что они надеялись благодаря ей установить американское господство во всем мире. Этим людям говорили — и они искренно верили в это, — будто

перевооружение предназначено прежде всего и исключительно для обороны. Их стращали выразительными официальными отчетами о силе советских армий, якобы содержащихся для нападения на другие страны. Веря всему этому, не имея никакой возможности проверить истинность подобных утверждений, они и сейчас готовы принести в жертву сначала свои надежды на лучшую жизнь, а затем и поступиться своими жизненными интересами. Они верят, будто гонка вооружений, хотя бы это им и стоило тяжелых жертв, в некотором роде обеспечит их безопасность.

Мы можем надеяться на мирное урегулирование путем переговоров и разоружения лишь в том случае, если убедим людей именно с таким образом мыслей в том, что урегулирование принесет значительно большую безопасность, чем гонка вооружений. Вряд ли, конечно, можно непосредственно повлиять на тех, кто хочет и кто заинтересован в развертывании новой военной интервенции против Советского Союза и всего, за что он стоит. Джемс Бернхем, призывая как раз к такой войне, прямо заявляет об этом в своей книге «Грядущее поражение коммунизма»: «Если я хочу войны, а вы хотите мира, то о чем нам тогда разговаривать?»

Однако можно и нужно предостеречь тех, кто вздумает грозить войной или даже развязать войну с целью реставрации капитализма в Европе и Азии; заставить их подумать дважды, тщательно взвесить свои собственные силы и силы противника, которого они надеются запугать, и не забывать уроков недавней истории. Некоторые из этих людей вполне могут прийти к выводу, что игра не стоит свеч. Они могли бы сами сообразить — и, разумеется, большинство их сторонников за пределами Соединенных Штатов согласилось бы с ними, — что разорение Европы, включая и Великобританию, подобно тому как происходит разорение Кореи, несмотря на «высшие соображения», — слишком дорогая цена за обреченную на провал авантюру «насильственного уничтожения коммунизма». В конце концов, последние две мировые войны привели лишь к росту влияния коммунистов.

Стоит только признать, что от политики переговоров, подкрепленных силой, нельзя ожидать каких-либо мате-

риальных или политических выгод, не рискуя такой войной, как бесплодность подобной политики становится очевидной. Тем, кто искренно хочет перевооружения только для обороны, можно сказать, что все те преимущества, которые можно получить от проведения политики уравнивания сил посредством перевооружения, могут быть достигнуты путем переговоров между равноправными державами на справедливой основе взаимных уступок. Это могло бы привести к значительно большей безопасности при гораздо меньших расходах через разоружение, как необходимое условие урегулирования спорных вопросов, осуществляемого без озлобления и не содержащего в себе семян будущих войн.

Боязнь нападения со стороны более сильного врага, используемая для поддержки политики перевооружения, можно преодолеть только путем разоружения. Эта боязнь проистекает из незнания численности вооруженных сил и намерений предполагаемого противника. Перевооружение, умножая подозрения и ненависть, неизбежно увеличивает эту боязнь. Только разоружение, которое для обеспечения честного выполнения его условий, необходимо должно сочетаться с инспектированием, а также та или иная форма мирного соглашения могут дать подлинные гарантии безопасности. Только разоружение может облегчить тяжелое экономическое положение народа: высокие цены и урезывание расходов на строительство и общественные нужды. Разоружение выгодно для всех, кроме тех, кто извлекает прибыль из производства оружия.

Хотя и было сделано все, чтобы скрыть от народа истинный характер и мотивы политики гонки вооружений, ее непосредственное влияние на жизнь людей быстро разрушило заговор молчания и розоблачило скрывавшую его ложь. Призывать к гонке вооружений становится все более и более трудно, тогда как призыв к противоположной политике — политике разоружения — приобретает все большую популярность.

Цели разоружения

Всякий серьезный подход к проблеме разоружения должен начинаться с выяснения целей разоружения. Непосредственная и наиболее важная цель разоружения —

воспрепятствовать возникновению войны. План разоружения должен быть построен так, чтобы сделать практически невозможным для любой нации или группы наций начать агрессивную войну в большом масштабе. Если ни одна страна или группа стран никогда не будет обладать ни силой, ни военным потенциалом, необходимыми для ведения наступательной войны в больших масштабах, и если вооружения, которыми будет позволено располагать крупным нациям, будут сохраняться в основном на одном и том же уровне, то шансов одержать решающую победу будет так мало, что вероятность войны станет действительно весьма незначительной. Наличие стратегических баз, бомбардировщиков или атомных бомб в гораздо большей степени, чем наличие сухопутных вооруженных сил, вызывает боязнь нападения и, таким образом, создает гораздо больший риск войны. Даже такой стратег, как консерватор Лиделл-Гарт, признает, что создание карательного органа, обладающего огромной ударной силой, как это рекомендует Джон Фостер Даллес, было бы равносильно самоубийству: «Очевидно, что Советская Россия не хочет войны, ибо если бы она хотела, то нанесла бы удар тогда, когда это было бы легче сделать, то есть до того, как Запад начал перевооружаться. В настоящее время самая большая опасность состоит в том, что западные державы своими заявлениями или своим поведением могут дать понять советскому правительству, что как только будет достигнута соответствующая фаза перевооружения, они перейдут в наступление... Предпочтительнее иметь соответственное количество наземных вооруженных сил прикрытия, представляющих собой лучшую гарантию безопасности, чем возлагать свои надежды на чисто репрессивную угрозу атомной бомбардировки. Атомный бомбардировщик — плохой полицейский или пограничный страж. Он ненадежен, чтобы остановить нападающего, и в то же время сам в конечном счете подвержен фатальной опасности».

В наши дни можно подумать, что наиболее эффективным способом воспрепятствовать началу войны является организация совместных действий против агрессора, которая в прошлом проводилась Лигой наций и получила наименование системы «коллективной безопасности».

Многие все еще верят, что те же самые принципы должны применяться и в Организации Объединенных наций. Но это значит неправильно понимать основные цели ООН.

В Сан-Франциско составители Устава ООН, признавая провал прежних методов, попытались найти такой новый метод, который больше не опирался бы на силу. Устав ООН исходит из предположения, что все важнейшие действия ООН должны предприниматься с согласия всех пяти великих держав. Если они будут не в состоянии прийти к соглашению, то ясно, что простое превосходство в силах не сможет привести к урегулированию спорного вопроса посредством войны. Без принципа единогласия пяти великих держав Организация Объединенных наций становится простым учреждением по проведению политики самой сильной или богатой державы; в этом случае решения ООН не будут иметь моральной силы и их осуществление повлечет за собой всеобщую войну.

Несравненно лучшим решением все же было бы соблюдение принципов Устава ООН, которые требуют допущения Китайской Народной Республики в ООН, отказ от всяких уверток (таких, как «Малая ассамблея»), рассчитанных на обход правила единогласия в Совете Безопасности ООН — знаменитого «вето» — и прекращение едва скрываемых попыток превратить ООН в ширму для государственного департамента США. Если бы державы могли договориться действовать в согласии, то никогда не потребовалось бы применения вето; в противном случае все же лучше констатировать расхождение во мнениях и оставить вопрос открытым, чем довести дело до войны.

Требование соблюдения принципов Устава ООН отнюдь не противоречит принципу разоружения, а, наоборот, должно сопутствовать ему. Раз нации нашли более разумный путь урегулирования своих споров, то они больше не нуждаются в разбухшем и невыносимом бремени «холодной войны». И разоружение может быть проведено даже до того, как будет полностью восстановлен примирительный механизм ООН. Было бы неправильным полагать, что все споры должны быть урегулированы до того, как нации согласятся на разоружение, ибо главная причина разногласий заключается именно в существовании самих вооруженных сил. Именно наличие вооружен-

ных сил и вызывает подозрения и оправдывает или служит поводом для оправдания вмешательства во внутренние дела других стран «во имя национальной безопасности». Если бы было проведено регулируемое сокращение вооружений, то другие вопросы было бы значительно легче согласовать в атмосфере, свободной от страха.

Предложения Идена на Ассамблее ООН при всей их кажущейся разумности являются просто чем-то вроде телеги, поставленной перед лошадью. Пытаться решать прежде всего легкие проблемы — значит напрасно терять время тогда, когда идет гонка вооружений и серьезные проблемы становятся все более серьезными. Бесполезно пытаться решить австрийский вопрос без германской проблемы. Германская проблема есть прежде всего проблема демилитаризации, связанная со всеобщим разоружением.

Всякое разумное рассмотрение методов устранения международного напряжения следует начинать с разоружения. Нельзя оправдывать перевооружение ссылками на обеспечение безопасности. Лучшим свидетельством того, что действительной целью правительства является либо нападение на другую страну, либо угроза нападения, служит проведение им политики гонки вооружений и противодействие политике разоружения. Все агрессивные правительства со времен Гитлера стали утверждать, что вооружения нужны им только для обороны. Народы этих правительств хотят мира, и они могут верить своим правительствам, но то, что одной стороне представляется обороной, другой может показаться агрессией. *Действительные намерения правительства проверяются не тем, что оно говорит своему народу о целях своих вооружений, а тем, поддерживает оно или нет планы достижимого всеобщего разоружения.*

Первое требование к любому предложению по разоружению состоит в том, что оно должно быть *искренним*, то есть должно быть свидетельством о намерении разоружиться в том случае, если другие страны поступят также, осуществляя разоружение в достаточных масштабах и так быстро, чтобы получить реальный результат от одного года такой работы. Это предполагает, как было показано выше, отказ от всякого открытого или скрытого намерения

использовать превосходство в вооружении для того, чтобы навязать свою волю другим странам.

Из этого положения вытекает второе требование к плану разоружения, а именно: оно должно быть *справедливым*. Это значит, что под флагом разоружения не должно проводиться политики ослабления одной стороны и усиления другой, что могло бы привести к навязыванию решений силой или угрозой применения силы во время разоружения или тогда, когда оно будет осуществлено.

В-третьих, предложения о разоружении должны быть *практически осуществимы*. Они должны быть достаточно простыми, чтобы их можно было сразу же применить на практике без всяких проволочек, задерживающих разоружение в период между войнами. Предложения должны также содержать в себе достаточные гарантии их выполнения, чтобы, будучи принятыми, они были бы действительно осуществлены.

Из этих трех требований к предложениям о разоружении, то есть из требований *искренности, справедливости и практической осуществимости*, первое требование наиболее существенно и важно. Если есть *желание* разоружаться, то *средства* его осуществления всегда можно найти, и найти достаточно быстро. Без этого желания всегда найдутся доводы против плана разоружения, что он-де несправедлив или непрактичен. Хотя техника разоружения детально и сложна, все же при наличии доброй воли о ней не так уж трудно договориться. В самом деле, даже без наличия доброй воли уже достигнуто общее согласие по некоторым основным линиям технической стороны проблемы разоружения. Предложение о переписи вооружений и его инспектировании на месте в настоящее время принято всеми. Страны Северо-Атлантического блока в своих недавних предложениях, внесенных в ООН, согласились даже на то, против чего они до сих пор возражали, а именно, чтобы при обсуждении проблемы разоружения рассматривались вопросы применения атомных бомб и других засекреченных видов оружия.

Однако вопросы, по которым не достигнуто соглашения, все еще остаются камнем преткновения для любых эффективных мероприятий по разоружению. Сюда относится жизненно важный вопрос о запрещении атомной бомбы

и всякого другого оружия массового уничтожения. К ним относится также и вопрос о последовательности или порядке *стадий* разоружения, в частности вопрос, должна ли перепись вооружений быть произведена до или после провозглашения декларации о намерении разоружиться. В первом случае получение сведений о вооруженных силах, которыми располагают другие страны, могло бы вызвать, скорее, дальнейшую гонку вооружений, чем разоружение. Именно так и получилось бы, если, как намечалось в первом проекте предложений трех держав (США, Англии и Франции. — *Ред.*), процесс переписи проходил бы постепенно и по стадиям, причем перепись атомного оружия была отнесена на самый конец. В таком случае сама перепись вооружений просто облегчила военной разведке задачу выявления объектов для атомных бомб. Все эти соображения дают основание сомневаться в *искренности* предложений трех великих держав.

«Очевидно, нельзя ожидать, чтобы Россия объявила обо всех своих обычных вооружениях и позволила бы их инспектировать до тех пор, пока вопрос об американских атомных вооружениях откладывается на более позднюю стадию контроля, — указывала английская газета «Манчестер гардиан» 17 ноября 1951 г. — Это было бы значительно выгоднее Соединенным Штатам, так как они уже давно производят атомное вооружение».

С другой стороны, приводились доводы, что было бы несправедливо предлагать нациям согласиться на разоружение до того, как они будут располагать точными сведениями о силе возможного противника. Эти нации могут оказаться в худшем положении и тем самым будут лишены возможности исправить его путем дополнительного вооружения.

Если бы оба эти аргумента были признаны справедливыми, то могло бы показаться, что никакое разоружение, по существу, невозможно — на требование: «Никакой переписи без соглашения разоружаться» отвечали бы требованием прямо противоположным: «Никакого соглашения о разоружении без переписи». Но эта дилемма, — поскольку она искренна, а не используется как благовидный предлог для того, чтобы навсегда отказаться от разоружения, — вовсе не неразрешима.

В самом деле, разве так уж невозможно заранее обусловить, что в зависимости от той или иной комбинации вооруженных сил, которая была бы обнаружена последующей переписью вооружений, будет иметь место и само разоружение. Так, можно было бы заранее принять решение, что если страна А имеет, как это может обнаружиться, 400 дивизий, их число должно быть сокращено до 200; если же она располагает 180 дивизиями, тогда она должна будет сократить их число до 120; так же как страна Б, имея 100 групп тяжелых бомбардировщиков, должна уменьшить их до 50, а имея 60, — только до 40. Таким путем можно было бы резко сократить наиболее опасные скопления вооруженных сил, тогда как слабые вооруженные силы остались бы незатронутыми. Вообще разоружение можно было бы планировать таким образом, чтобы уменьшить относительное превосходство любой военной силы над соответственно противостоящей ей силой. Это устранило бы обвинение в том, что разоружение проводится в интересах сильной стороны. И действительно, единственным основанием для отказа от разоружения на таких условиях было бы стремление достигнуть «подавляющего превосходства своих вооруженных сил».

Запрещение атомной бомбы

Однако с 1945 г. вопрос о разоружении является не только вопросом о количестве солдат, пушек, танков и самолетов. В наши дни даже не говорят о плане разоружения, который не предусматривает решения вопроса об атомной бомбе. Главным препятствием для проведения в жизнь всякого плана разоружения был и остается упорный отказ правительства Соединенных Штатов каким бы то ни было способом ограничить возможность применения атомной бомбы, тогда как Советский Союз столь же настойчиво требует абсолютного ее запрещения. Здесь мы снова сталкиваемся с уже знакомым различием между принятием в *принципе* запрещения атомной бомбы, что официально объявлено правительствами, подписавшими Атлантический пакт, и отказом этих правительств на *практике* что-либо предпринять для его осуществления.

В предложениях, выдвинутых 15 ноября 1945 г. правительствами Соединенных Штатов, Великобритании и Канады по вопросу об атомной энергии, мы находим следующее не оставляющее никаких сомнений заявление:

«Для того, чтобы добиться наиболее эффективных средств в деле полного недопущения применения атомной энергии в разрушительных целях, и для того чтобы содействовать самому широкому распространению ее применения в промышленных и гуманитарных целях, по нашему мнению, необходимо учредить при первой же возможности Комиссию при Организации Объединенных наций по подготовке рекомендаций для представления в ООН.

В частности, Комиссия должна внести особые предложения:

«... (с) Для устранения из состава национальных вооружений атомного оружия и всех других видов вооружений, предназначенных для массового уничтожения».

Это же положение было вновь повторено 18 ноября 1951 г. в резолюции, внесенной правительствами Соединенных Штатов, Великобритании и Франции на сессии Генеральной Ассамблеи ООН:

«Первейшей обязанностью Организации Объединенных наций является осуществление ограничения и равномерного сокращения всех вооруженных сил и вооружений до уровня, достаточного для обороны, но не для агрессии, а также *достижение эффективного международного контроля*, чтобы обеспечить запрещение атомного вооружения».

Однако постоянные угрозы немедленного применения атомных бомб со стороны ответственных государственных деятелей стран Атлантического блока находятся в прямом противоречии с вышеприведенными заявлениями. Так, в критический момент войны в Корее президент Трумэн несколько неосторожно признал, что вопрос о применении атомной бомбы «рассматривается», тем самым опрометчиво дав понять, что, проконсультировавшись с командующим фронтом в Корее, он единолично будет решать вопрос о применении атомной бомбы. Хотя возмущение народов всего мира и лишило его на некоторое время всякой возможности привести свою угрозу в исполнение, но угроза все же остается.

Атомная бомба, несомненно, рассматривается как вполне законное оружие международной политики теми, чье мнение было прямо выражено Черчиллем.

«Мы должны поставить все точки над «i» и окончательно урегулировать все дела, — недвусмысленно разъяснял он свою позицию в речи в Лландидно в 1948 г. — Западные нации смогут достигнуть длительного урегулирования без кровопролития лишь в том случае, если они сформулируют свои справедливые требования при наличии у них атомной энергии до того, как ее получают русские коммунисты».

Эту точку зрения Черчилль отстаивал и впоследствии, о чем свидетельствует его речь на банкете у лорда-мэра Лондона 9 ноября 1951 г.: «Каким предстает перед нами сегодня международное положение? Громадные силы, армии, снабженные ужасным вооружением, преследуют теперь друг друга, находясь на разных сторонах пропасти, которую... ни одна не желает и обе боятся перейти, но в которую они могут упасть, увлекая друг друга в общую катастрофу. С одной стороны стоят сухопутные и воздушные силы Советской России и все их коммунистические сателлиты, их агенты и преданные им люди во многих странах. С другой стороны находятся те, которые называются западными демократиями с их значительно превосходящими ресурсами, которые сейчас только отчасти организованы, объединяясь вокруг Соединенных Штатов, в совершенстве овладевших атомной бомбой».

О том, что эта позиция Черчилля выражает не только точку зрения консерваторов, свидетельствует заявление м-ра Вудро Уайтта в палате общин 26 июля 1950 г.: «Мы должны прекратить всякие разговоры о запрещении атомной бомбы, сегодня это наше единственное преимущество перед русскими».

Для того чтобы скрыть это явное несоответствие между благочестивыми резолюциями и своими истинными намерениями, страны Атлантического пакта всегда официально придерживались версии о том, будто они хотят упразднить атомную бомбу, а Советский Союз якобы не соглашается ни на один сколько-нибудь эффективный план.

От народа скрывают, и он только еще начинает осознавать, что державы, подписавшие Северо-Атлантиче-

ский пакт, вплоть до настоящего времени связывают проблему запрещения атомной бомбы с планом Лилиенталя — Баруха, который лживо выдается за план Организации Объединенных наций. Этот план требует, чтобы процесс уничтожения атомных бомб был разбит на ряд стадий: во-первых, учреждение Агентства по разработке проблем атомной энергии, принимающего решения большинством голосов и, следовательно, находящегося всегда в зависимости от Соединенных Штатов; во-вторых, учет этим Агентством всех атомных запасов и заводов и решение им всех вопросов, связанных с размещением и объемом атомного производства. И только тогда, когда конгресс Соединенных Штатов будет убежден в правильном осуществлении этого плана, правительство Соединенных Штатов рассмотрит вопрос о рассекречивании и обезвреживании своих атомных запасов. Согласно этому плану, Соединенные Штаты смогли бы захватить в свои руки все основные отрасли будущей промышленности, оставляя за собой право использовать свои атомные бомбы, в том случае если эта программа почему-либо сорвется.

Такой план по самой своей природе неприемлем ни для одной подлинно независимой нации, рассчитывающей добывать свои естественные богатства своими силами и использовать их на благо своего народа. Поэтому такой план всегда отвергался советским правительством. Но советское правительство не только отвергало; оно внесло в ООН свой собственный план в 1946, а затем — в видоизмененной и более примирительной форме — в 1947 г. Согласно советскому плану, подписание обязательств об упразднении атомных вооружений должно происходить одновременно с учреждением инспектирующей и контролирующей организации для проверки хода выполнения этих обязательств.

Уже давно признано, что план Баруха неосуществим. Признание этого мы находим в передовой статье лондонской газеты «Таймс» от 19 ноября 1949 г. «Поскольку, однако, западный план в настоящее время совершенно недостижим, то остается выбирать между русским планом и вообще отсутствием всякого плана. Не может быть сомнения, что западные державы правы, когда говорят, что

в таком случае они должны предпочитать отсутствие контроля...»

И снова, 2 ноября 1951 г., передовая статья газеты «Таймс» указывает на следующее:

«Несправедливо предполагать, как это часто делается, что только противодействие Советского Союза Атлантическому пакту препятствует соглашению о контроле над атомной энергией. Истина заключается в том, что нет необходимых условий доверия, но если когда-либо система международного контроля и будет установлена, то она окажется ближе к русскому плану, а не к мероприятию, предложенному мистером Барухом».

А 1 декабря 1951 г. в газете «Таймс» мы встречаем еще более определенный приговор: «Для Соединенных Штатов это утопическое предложение столь же мало приемлемо, как и для Советского Союза».

Именно план Баруха, на котором упорно настаивают западные державы, срывает всякую возможность запрещения атомной бомбы. Хотя атлантические державы и объявили о своей готовности принять лучший план, если он только будет предложен, они не проявили еще ни малейшей склонности к принятию какого бы то ни было плана, который лишил бы их возможности немедленно применить атомную бомбу.

Этот спор о способах контроля над атомной энергией возник из-за наличия глубоких, существенных разногласий относительно ее использования. Правительство Соединенных Штатов, поддерживаемое Англией и Францией, стремится как можно дольше сохранить свои запасы атомных бомб и право сбрасывать их по своему усмотрению. Оно использует их для оказания политического давления. Советское же правительство хочет как можно скорее запретить применение атомной бомбы.

Здесь, в Англии, часто говорят, что запрещение атомной бомбы было бы совершенно несправедливо, так как «американское монопольное владение атомной бомбой», пользуясь выражением Черчилля, необходимо в качестве противовеса огромным наземным войскам Советского Союза. Этот довод всегда был безнравственным, ибо атомная бомба может быть использована эффективно, как это было в Хиросиме и Нагасаки, только против крупных

гражданских объектов. Разговоры о тактической атомной бомбе отчасти вызваны желанием считать концентрацию военных сил настолько большой, что их можно будет уничтожать при помощи атомной бомбы, отчасти — пропагандой с целью рассеять широко распространенный страх перед новой Хиросимой.

Идея американского монопольного владения атомной бомбой является одной из тех, которая с течением времени становится все более иллюзорной. Давно известно, что атомные бомбы могут быть изготовлены и уже изготавливаются в Советском Союзе. Если даже допустить, что в Советском Союзе атомных бомб меньше, чем в Америке, то мы не должны забывать, что Западная Европа, и в особенности Англия, представляют собой гораздо лучшие объекты для применения атомных бомб, чем Советский Союз. И с тех пор как мы стали, пользуясь снова словами Черчилля, «важнейшей американской базой атомных бомб», нам не следовало бы удивляться, если бы мы в свою очередь, подверглись бомбардировке атомными бомбами. Но поскольку ответственные военные руководители придерживаются мнения, что применение атомных бомб ничего не даст и принесет обеим сторонам лишь самые тяжелые жертвы, то есть некоторая реальная надежда, что атомные бомбы будут уничтожены и весь мир освободится от ужасного бремени страха.

Эта надежда подкрепляется тем фактом, что после длительного сопротивления атлантические державы наконец признали то, о чем они всегда спорили с Советским Союзом, а именно, что атомное и «обычное» разоружение должны проводиться одновременно. Этим признанием атлантические державы, по существу, сняли последний аргумент в пользу сохранения атомной бомбы, потому что любой серьезный план разоружения благодаря рассекретиванию и сокращению вооружений рассеял бы искусственно создаваемую боязнь нападения «подавляющих сил с Востока» — страх, который, по их мнению, должен вызвать у миллионов честных миролюбивых мужчин и женщин вопреки их лучшим чувствам желание встать под защиту этой бомбы.

Реальной силой, которая положит конец атомной бомбе, была и остается всенародная ненависть к этому

ужасному оружию. В этом не может быть никаких сомнений. Подавляющее большинство простых людей безусловно ненавидит атомную бомбу, которая в одно мгновение сожгла сотню тысяч мужчин, женщин и детей и обрекла тысячи других на месяцы мучений. Они не желают входить в подробности аргументации о стратегическом оправдании атомной бомбы — они хотят с ней покончить. На Стокгольмское воззвание о запрещении атомной бомбы откликнулось свыше 500 миллионов людей. Их было бы куда больше в таких странах, как Америка и Великобритания, если бы заблуждения, или требования партийной лояльности не заставили многих людей скрыть свои подлинные чувства.

Движение сторонников мира единодушно и непоколебимо в своем стремлении запретить атомную бомбу и все другие «научные» способы массового уничтожения людей. Правительства Соединенных Штатов и Великобритании противятся принятию поддерживаемой Советским Союзом и Китаем декларации о том, что первое правительство, применившее атомную бомбу, явится военным преступником. Но как они ни хотят сохранить свое суверенное право на массовое истребление людей, однако после того, как премьер-министр Великобритании пересек Атлантический океан и предупредил президента Трумэна о настроениях английского народа, правительство Соединенных Штатов не рискнуло и все еще боится применить атомную бомбу. До настоящего времени это является величайшей победой движения сторонников мира. Запрещение атомной бомбы должно послужить началом запрещения войны вообще.

Стадии разоружения

После запрещаяния атомной бомбы наиболее трудно будет урегулировать вопрос о *стадиях* эффективного разоружения. Не так уж трудно поклясться в хороших намерениях и во взаимном доверии. Однако реальная трудность в нашу эпоху глубоких антагонизмов и широко распространенного недоверия состоит в отыскании способов достижения подлинного взаимопонимания. В конце концов, только воля народов к миру заставит правительства пойти сначала на переговоры, затем на разоружение и

наконец на установление действенной системы мирного урегулирования спорных вопросов.

Переговоры, которые ведутся в Париже во время работы над этой брошюрой¹, могут рассматриваться лишь как далеко не полный, предварительный шаг в этом направлении. Что действительно является необходимым, так это равноправные и искренние переговоры, основанные на доброй воле, между всеми великими державами — Соединенными Штатами, СССР, Великобританией, Францией и Китайской Народной Республикой. Если это нельзя будет осуществить в рамках Организации Объединенных наций вследствие упорного и незаконного стремления правительства Соединенных Штатов не пустить Китайскую Народную Республику в ООН, тогда эти переговоры должны состояться помимо ООН. Требование таких переговоров между пятью великими державами уже выразили почти 600 миллионов людей, подписавших Обращение о заключении Пакта Мира, и, конечно, оно отвечает чаяниям подавляющего большинства населения земного шара. Во всяком случае, было бы нелепо предполагать, что предложения по разоружению заслуживают какого-нибудь внимания, если они не предусматривают участия Китая, обладающего величайшими в мире людскими ресурсами. То обстоятельство, что три атлантические державы не заинтересованы и не видят необходимости в том, чтобы считаться с Китаем, лишний раз свидетельствует об отсутствии у них серьезных намерений разоружаться.

Утверждение о невозможности выработать справедливый и практически осуществимый план разоружения является одним из наиболее мощных орудий пропаганды, используемым при ведении «холодной войны». Поэтому всякий реальный план разоружения представляет собой вклад в дело мира. Именно это и вдохновило Всемирный Совет Мира на разработку своего плана разоружения.

¹ Имеется в виду предварительное совещание заместителей министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции относительно выработки повестки дня Совета министров иностранных дел перечисленных стран. Совещание, проходившее с 5 марта по 21 июня 1951 г., окончилось неудачей ввиду отказа представителей западных держав включить в повестку дня вопрос о милитаризации Германии и строительстве американских военных баз. — *Прим. ред.*

Перед самым опубликованием этого плана события поставили те же вопросы. Проблема разоружения стала фактически главным вопросом на Генеральной Ассамблее в Париже. Предложения по разоружению были внесены как тремя главными атлантическими державами, так и Советским Союзом. По этому поводу были произнесены речи, были сделаны поправки и дополнения; состоялась специальная встреча представителей четырех держав, которая была освещена в печати. Однако все, что было достигнуто, сводилось к созыву новой комиссии по разоружению под названием «Комиссия по атомной энергии и стандартным вооружениям». Основные же разногласия по вопросу о запрещении атомной бомбы и о стадиях рассекречивания остались неразрешенными. Очевидным результатом работы этой сессии Генеральной Ассамблеи явилась демонстрация того, что атлантические державы никогда серьезно не думали о разоружении.

«Западные представители, — вынуждена была признать газета «Обсервер» 9 декабря 1951 г., — согласились на обсуждение главным образом из страха перед войной, испытываемого малыми державами. Ни до начала, ни во время переговоров у западных представителей не было сомнений, что при существующем напряженном международном положении нет никаких надежд навязать русским приемлемую и практически осуществимую программу разоружения». И действительно, сам способ разрешения технических трудностей не оставляет сомнений, что подлинные намерения атлантических держав заключаются в гонке вооружений. И пресса совершенно правильно обратила внимание на значение переговоров НАТО (Атлантического блока. — *Ред.*), происходивших в Риме по вопросу о формировании мощных вооруженных сил в Западной Европе и о воссоздании вермахта в Западной Германии. Сами споры вокруг вопроса о разоружении выявляют, кто — за и кто — против сколько-нибудь серьезного разоружения. Каков бы ни был результат и какой бы сложной ни оказалась процедура его достижения, основные принципы всякого искреннего предложения по разоружению не могут быть спорными или уклончивыми.

Ясные и честные предложения Всемирного Совета Мира дают возможность каждому самостоятельно решить:

искренно ли то или иное предложение или оно выставлено лишь напоказ и является пустым препровождением времени. Это ясно видно из предложения о порядке процедуры:

во-первых, принятие великими державами *конвенции, обязывающей правительства запретить атомное оружие, существенно и быстро сократить вооружения на приемлемой основе;*

во-вторых, всеобщая перепись вооружений, включая и атомные бомбы;

в-третьих, выполнение этих условий возложить на инспекцию и контрольную систему.

Наилучшим свидетельством искренности заверений о желании разоружиться является согласие или несогласие с первым пунктом. Если эта декларация о запрещении атомной бомбы и сокращении вооружения не будет принята и проведена в жизнь, другие мероприятия по разоружению — перепись и инспектирование — или будут использованы военной разведкой для подготовки войны, или, в лучшем случае, послужат поводом для бесконечных дискуссий, бесплодных с точки зрения практических результатов. Государственные деятели атлантических стран протестуют против такой оценки их деклараций, но как иначе следует понимать их упорный отказ принять на себя какие-либо обязательства? *Если правительства Соединенных Штатов, Великобритании и Франции искренно намереваются существенно разоружиться и запретить атомную бомбу при условии, что Советский Союз сделает то же самое, пусть они скажут об этом публично в любой форме, которую они изберут.* Если они так поступят, тогда может в действительности начаться дело разоружения. Говорят, что подобного рода публичные декларации бесполезны, но самый факт, что некоторые правительства отказываются выступать с этими декларациями, показывают, что им очень хорошо известно, насколько они важны и как трудно было бы правительствам пред лицом своих народов нарушить свои обязательства.

Естественно, что по преодолении первого препятствия останется трудность в согласовании численности вооруженных сил, которые должны быть оставлены каждой стране по окончании первой стадии разоружения. Это тех-

нический и военный вопрос, и его детальная разработка не входит в компетенцию движения сторонников мира. Они могут только сказать, что руководящим принципом здесь должно быть существенное сокращение вооружений. Самой лучшей гарантией против вторжения или массовой бомбардировки является наибольшее сокращение во всех странах имеющейся в их распоряжении ударной силы, а не сохранение якобы для *обороны* сил, предназначенных прежде всего для *нападения*. Так, Макартур заявил, что Тайвань является частью оборонительного пояса Соединенных Штатов, хотя этот остров и находится более чем в 4 тыс. миль от американского континента и только в 100 милях от китайского берега. В предложениях Всемирного Совета Мира принципиально обусловлено, что средства обороны страны, нуждающейся в обороне, должны быть приведены в соответствие с такими условиями, как, например, численность ее населения, протяженность ее границ. Что же до предложения учитывать также охрану коммуникаций, то следует принять во внимание и возможность злоупотреблений и гарантировать себя от того, чтобы военно-морской флот, предназначенный для защиты торговых путей, не был бы в равной степени легко использован для оказания давления на малые или экономически неразвитые страны.

Это поднимает целый ряд вопросов о том, какого рода вооружения могут быть разрешены нациям, обладающим колониями, как далеко может простираться право охраны границ своей территории и даже территории колониальных стран от нападения извне, чтобы не превратиться в возможность использования вооруженных сил для подавления законных требований колониальных народов на установление самоуправления. Это право не было предоставлено Голландии по отношению к Индонезии. Однако оно все еще бесчеловечно, но тщетно применяется Францией в Индо-Китае и Англией в Малайе.

Потребность в вооружениях вызывается также, как это отмечается в атлантическом договоре, необходимостью гарантировать себя от внутренней агрессии. Потребность в вооруженных силах для этой цели равносильна признанию того, что правительства, нуждающиеся в такой

защите, стоят у власти только с помощью силы или угрозы применения силы, как это, несомненно, имеет место в Греции и Испании. В конце концов, невозможно подавлять людей с помощью этих средств, и опасение, что они нужны и в других странах, является признаком морального упадка. Порядочные люди в действительности не верят в то, что их система неустойчива, что требуется большая армия для ее защиты от своих же народов; они не верят, что если изменения и должны произойти, то они не могут быть достигнуты мирным и демократическим путем. Важность этих вопросов общепризнана, тем не менее нельзя допускать из-за них никакой проволочки в деле разоружения. И в ожидании общего урегулирования спорных вопросов должен все-таки быть достигнут предварительный компромисс.

Этого компромисса никак нельзя достигнуть на основе предложения, выдвинутого тремя великими державами, согласно которому после проведения разоружения каждая страна должна сохранить вооруженные силы пропорционально своей производительной способности. В действительности это означало бы господство Соединенных Штатов над всем миром. Ибо в настоящее время в результате целого ряда исторических причин — хотя бы из-за того, что Соединенные Штаты, понеся небольшие потери, здорово нажились во время двух мировых войн, — они производят около двух третей промышленных товаров, производимых в капиталистическом мире. Если бы Соединенные Штаты вооружились и могли бы в соответствующей пропорции вооружить связанные с ними государства и им было бы разрешено сохранять базы во всем мире, то никакое сопротивление могуществу Соединенных Штатов было бы невозможно. Именно этого и хотят добиться наиболее влиятельные круги Соединенных Штатов, когда они говорят о «веке Америки» или, более лицемерно, об «американской ответственности за мир и безопасность во всем мире». Всякий, подразумевающий под разоружением именно такое решение вопроса, является просто обманщиком. И можно ли еще сомневаться в том, что как раз эта идея и лежит в основе всех рассуждений о «переговорах, подкрепленных силой», и сетований на то, что «свободный мир» (читай: капитализм) все еще не может

реализовать свои потенциальные производственные мощности в вооружениях.

Здесь, как и во всякой другой проблеме, связанной с разоружением, центральным вопросом является необходимость обеспечить такое разоружение, которое стало бы средством достижения прочного урегулирования всех спорных вопросов во всем мире. Путь к такому урегулированию может быть только один: искренний отказ от мысли изменить существующее международное положение как посредством применения военной силы, так и путем угроз ее применения. С другой стороны, разоружение не должно служить средством для замораживания мира в его нынешнем состоянии. Все богатства мира и достижения науки все равно не могут этого сделать. Охватившее весь мир движение за национальную независимость, за право народов самим использовать ресурсы и развивать свою промышленность по своему усмотрению будет расти все быстрее и быстрее. То, что преследует политика разоружения, достигается не ценой бесконечных страданий и разрушений, как это мы видим сегодня в Корее, но мирным путем, с помощью тех миллиардов долларов, которые расходовались и расходуются весьма расточительно на перевооружение.

Нельзя требовать, чтобы разоружение само по себе разрешило все противоречия, существующие в нашем мире. Как корейской войне, так и войнам в Индо-Китае и в Малайе должен быть положен конец. Германии и Японии нельзя разрешить снова стать очагами агрессивной войны. Необходимо далее, чтобы Китайская Народная Республика смогла занять принадлежащее ей по праву место в Совете Безопасности и чтобы Организация Объединенных наций вернулась к букве и духу своего Устава. «Холодная война» должна быть прекращена, и питающая ее атмосфера подозрительности должна быть рассеяна. Но все это недостижимо в условиях того ужасного напряжения международных отношений, которое вызывается гонкой вооружений. Разоружение есть необходимый и крайне неотложный шаг к прочному и длительному миру.

Движение за разоружение действительно непреодолимо; всенародное требование разоружения выдвинуло

его на первый план международных дискуссий. И тем не менее мы не добьемся ни разоружения, ни мира до тех пор, пока на деле происходит лихорадочная гонка вооружений, а разоружение производится лишь на словах. В этом вопросе время не за нас. Перевооружение Японии и Германии, удушение торговли между Востоком и Западом, все более угрожающие события в Испании и Африке, требование Эйзенхауэра об ускорении перевооружения и вербовки вооруженных сил стран Атлантического пакта — все это свидетельствует о реальной и острой опасности войны в ближайшем будущем. Если народ допустит, чтобы события развивались своим чередом, и позволит усыпить свою бдительность громкими фразами о разоружении, которые, создавая впечатление благоразумности, не приостанавливают даже на миг происходящей на деле гонки вооружений, тогда, конечно, катастрофа неминуема. Но, к счастью для всего мира, те, кто рассчитывает на эту пассивность, вероятно, будут сильно разочарованы. Во всех странах, и в Англии ничуть не меньше, чем где-либо еще, народ начинает благодаря своему повседневному опыту понимать, что именно означает гонка вооружений и куда она ведет. Народ уже заставил своих государственных деятелей говорить о мире; народ может со временем заставить их действовать в интересах мира. Это уже больше не является предметом заботы одних только политических групп или организаций в защиту мира. Должна быть использована всякая возможность просвещения народа и выражения его мнения, и использована эффективно, чтобы потребовать и обеспечить, пока еще не поздно, разоружение и мирное урегулирование спорных вопросов во всем мире.

МИР БУДЕТ СОХРАНЕН ¹

Читатели «Комсомольской правды» спрашивают меня: как английский народ относится к ремилитаризации Западной Германии?

Перевооружение Германии, проводимое империалистами, сильно обеспокоило английский народ. Вызванное этим позорным актом движение протеста можно сравнить только разве с реакцией нашего народа на кровавое преступление американских интервентов в Корее. И это понятно, ибо для большинства английского народа прошедшая война была не просто оборонительной войной против гитлеровской агрессии. Она обнаружила глубокую ненависть честных людей ко всему тому, что проповедовали нацисты.

Народ Англии ясно увидел, особенно после нападения Германии на Советский Союз, что он сражается против самой черной реакции, против звериной жестокости монополистического капитала и старого феодального класса прусского юнкерства. Поэтому простых англичан нельзя больше обмануть никакими лживыми разговорами о «вкладе Германии в атлантическую оборону».

Когда на глазах у всех освобождают преступника Круппа, а бандита Шахта приглашают в качестве финансового советника, когда гитлеровских генералов просят помочь в составлении агрессивных военных планов, когда раздаются наглые требования создать немецкую военную авиацию, — нетрудно понять, что возрождается старая нацистская военная машина.

Наглая попытка возродить нацизм является циничным издевательством над свободолюбивыми народами,

¹ «Комсомольская правда» от 15 апреля 1951 г.

над солдатами, которые погибли в сражениях против гитлеровцев, над женщинами и детьми, которые перенесли лишения и страшные бомбардировки.

Английское правительство, участвующее в проведении преступной политики ремилитаризации Западной Германии, знает о недовольстве нашего народа этой политикой. И поэтому оно старалось замаскировать свои действия. Единственным публичным заявлением было выступление Бевина, сделанное несколько месяцев назад. Бевин заявил, что его правительство не останется равнодушным к перевооружению Германии. Затем, без обсуждения внутри лейбористской партии, даже без формальной консультации с парламентом, правительство подписало соглашение, предусматривающее создание германских вооруженных сил.

Боясь народа, правительство Англии не посмело защищать политику перевооружения Германии открыто. Оно старалось спрятаться за ханжескими заявлениями о «защите» Европы, за мнимыми астрономическими цифрами о размерах Советской Армии. Только когда уже стало невозможным игнорировать волну протестов, министерство иностранных дел Англии распространило документ, в котором говорилось, что решение о перевооружении Германии было принято английским правительством «без какого бы то ни было американского нажима».

Двуличная, предательская политика английских правящих кругов кладет предел терпению английских рабочих. По мере усиления политики перевооружения Германии растет массовый протест против этого преступления. Воззвание, опубликованное Бюро Всемирного Совета Мира, было одобрено Английским комитетом защиты мира. Десятки тысяч протестов против ремилитаризации Германии были посланы министрам, членам парламента и местным властям. Прошли сотни митингов, и на них трудящиеся единодушно приняли резолюции против перевооружения Германии.

В то же самое время огромный порыв охватил все существующие массовые организации. Активную кампанию протеста ведет ранее созданный Союз демократического контроля. Митинг, организованный им в Лондоне, был одним из наиболее многочисленных со времени войны,

Значительно выросло движение ветеранов войны за мир. Одним из главных требований этого движения является протест против перевооружения Германии.

Многие профсоюзные организации трудящихся уже выразили протест против готовящегося в Западной Германии преступления против мира. Восемь английских профсоюзных деятелей были делегатами на недавно прошедшей в Берлине конференции европейских рабочих против ремилитаризации Германии.

Внутри самой лейбористской партии растет недовольство политикой руководства, идущего на поводу у американских империалистов. Многолюдная конференция лейбористской партии Лондонского округа приняла решение, осуждающее перевооружение Германии. Такие же конференции намечаются и в других районах. Хотя до сегодняшнего дня лидеры лейбористской партии абсолютно игнорировали все эти манифестации, они не смогут делать это бесконечно. Рано или поздно они вынуждены будут считаться с мнением большинства.

Лейбористские лидеры, конечно, попытаются отвлечь внимание народа от вопроса перевооружения Германии, надеясь на то, что протесты против милитаризации утихнут. Эта тактика, однако, потерпит поражение благодаря растущему массовому движению и бдительности английского народа.

Английский народ серьезно встревожен опасностью создания очага агрессии в Западной Германии. Никто, кроме реакционеров, не поддерживает перевооружения германских фашистов. Большинство английского народа требует заключения Пакта Мира. Задача движения сторонников мира в Англии, а также сторонников мира во всех странах — пробудить народ и довести до его сознания, что он может добиться сохранения мира, если возьмет дело его защиты в свои руки.

Мы уверены в том, что сторонники мира в Англии выполняют эту задачу.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА БЕРЛИНСКОЙ СЕССИИ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА

4 июля 1952 г.

Для нас ясно, что проблемы, требующие немедленного разрешения, — прекращение войны в Корее и демилитаризация Германии — служат лишь открытым проявлением более глубокой и общей проблемы перевооружения и разоружения. Как борцы за мир, мы занимались и впредь должны заниматься этой центральной проблемой. Наш долг — помочь людям понять, что есть выход из все ухудшающегося положения и усиливающейся «холодной войны» и что таким выходом является путь переговоров и разоружения.

На предыдущих конгрессах и сессиях Совета Мира мы рассматривали ряд детальных предложений относительно целей разоружения и способов его достижения. Я хочу только напомнить основные предложения Варшавского конгресса (1950 г.) и более точно сформулированные положения Венской сессии Совета Мира, состоявшейся в прошлом году. В них мы вновь подтвердили наше доверие к политике всеобщего, справедливого и скорейшего разоружения, которое количественно представляет собой реальное сокращение от одной трети до половины всех вооруженных сил, вооружений и военной промышленности, а качественно — полное запрещение средств массового уничтожения, в том числе атомного и бактериологического оружия. Далее, мы требовали такой организации системы инспекции и контроля, которая обеспечила бы осуществление этой программы в течение одного года и гарантировала бы на протяжении всех стадий ее выполнения полную безопасность участвующим в ней странам.

Но нами достигнуто большее. Деятельность сторонников мира превратила слепой страх и смутные предчувствия народов всех стран, в том числе и стран, ведущих «холод-

ную войну», в ясно выраженное требование разоружения. Это всенародное требование вынудило ООН вынести решение о разоружении. Шестая сессия Генеральной Ассамблеи учредила комиссию по разоружению, которой впервые было поручено рассмотреть общие вопросы сокращения вооружений и запрещения оружия массового уничтожения. Таким образом, эта комиссия могла достигнуть подлинного разоружения.

Я бы очень желал иметь возможность доложить Совету, что комиссия по разоружению добилась сокращения вооружений и запрещения оружия массового уничтожения, но все вы знаете, что этого нет, что решение проблемы все так же далеко, и далеко не из-за недостатка каких-либо технических дискуссий, а из-за той позиции, которую заняли некоторые державы, не скрывающие своей политики усиленного перевооружения.

Едва ли можно с бóльшим цинизмом отнестись к работе комиссии по разоружению, чем это выражено в передовой статье газеты «Таймс» от 30 мая 1952 г., где перевозятся новые предложения трех атлантических держав: «При нынешнем положении вещей мало кто может проявлять больше чем академический интерес даже к наилучшим планам разоружения. Предложения, которые были выдвинуты в эту среду в Нью-Йорке правительствами США, Англии и Франции, можно определить как наиболее разумные из всех появившихся до сего времени; однако и они представляют собой нечто немногим отличающееся от бумажного кораблика, пущенного против основного течения событий. Эти предложения были выдвинуты тремя державами, всего за неделю до того подписавшими боннское и парижское соглашения, направленные на восстановление западногерманских вооруженных сил, во исполнение собственных гигантских планов перевооружения».

Первооружение является существом политики этих правительств, реальной политикой, которой они следуют, идя по стопам злополучных милитаристов прошлого. Разоружение же — лишь красивая фраза, которую они не намерены претворять в жизнь. О разоружении они говорят только для того, чтобы успокоить свои народы и заставить их поверить, будто те тяжелые жертвы, которые их вынуждают приносить, — временны. К политике пере-

вооружения они относятся серьезно, к политике разоружения — нет. Главная задача международного движения в защиту мира, особенно в странах Атлантического пакта, заключается в том, чтобы заставить правительства отказаться от этой политики. Мы должны добиться того, чтобы правительства серьезно отнеслись к разоружению и отказались от перевооружения.

Это не такая уж невыполнимая задача, и даже не задача, требующая длительного срока для ее выполнения. Если наше движение будет действовать согласно своим принципам, оно должно встретить неограниченную поддержку народов всего мира, которые под воздействием все более и более растущих нищеты и крушения надежд, вызываемых политикой перевооружения, убеждаются в правильности этих принципов. В Англии все труднее становится скрыть от народа, что жертвы, к которым его призывают, а также рост дороговизны неразрывно связаны с перевооружением. Все шире распространяются сомнения в том, что перевооружение носит якобы лишь оборонительный характер. Идея переговоров, подкрепленных силой, все еще определяющая политику и консервативной и лейбористской партий, быстро теряет доверие у народа. Об этом говорят резолюции многих крупнейших профсоюзов, направленные против политики перевооружения, за подписание пакта пяти великих держав. Народ начинает понимать, что политика обеспечения мира при помощи силы служит предлогом для гонки вооружений, что под этой политикой скрыто намерение при удобном случае начать новый «крестовый поход» для того, чтобы «освободить» Европу вплоть до Урала и реставрировать в Китае «свободное» правительство Чан Кай-ши, возродив политику «открытых дверей» для американских предпринимателей.

Проповедь «крестового похода» против коммунизма в Америке открыто ведется уже в течение ряда лет, но усиливающаяся истерия его поборников, которые злоупотребляют законами и прессой для того, чтобы заставить замолчать всех своих противников, свидетельствует о провале попыток этих проповедников увлечь за собой народные массы.

В Европе, особенно в Англии, проповедники войны маскируют свои подлинные намерения, раскрывая их лишь

в дорогостоящих журналах. Правда, не так давно в консервативных кругах имел место рецидив прямого призыва к войне, но в основном пропаганда войны в Европе ведется под флагом свободы, что, конечно, не способствует осознанию массами агрессивной сущности войны. Эта маскировка является своеобразным признанием силы народного сопротивления политике развязывания войны. Сопротивление это неодолимо, оно растет, и события последнего времени в огромной мере укрепили его.

И это потому, что на деле программа и вытекающая из нее политика перевооружения встретились с серьезными трудностями, которые в значительной степени являются непосредственным следствием самой программы. Трудности эти носят частично политический, частично экономический характер; из-за этих трудностей выполнение плана перевооружения приостановлено в такой мере, что он оказался под угрозой полного провала. О политических трудностях, связанных с ремилитаризацией Германии и Японии, уже говорилось на данной сессии: ремилитаризация встречает сейчас сопротивление не только со стороны народов, ставших жертвами нацистского или японского милитаризма, но что еще более показательно, даже и со стороны самих народов Германии и Японии. Однако планы восстановления вооруженных сил во всем мире все же проводятся в жизнь, невзирая на конституционные и законные права тех, кто выступает против них. Но, несмотря на это, сопротивление, оказанное народами, вынудило милитаристов значительно изменить намеченные планы. Те огромные планы вооружений, которые намечались милитаристами на 1952 г., они теперь вынуждены отложить на 1954 или 1955 г., и это замедление гонки вооружений чрезвычайно важно, потому что оно дает возможность силам мира сплотиться и объединенными усилиями остановить гонку вооружений.

Экономические факторы с недавнего времени были значительно усилены политическими. Ранее мы не раз говорили о снижении жизненного уровня народов стран, присоединившихся к Атлантическому пакту, что являлось непосредственным следствием переключения рабочей силы и материалов на производство вооружений. С тех пор появился еще более угрожающий фактор — массовая безра-

ботица и экономический спад. Частично вследствие очень сильного колебания цен, вызываемого началом или прекращением поставок из США, и в большей степени вследствие снижения покупательной способности трудящихся продукция легкой промышленности, особенно текстильной, не находит сбыта, и тогда даже в Америке появляются классические симптомы кризиса, несмотря на колоссальные суммы, затрачиваемые на перевооружение.

В Англии уже кончился длительный период полного отсутствия безработицы, и теперь почти полмиллиона людей не имеют работы. Положение ухудшается долларovým кризисом, что ставит под угрозу всю экономику Англии. Правительство отчаянно пытается продолжать политику гонки вооружений, но эти обстоятельства замедляют выполнение программы перевооружения, причем противодействие этой политике растет изо дня в день. Лейбористская партия не может больше поддерживать американскую политику, не учитывая ее этих последствий. Наиболее влиятельные лейбористы уже выразили свой протест, и не подлежит сомнению, что этот протест поддерживается подавляющим большинством английских рабочих и внушительным числом представителей других слоев населения.

Аналогичные события, но с большей политической остротой произошли во Франции и других европейских странах. А крупные забастовки в нефтяной и сталелитейной промышленности Соединенных Штатов указывают на то, что экономические последствия политики перевооружения даже там дают себя знать. Народ — не только рабочие, но и бизнесмены — ищет выхода из невыносимого экономического положения, при котором исчезает надежда не только на улучшение, но даже на сохранение нынешнего положения.

Как ясно показало успешно проведенное Международное экономическое совещание в Москве, выход заключается в возобновлении мировой торговли. Но это требует окончания холодной войны и прекращения перевооружения, а также шага вперед — к переговорам и разоружению.

Таким образом, несмотря на всю решимость политических заправил в Вашингтоне продолжить сопротивление, они не смогут больше откладывать в долгий ящик вопрос

о подлинном разоружении. Форма, в которой разоружение будет осуществлено, должна стать для нас предметом новых и новых тщательных изысканий.

Мы могли надеяться, что этот вопрос внесет достаточную ясность в деятельность комиссии по разоружению Организации Объединенных наций, которая заседает несколько месяцев и которая совсем недавно опубликовала первый отчет. Всякий, кто изучал материалы комиссии, вынужден признать, что никаких успехов не достигнуто, хотя во время заседаний были сделаны признания, которые, по крайней мере, вскрывают истинную позицию некоторых держав по этому вопросу. При ознакомлении сразу же бросается в глаза резкое различие между планом, в сущности американским, который заботится лишь об уточнении этапов рассекречивания вооружений, откладывая получение сведений об атомном и бактериологическом оружии до самой последней стадии, после чего только и предлагается перейти к кое-каким переговорам о сокращении или ограничении вооружений; и планом Советского Союза, согласно которому соглашение о сокращении вооружений на одну треть и запрещении оружия массового уничтожения под строгим контролем, должно быть принято в первую очередь, за чем сразу же должно последовать и одновременное объявление обо всех имеющихся налицо вооруженных силах и вооружениях, включая и атомное оружие. Эффективно сблизить эти точки зрения не удалось, и в поле зрения ничего не появилось. В действительности Соединенные Штаты и связанные с ними державы свели вопрос о разоружении к тому же, к чему свела его в свое время злополучная комиссия по разоружению Лиги наций, а именно: к простой переписи вооружений. Теперь США пытаются возвести этот принцип на следующую ступень бесполезности, предлагая такое ограничение вооружений, которое могло бы скрыть действительный его рост, даже не пытаясь эффективно поставить вопрос о запрещении оружия массового уничтожения. Бесполезность этой процедуры усугублялась тем, что этот план предполагал расколоть комиссию на две: одну — занимающуюся вопросами «выявления и проверки» количества вооружений, и вторую — их «регулируванием». Слов же «сокращение» и «запрещение» старательно избе-

гали. К маю даже для самых ярых сторонников американской политики стала очевидной безнадежность дальнейших перспектив работы комиссии по разоружению. Именно это мы должны иметь в виду, рассматривая их предложения как новую попытку создать известную видимость серьезных намерений разоружиться. Эту политику мы видели в предложении трех держав установить предельные нормы количества вооруженных сил пяти великих держав: США, СССР и Китаю разрешалось иметь армию численностью от одного до полутора миллионов человек; Англии и Франции — от семисот до восьмисот тысяч человек каждой. О сокращении вооружений и запрещении оружия массового уничтожения в этом предложении ничего не сказано. Для начала предлагалось сократить численность войск, а в случае принятия этого предложения предполагалось, что соглашение по другим пунктам будет значительно облегчено.

Все прежние предложения по разоружению правительств США, Англии и Франции, как и это последнее, ставили своей целью убедить народы этих стран в своих «добрых» намерениях. Но они не имели успеха. Последние же их предложения должны быть признаны абсолютно несостоятельными. К ним отнеслись настолько несерьезно, что они не были даже как следует освещены в прессе. Как показывает цитированная выше передовая статья газеты «Таймс», реальность мер, предпринимаемых атлантическими державами в деле перевооружения, породила глубочайший скептицизм в отношении любых исходящих от них предложений по разоружению. Никто теперь всерьез не верит, что эти предложения могут быть приняты или в случае принятия выполнены. Однако они должны быть тщательно изучены не только потому, что они все еще кажутся некоторым точными и определенными, но и потому, что они раскрывают многое из основных намерений тех, кто их составляет.

Прежде всего, при всей своей кажущейся точности предложения западных держав по разоружению удивительно неопределенны. Совершенно неясно, что такое «вооруженные силы». Обученное пехотное формирование — вполне определенная, поддающаяся подсчету войсковая единица, но в понятие «вооруженные силы» можно

включить или из этого понятия можно исключить представителя почти любого рода войск, особенно технических служб. Через это вполне понятное стремление к неопределенности выражений сквозит желание, ограничив количество вооруженных сил несколькими пехотными соединениями, сделать в то же время возможным увеличение количества формально гражданского обслуживающего персонала таких видов научного оружия, как радар и атомные бомбы, а также увеличить количество вспомогательных войск — морской пехоты, обслуживающего персонала военных баз и т. д. Даже если бы такие увертки и были совершенно невозможны, это соглашение все равно действовало бы в интересах вооруженных сил Атлантического блока ввиду наличия у них огромного количества техники при небольшом личном составе армии, что особенно ощущается в военно-воздушном и военно-морском флотах. В предложениях ровно ничего не сказано по поводу ограничения вооружений. Приводимые в оправдание этого доводы совершенно недостаточны и даже абсурдны. Так, например, в § 6а этой резолюции мы читаем: «Все программы разоружения зависят от личного состава армии и поэтому в той или иной степени связаны с ограничением вооруженных сил». Ограничение только людского состава армии при таких условиях неизбежно привело бы к большому развитию относительного и даже абсолютного оснащения армии военной техникой, которой распоряжались бы высококвалифицированные люди. Это стимулировало бы широкое применение «научного оружия».

Представленные в предложениях цифры приведены с явно пропагандистскими целями; они никак не связаны ни с военным, ни с экономическим положением дел. Франции и Англии вместе разрешено иметь вооруженные силы, равные вооруженным силам Советского Союза, несмотря на то, что он обладает почти вдвое большим населением. Китаю разрешается иметь такую же армию, как и США, хотя США по численности населения чуть больше одной трети населения Китая. Вовсе не упоминается о том, что делается в Японии и Германии. Вряд ли можно серьезно отнестись к такого рода предложениям, и поэтому не удивительно, что г-н Малик не счел возможным принять их за основу для обсуждения. Едва ли считают их пригод-

ными для этого и те, кто их внес на рассмотрение. Если понятие «вооруженные силы» действительно означает то, что о них говорят составители рассматриваемых предложений, то под этим подразумевалось бы сокращение вооруженных сил Соединенных Штатов более чем на половину; но если правительство США с такой охотой идет на сокращение своих вооруженных сил более чем на половину, то может показаться весьма странным его длительный и упорный отказ от принятия предложения Советского Союза о сокращении вооружения всего на одну треть. Соответствуют ли их слова их мыслям? Ясно, что американский народ в это не верит, ибо планы разоружения, предложенные руководителями Атлантического блока, несут с собой ни облегчения, ни ликвидации вечной тревоги. Если правительство США относит понятие «вооруженные силы» лишь к наземным армиям, то оно делает это потому, что хочет услышать похвалы по своему адресу за якобы благородный поступок, все «благородство» которого заключается в том, что, сами ничего не теряя, США толкают другие страны на большие уступки.

Однако есть и другая сторона этих предложений, которая со всей очевидностью показывает тщетность попыток рассмотрения вопроса о разоружении в том виде, в каком он поставлен западными державами. Правительство Соединенных Штатов, с особенной настойчивостью отказывавшееся признать Китайскую Народную Республику, было вынуждено считать ее одной из великих держав, когда речь зашла о разоружении, но те же США прилагают все усилия, чтобы не допустить Китай к работе в комиссии по разоружению. Это превращает деятельность комиссии в фарс. Особой иронией истории является то, что правительство, занявшее столь неправильную и абсурдную позицию в данном вопросе, в самом начале своего существования боролось за введение принципа: «Никаких налогов без представителей налогоплательщиков». Действительно, всякая подлинная попытка обеспечить разоружение должна решаться совместно с представителями правительства Китайской Народной Республики, что само по себе служит решающим доводом в пользу немедленного начала переговоров пяти держав.

Еще одной отличительной чертой работы комиссии по.

разоружению является упорный отказ западных держав согласиться на запрещение атомного и бактериологического оружия. Что касается запрещения атомного оружия, то американцы и их верные сателлиты упорно придерживались в комиссии плана Баруха. Этот план, по существу, предлагает сосредоточить права собственности на уран и другие радиоактивные элементы в руках международного объединения — Агентства по разработке проблем атомной энергии. В этом Агентстве принципа единогласия нет и в помине, а если там и устанавливается какое-то правило голосования, то лишь такое же, как и в комиссии по разоружению ООН, где все вопросы решаются подавляющим большинством голосов, составляющих пропорцию 10:1. Делегат США пытался опровергнуть предположение, что американские предложения преследуют цель создания атомного сверхтреста. Но в своей наиболее значительной книге «Атомный империализм» Аллен показал, что производство атомных бомб является большим бизнесом и что в США нет особой разницы между интересами правительства и частными финансовыми интересами.

Однако американские представители очень ясно показали, как они понимают контроль над атомной энергией. Этот контроль потребовался им для непосредственного овладения — лучше при помощи скупки — всеми атомными запасами, распределением которых должно распоряжаться Агентство. Ясно, что такая политика несовместима с планами любой страны, стремящейся самостоятельно использовать атомную энергию для созидательных целей и превосходно сочетается с политикой захвата запасов атомных бомб.

Такое же сильное сопротивление было оказано и всем попыткам контроля над бактериологическим оружием. В комиссии по разоружению этот вопрос был снят с повестки дня, а из Совета Безопасности его передали в комиссию по разоружению. Не было ничего ни сделано, ни даже обещано по вопросу о запрещении бактериологического оружия. К сожалению, теперь стало ясно, что сохранение как атомного, так и бактериологического оружия, отстаивавшееся любой ценой, ведет к крушению всех надежд на какое-либо соглашение по всеобщему разоружению.

Однако то, что происходит в комиссии по разоружению, не дает Совету Мира никаких оснований для пересмотра его предложений о разоружении, принятых в Варшаве и Вене. Наоборот, события показывают, что всякая попытка разрешения этого вопроса иным путем не приведет ни к чему, кроме бесконечных споров о «стадиях выявления и проверки вооружений».

Если мы хотим добиться успехов в деле разоружения, — а мы обязаны добиться этого пока еще не поздно, — то вряд ли мы можем ожидать какой-либо помощи от правительств, открыто осуществляющих перевооружение и с невиданной быстротой готовящихся к войне.

Комиссии по разоружению и конференции по разоружению не добьются разоружения, если только они не будут пользоваться поддержкой более сильного и сознательного общественного мнения, чем до сих пор.

И все же у нас сегодня больше, чем когда бы то ни было, надежд на то, что мы добьемся положительного результата. С течением времени политика перевооружения в силу ее экономических и социальных последствий сама создаст себе могучую оппозицию, которая только начинает осознавать свою силу.

Люди самых различных профессий, члены профсоюзов, домашние хозяйки, молодежь, даже бизнесмены, начали осознавать, что им ничего хорошего не может дать политика, которая несет с собой такие тяготы и от которой в грядущем нельзя ожидать ничего, кроме разорения. В отчаянии ищут они выхода из того смертельного тупика, в котором они оказались. Мы знаем, что путь к спасению лежит через переговоры и разоружение, но мало только лишь знать об этом. Недостаточно разработать, как мы делали это в Варшаве и Вене, разумный план, согласно которому можно добиться разоружения. Мы должны так представить этот план, чтобы народы могли принять его и бороться за него, как за свой собственный. Мы не утверждаем, что у нас есть точная формула, необходимая для достижения мира. Мы не требуем и не можем требовать, чтобы народы соглашались именно с нашим решением. Мы должны лишь укрепить мысль о том, что существует альтернатива «холодной войны», и предоставить народам самим искать эту альтернативу. Они неизбежно придут к

нашему решению, ибо только оно является честным, справедливым и осуществимым.

Мы не имели успеха, когда, так же как и я в прошлом, представляли вопрос о разоружении как своего рода академическую тему, несколько абстрактно и поверхностно решая трудные и безотлагательные проблемы современности. Теперь, наученные опытом, мы должны знать, что проблема разоружения сама по себе, в отрыве от насущных вопросов действительности, ничего не значит — она должна вытекать из обсуждения вопроса о войне в Корее, где применяются напалмовые бомбы и бактериологическое оружие, и вопроса о положении в Западной Германии, где возрождается нацистское руководство, из анализа роста дороговизны, роста безработицы в текстильной промышленности.

Нам нужно проповедовать разоружение не как нечто самодовлеющее, а как практическое решение ряда частных проблем.

Нам нужно прежде всего уяснить и выработать точные принципы разоружения: во-первых, сокращение дозволенного вооружения до такого предела, чтобы была ликвидирована угроза агрессии; во-вторых, абсолютное запрещение оружия массового уничтожения. Для достижения этого не требуются глубокие военные и экономические познания — нужен только здравый смысл и вера в то, что люди других стран стремятся к гуманизму не менее, чем народы своих собственных стран.

Будучи уверенными в правоте наших взглядов, мы не можем надеяться на то, что остальные придут к тому же без дискуссий и убеждения; мы должны быть к ним готовы и вести их в тех кругах, к которым мы принадлежим.

Наша деятельность в качестве представителей движения борьбы за мир состоит теперь не столько в том, чтобы заниматься выработкой общих стратегических планов, что нами уже проделано, сколько в том, чтобы следить за выполнением этих планов на местах. Мы не можем заимствовать по весьма отдаленной аналогии искусство ведения войны для того, чтобы добиться мира. В армии при проведении концентрированной атаки показателем хорошей дисциплины служит четкое выполнение приказов. Однако такой метод отличается отсутствием гибкости, и ему легко

противостоять; гораздо более эффективен другой метод, требующий совсем иной сознательности и другой дисциплины, который предоставляет инициативу небольшим группам, согласованно действующим вне жесткого плана и без приказов.

Сплачивая наше движение, мы должны прежде всего признать необходимость объединения наших действий вокруг определенных вопросов: требования запрещения атомной бомбы, зафиксированного в Стокгольмском воззвании, и требования заключения Пакта Мира между пятью великими державами, принятого в Берлине. Огромное впечатление, произведенное этими двумя документами, единодушно поддержанными сотнями миллионов людей, оказало большое влияние на образование чувства нерушимого единства.

Теперь, сохраняя это единство и богатый опыт совместной работы, нам нужно с еще большим вниманием относиться к повседневным заботам и нуждам различных слоев населения. Наше движение должно все больше и больше вытекать из народных масс, а не только лишь приближаться к ним.

Движение за мир будет расти не только благодаря принимаемым резолюциям и собирающимся конгрессам, хотя они и имеют важное значение, но главным образом благодаря нахождению путей для мощного и эффективного выражения воли народов к миру.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВЕНСКОМ КОНГРЕССЕ НАРОДОВ В ЗАЩИТУ МИРА ¹

Меня просили открыть прения по третьему вопросу повестки дня — «Проблемы ослабления международного напряжения». Я приступаю к этому, сознавая свою обязанность перед Конгрессом избегать пространных речей и лишь наметить основные темы прений, которые Конгресс должен довести до плодотворного конца.

Мы находимся здесь для того, чтобы обменяться мнениями и изучить весь вопрос в целом о ныне существующем напряжении с единственной целью изыскать практический способ привести в движение народы и правительства с тем, чтобы добиться мира и сохранить его.

Прежде всего я хочу сказать, что на этом Конгрессе, как это явствует из выступлений, находятся делегаты, придерживающиеся двух совершенно различных точек зрения в отношении нашей основной цели. Здесь есть люди с богатым опытом общественной деятельности, дипломаты, политические деятели и даже бывшие главы государств, которых интересует, законно интересует, практическая форма тех соглашений, которые принесут мир земному шару. Они мыслят в плане договоров, выборов, пактов и уставов. Они хотят иметь возможность показать, каким образом на первый взгляд неразрешимые проблемы современности могут быть разрешены при наличии доброй воли. Однако именно тут на сцену выступает другая группа делегатов — тех, которых в первую очередь интересует воля к миру, а не форма мира. Эти простые люди — священнослужители многих религий, профсоюзные деятели, крестьяне, солдаты, даже генералы — знают, что мир, в ко-

¹ Перепечатано из приложения к журналу «Новое время» № 1 от 1 января 1953 г.

нечном счете, следует искать в сердцах людей; они нетерпеливы, они подозрительно относятся к переговорам и компромиссам, в которых мир должен найти свое выражение. Однако эти различные точки зрения не противоречат друг другу. Они абсолютно необходимы друг другу, они необходимы для осуществления нашей главной цели. Мы рады, что на этом великом конгрессе народов предлагаются столь различные методы достижения общей цели. И те и другие в равной мере являются истинными борниками мира, готовыми посвятить ему всю свою жизнь и, если возникнет необходимость, умереть за него.

Я говорю все это для того, чтобы предотвратить бессмысленные споры и недоразумения. Наши прения и решения должны отразить обе эти тенденции. Прежде всего мы должны установить, что именно мы считаем неизменными условиями достижения мира; затем мы должны решить, какие меры мы можем принять, чтобы обеспечить на практике эти условия. Это не утопическая цель. Это нечто реально достижимое, причем реально достижимое в ближайшее время, ибо мы находимся здесь в качестве представителей сотен миллионов людей, на чувства и поступки которых мы можем рассчитывать, если они поймут, каково положение и что они должны сделать. Наша задача — обеспечить такое понимание и определить формы действия.

Я не буду долго останавливаться на первом аспекте этого. Вопрос этот уже всесторонне обсуждался на нашем конгрессе, и на основании выступлений я делаю вывод, что в настоящее время уже существует исключительно широкое согласие. Все мы хотим прекратить ведущиеся сейчас войны. Все мы хотим вернуться на путь переговоров, особенно жизненно важных переговоров между пятью великими державами. Все мы хотим урегулирования нерешенных проблем, однако здесь мы пошли дальше и считаем, что можем более конкретно указать, какие меры могут быть приняты для решения важнейших проблем Германии, Австрии и Японии. Все мы требуем быстрого, реального и справедливого разоружения и запрещения орудий массового уничтожения — атомных и водородных бомб, радиоактивных и отравляющих веществ, бактериологического оружия. Одновременно мы требуем прекратить

всякую пропаганду войны и ненависти между народами. Все мы стоим за подлинную независимость народов, причем не только колониальных, но и других народов, испытывающих на себе политическое и экономическое давление.

Все мы добиваемся возврата к принципам Устава Организации Объединенных наций, такой Организации Объединенных наций, в которой могли бы найти место не только Китай, но и другие страны, до сих пор по нелепым причинам недопущенные в нее.

С этими политическими условиями урегулирования связаны условия экономических и культурных связей, которые необходимы для их сохранения и укрепления: возобновление торговли между Востоком и Западом и помощь малоразвитым странам. Мы добиваемся возобновления свободных культурных связей, открытия границ — одним словом, ликвидации железного занавеса и «холодной войны». Уже тот факт, что по всем этим пунктам достигнуто согласие, — а я убежден, что большинство присутствующих здесь в значительной мере согласно в этом, — сам по себе является колоссальным достижением. Это результат деятельности не одной какой-либо секции или одного какого-либо движения, а неизбежного совпадения многих, фактически всех движений, которые серьезно поставили перед собой цель достижения мира путем соглашения, а не мира путем смерти, ибо только такой мир может быть достигнут с помощью применения силы.

И все же я утверждаю, что это лишь начало нашей работы. Самое трудное еще впереди; как устранить препятствия, мешающие достижению этого разумного, справедливого и для всех желанного решения. Такова наша подлинная проблема, проблема всех движений за мир во всем мире.

Каким способом можем мы рассеять опасения, угнетающие умы миллионов людей, заставляющие их поддерживать политику «холодной войны», политику разжигания ненависти, политику перевооружения, политику угнетения колониальных народов, политику переговоров с позиций силы, политику навязывания решений силой — или, во всяком случае, активно не бороться против такой политики. Мы должны здесь изыскать сейчас наилучшие

способы борьбы против этой политики и согласовать свои усилия таким образом, чтобы, когда мы разъедемся, мы ощущали поддержку в сознании того, что миллионы других мужчин и женщин, представленных здесь, продолжают действовать в этом направлении.

Прежде всего нам следует обсудить вопрос о том, какими ресурсами мы уже располагаем и как мы можем наилучшим образом использовать их. Прежде всего нам известна программа мира, о которой в общих чертах я уже говорил и каковая, я надеюсь, найдет свое отражение в наших окончательных решениях. Это исключительно мощное оружие. Уже само сознание того, что путь к миру намечен, служит большим стимулом для того, чтобы вступить на этот путь. И так оно и есть. Говорят, что идеи не нуждаются в визах, а идеи мира и идеи о путях его достижения распространились исключительно широко и вышли далеко за рамки всех представленных здесь движений. Мы очень довольны тем, что сейчас уже представляем так много тенденций — политических и религиозных. Это свидетельствует о победе духа мира.

И все же мы знаем, что многие еще стоят в стороне не потому, что их убеждения коренным образом отличаются от наших, а потому, что их отговаривают и запугивают те, кто умышленно пытается посеять сомнения и разногласия, кто хочет, чтобы мир был обеспечен путем силы, а не путем примирения.

Наличие программы, которая нашла уже такую широкую поддержку, в огромной степени поможет рассеять эти сомнения. Она привлечет к нам миллионы тех людей, которые еще не с нами, при условии, если мы будем подчеркивать те основные аспекты мира, которые объединяют нас, и не будем настаивать на тех взглядах, которые — как бы глубоко и искренне мы их ни придерживались — могут лишь разделять нас.

Я вспоминаю митинг представителей различных организаций сторонников мира в Лондоне, на котором одна весьма миролюбиво настроенная представительница горько сетовала на то, что ее пригласили под ложным предлогом. «Нас пригласили сюда для обсуждения наших разногласий, а вы предлагаете нам прийти к согласию», — сказала она. И все же, в конце концов, мы пришли к

согласию. И я надеюсь и верю, что то же самое случится и здесь и что соглашение, которое будет достигнуто здесь, будет действовать до тех пор, пока не удастся окончательно обеспечить мир.

Другим важным преимуществом для нас является фактическое банкротство политики, против которой мы выступаем. Планы создания могучей силы, с помощью которой можно было бы диктовать мир, несмотря на все те несчастья и лишения, которые они принесли и приносят, фактически рухнули под собственной тяжестью. Армии и вооружения, которые к настоящему времени должны были бы быть готовы для ведения войны, фактически не готовы, и их создание отложено до 1954, 1955 и 1956 гг. Мы должны позаботиться о том, чтобы это было отложено навсегда. Экономика старых промышленных стран не может выдержать такого напряжения. Даже консервативные газеты в Англии пишут сейчас, что, как стало нам ясно, мы не можем одновременно обеспечить свою безопасность и платежеспособность.

В этом наш великий шанс. Мы можем показать, что, лишь осуществляя политику мира, разоружения и возобновления мировой торговли, каждая страна может одновременно обеспечить свою безопасность и платежеспособность. Такой провал политики вооружения, которая чувствительно бьет даже по экономике Соединенных Штатов, уже сейчас все в большей степени привлекает наиболее разумных представителей всех классов к нашей политике, и этот процесс будет развиваться все быстрее по мере того, как влияние этой политики будет сказываться на деловой и промышленной деятельности.

Ни одна страна не может достичь процветания до тех пор, пока вся политика перевооружения в целом не будет отвергнута.

Уже сейчас наихудшие последствия экономической политики холодной войны сказываются в виде высоких цен и усиленной эксплуатации сырьевых ресурсов всех колониальных и относительно малоразвитых стран мира. Терпение народов этих стран истощается. Из выступлений представителей этих народов мы узнали о том, что они уже солидаризируются со всемирной борьбой за мир. Мы, представители других стран, должны, в свою очередь,

сделать все от нас зависящее, чтобы поднять свои народы на борьбу против новой волны колониального порабощения и показать им, что, содействуя этому, они лишь угтавливают худшую судьбу для самих себя в новой войне.

Однако в своем стремлении обеспечить победу мира мы должны полагаться значительно больше на собственные усилия, чем на внешние благоприятные обстоятельства. Мы должны сейчас, на данной стадии работы нашего конгресса, обсудить способы, с помощью которых можно добиться ослабления международного напряжения. В последующих прениях мы хотим познакомиться со всеми идеями и предложениями, которые смогут оказать нам практическую помощь в этом отношении. Несомненно, некоторые делегаты предложат политические решения серьезных международных вопросов, и они найдут свое отражение при формулировке наших решений. Точно так же — и, по моему мнению, еще более важными — будут предложения насчет того, что именно мы и те, кого мы представляем, можем сделать в ближайшие месяцы для ослабления международного напряжения.

Мы не должны заниматься самообманом. Прямо и непосредственно, сотнями различных путей это напряжение усиливается. Появляются новые страхи, преувеличивается значение инцидентов с тем, чтобы вызвать недоверие и разногласия.

Наша первейшая задача, несомненно, должна состоять в том, чтобы не допускать таких расхождений между нами. Один из способов ослабления международного напряжения состоит в том, чтобы каждый из нас лично не допускал таких слов и поступков, которые могли бы привести к разногласиям, и использовал все свое влияние, чтобы и другие не допускали этого. Как бы сильно мы ни расходились во взглядах по другим вопросам, давайте решим никогда не допускать разногласий в отношении дела мира.

Какой же существует у нас наилучший и наиболее мирный способ ослабления напряжения? Несомненно, самый лучший способ состоит в том, чтобы доказать полную несостоятельность причин, которые, как утверждают, лежат в основе напряженности. В оправдание гонки вооружений, шпионажа и диверсий обычно говорят об обороне от агрессии со стороны других государств или блоков

государств. Самой надежной гарантией против любой агрессии является уверенность в том, что в этих странах существуют мощные силы мира.

Те из нас, кто присутствует здесь, могут судить о том, насколько сильно это движение в защиту мира в Европе и в Азии. Народы этих стран пережили войну и находят способы выражать свое отвращение ко всякому урегулированию, навязываемому силой.

Мы уверены, что люди, так глубоко проникнутые стремлением к миру, как большинство присутствующих здесь, не дадут вовлечь себя в какую-либо агрессивную войну. Гитлеру потребовалось 6 лет ожесточенной милитаристской пропаганды, чтобы втянуть германский народ, который в конечном счете имел сильные военные традиции, в такую войну.

Трагедия движения сторонников мира перед второй мировой войной заключалась в том, что это движение не было всеобщим, что оно полностью подавлялось в некоторых странах. Всеми имеющимися в нашем распоряжении способами мы должны добиваться того, чтобы это не повторилось.

Было бы очень хорошо, если бы большой и представительной делегации из Соединенных Штатов было разрешено участвовать в работе нашего конгресса и чтобы население Соединенных Штатов могло без извращений и замалчиваний узнать о стремлении к миру народов всего мира. Из выступлений искренних и мужественных делегатов, которые все же прибыли на наш конгресс, мы знаем, что и сам народ Соединенных Штатов также жаждет мира и что даже усиленно разжигаемая истерия не может преодолеть их естественного отвращения к разрушениям и жестокостям войны. Наша задача — причем одна из наших важнейших задач — состоит в том, чтобы установить с ними взаимопонимание и показать им, что существует другой путь обеспечить им возможность пользоваться своими естественными правами на «жизнь, свободу и стремление к счастью», который не влечет за собой смерть, порабощение и отчаяние миллионов других людей.

Но как же можно это продемонстрировать и доказать? Поступки красноречивее слов. За резолюциями конгрессов и за выступлениями делегатов скрываются реальные

факты, такие, как великие стройки на Волге, Аму-Дарье и на реке Янцзы, которые должны улучшить жизнь человека. Народы Советского Союза, Китайской Народной Республики и стран народной демократии строят мир собственными руками — с помощью открытий своих ученых, с помощью неустанного труда своих крестьян и рабочих. Это — реальный труд во имя мира в этих странах. Однако его значение неизмеримо возросло бы, если бы более широкие круги людей могли убедиться в этом и узнать об этом. Все, что может сблизить людей, всевозможные формы поездок, культурных связей, спортивных встреч помогают лучше понять подлинное положение и рассеять опасения, основанные на подозрениях и неведении. Я уверен, что на конгрессе будет внесено много предложений о претворении этого в жизнь и что в результате мы раз и навсегда уничтожим легенду о железном занавесе.

Однако мы можем действовать и конкретнее. Все мы признаем, что непременным условием существования всех стран мира является взаимная торговля. Это особенно верно сейчас, когда тень экономического кризиса падает и на Европу, когда возрождение и значительное расширение торговли между Востоком и Западом служит единственной надеждой обеспечить сбалансированную экономику как в ближайшее время, так и в более далеком будущем. Экономическое совещание в Москве было первой вехой на этом пути, но наши усилия в этом направлении не должны ослабевать, и я уверен, что на этом конгрессе мы сумеем найти практические способы продолжить его плодотворную работу.

Великое движение рабочего класса всего мира — если оно сможет укрепить свое единство — содержит в себе надежнейшую гарантию мира. Уже сейчас стремление трудящихся к миру, даже в странах, которые не пережили всех ужасов войны, связано с теми же проблемами, которые волнуют нас.

На наш конгресс приехали сотни представителей рабочего класса. Они собрались здесь, чтобы найти пути и средства создания основы единства в деле служения миру, вопреки всем усилиям разделить их. Я надеюсь, что результатом этих усилий будет новое движение, которое

усилит традиционную любовь к миру организованных рабочих и поможет пресечь все попытки разобщить их и поставить на службу войне. Я не говорю уже о женщинах и молодежи во всем мире. Женщины и молодежь, которые больше всех испытывают на себе тяготы войны и которые в первую очередь страдают от нее, уже продемонстрировали своими великолепными международными организациями, что они могут сделать.

Однако сколь бы ни велики были их заслуги в борьбе за мир, нужно сделать гораздо больше, и я знаю, что они уже использовали этот конгресс, чтобы активизировать свою деятельность.

И, наконец, я хотел бы апеллировать к религиозным и моральным чувствам всего человечества, людей различных вероисповеданий и людей, не исповедующих никакой религии. Движение сторонников мира уже продемонстрировало, что дело борьбы за мир может оказаться сильнее сектантских и религиозных чувств. Я вижу, как муфтий Азербайджана и митрополит Московский, эти достойнейшие деятели, сидят рядом, и я слышал, как оба они с глубокой убежденностью заявляли о том, что их религия проповедует мир, а не войну. Наше дело значительно продвигнется вперед, если каждый священник будет выступать в таком же духе и докажет свою веру делами. Я знаю, что на нашем конгрессе мы найдем многочисленные доказательства стремления духовенства к миру. Это вдвойне от радно, как само по себе, так и потому, что служит доказательством стремления достойных высокопоставленных духовных лиц присоединиться к этим общим усилиям. Я надеюсь, что к концу нашей работы это стремление найдет свое конкретное выражение и что результаты нашего конгресса будут длительными и их значение возрастет. В религиозных и пацифистских кругах отмечалась тенденция считать, что духовные методы достижения мира путем внутренних преобразований в какой-то мере стоят в стороне от общественной деятельности и деятельности в пользу мира. Уже заслушанные нами выступления Кумараппа — последователя Ганди — и представительницы итальянской католической организации Христианское движение за мир г-жи Пьяджо свидетельствуют о том, что на нашем конгрессе такие тенденции постепенно начинают

исчезать и что выявляются средства примирить духовный и политический подходы.

Будет встречаться еще много трудностей и вопросов, которые придется обсудить. Однако добрая воля, несомненно, имеется, и я уверен, что все эти препятствия будут преодолены.

При наличии всех этих сил, поддерживающих нас, что мы должны сделать, дабы добиться этого мира и устранить напряженность, к чему все мы стремимся путями, которые сейчас, несомненно, сходятся? Такова наша основная задача сейчас, и мы не должны отвлекаться от этой задачи для детального обсуждения политического положения, сколь бы интересным это ни было.

Наша политика ясна и была четко изложена в речи нашего председателя. Все мы, присутствующие здесь, верим в мирное сосуществование различных режимов. Мы считаем, что мир должен быть достигнут с помощью переговоров, а не с помощью силы. Мы предвидим, что решающим завершением таких переговоров будет Пакт Мира между пятью великими державами, что даст возможность вернуться к духу и букве Устава Организации Объединенных наций. Необходимо использовать все общие методы ослабления международного напряжения, о которых я говорил. Однако они будут в значительной степени бесплодны, если не будет такого Пакта. Тем не менее для достижения этого потребуются все силы, целеустремленная и более активная деятельность всех организаций и отдельных лиц, представленных здесь. Наша задача в остающиеся дни работы конгресса состоит в том, чтобы найти практические способы использования той колоссальной энергии, которая заложена в стремлении людей к миру. Их можно найти не только в движениях, которые послали нас сюда, но и еще в большей степени в воле сотен миллионов людей, с которыми мы еще не установили контакта, но которые так же глубоко и искренне стремятся к миру, как и любой из нас. Всякое мероприятие, которое мы осуществляем в международном и национальном масштабе, должно сопровождаться сотнями и тысячами мероприятий местных организаций и отдельных лиц. Мы должны изыскать новые формы и учиться на этом конгрессе на опыте друг друга. О значении этого великого конгресса

можно будет судить по тому, что каждый из нас сможет сделать в собственной стране и на своем участке, а также по тому, что мы сможем сделать здесь сейчас как организация, чтобы помочь поборникам мира во всем мире.

В качестве примера практического мероприятия я хотел бы предложить следующее: не можем ли мы установить контакт в каждом избирательном округе всех парламентов или законодательных собраний с каждым членом парламента, даже с каждым кандидатом в члены парламента. Пусть избиратели путем депутатий, митингов, писем требуют от своих представителей проведения той политики мира, которую мы защищаем на нашем конгрессе, требуют, чтобы они добивались в парламентах принятия этой политики их правительствами.

Таким или любым другим способом, который может быть разработан на этом конгрессе, следует склонить правительства всех стран мира поддержать дело мира и вернуться к принципам Устава ООН. Такова будет наша задача после этого великого конгресса. Мы должны изыскать средства довести послание мира до каждого дома. Мы должны заставить каждого мужчину и каждую женщину почувствовать, что они обязаны добиваться этого. Мы должны ликвидировать чувство беспомощности и пессимизма, порожденное ужасными событиями нашего времени. Мы должны возродить веру в успех дела мира. Это послужит мериллом нашего успеха. Мы можем призывать правительства к выполнению их прямого долга. Но только народ может заставить их сделать это.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	III
МАРКСИЗМ И НАУКА	
СТОЛЕТИЕ МАРКСИЗМА	3
МАРКС И НАУКА	54
ЛЕНИН — ВЕЛИЧАЙШИЙ УЧЕНЫЙ	107
МЕСТО И ЗАДАЧИ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕ	
РОЛЬ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕ	113
НАУКА ПРОТИВ ВОЙНЫ	130
НАУКА НА СЛУЖБЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	195
СУДЬБЫ НАУКИ	206
ОТРЕЧЕНИЕ ОТ НАУКИ	215
МИР БУДЕТ СОХРАНЕН	
РЕЧЬ НА ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТОРОННИКОВ МИРА В МОСКВЕ	229
ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВАРШАВСКОМ КОНГРЕССЕ СТОРОННИКОВ МИРА	233
ЗА РАЗОРУЖЕНИЕ	242
МИР БУДЕТ СОХРАНЕН	272
ВЫСТУПЛЕНИЕ НА БЕРЛИНСКОЙ СЕССИИ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА	275
ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВЕНСКОМ КОНГРЕССЕ НАРОДОВ В ЗАЩИТУ МИРА	288

Редактор *Ф. Н. ГРЕЦКИЙ*
Художник *М. М. Малкин*
Технич. редактор *Е. С. Герасимова*

Сдано в набор 5/III 1953 г.
Подписано к печати 26/VI 1953 г.
А 03281. Бумага $82 \times 108\frac{1}{32}$.
5,1 бум. л.—16,7 печ. л. в т/ч 1 вкл.
Уч.-издат. л. 16,8. Изд. № 9/1238.
Цена 12 р. 10 к. Зак. 1991.

3-я типография «Красный пролетарий»
Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
14	1 снизу	Hoolke's	Hooke's
64	19 сверху	<i>единственного, подлинного</i>	<i>единственного подлинного</i>
92	1 снизу	76.	78.
97	10 »	Шпицер	Шпитцер
118	16—17 »	Британская Ассоциация ученых	Британская научная ассоциация
137	6 сверху	применение	внедрения
201	20 снизу	издания	создания
246	7 »	Исходя	«Исходя
256	13 сверху	задерживающих	задерживавших

Заказ № 1991.

